

Евгений СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

**СЛОВО
АВТОРИТЕТА**

Евгений Сухов
Слово авторитета
Серия «Воровской
криминальный роман», книга 3

Текст предоставляется издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136609

Слово авторитета: Эксмо-Пресс; М.;
ISBN 5-04-009758-1

Аннотация

Слово вора – закон. За пустой «базар» с него строго спросится. И когда Миша Хвост упустил партию стволов, на которые претендовал казначей общака Варяг, – он подписал себе приговор. Стволы нужны позарез. Без них невозможно убрать тех, кого задумали ликвидировать авторитеты. Кто этот отморозок, пошедший наперекор воровскому сходняку? Об этом знает только сам отморозок – да еще «крот» из МУРа, косящий под крутого...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	68
Глава 5	76
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	109
Глава 6	109
Глава 7	116
Глава 8	130
Глава 9	163
Глава 10	172
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Евгений Сухов

Слово авторитета

Уважаемые читатели!

Я получаю от вас много писем и стараюсь отвечать на них. Жаль, что откликнуться на все не получается. Меня радует, что герои моих книг вам понравились. Для писателя высшая награда, когда читатели сопереживают его героям и следят за их судьбами. Спасибо вам.

Многие из вас интересуются, почему я перешел в другое издательство. Действительно, я сделал это и постараюсь объяснить почему. Дело в том, что жизнь в книгах, пусть даже самая суровая, овеяна романтикой, а реальность порой оказывается гораздо циничнее. Никто из нас, к сожалению, не застрахован от неприятных ситуаций и непорядочного отношения. Решение перейти в другое издательство для меня было тяжелым и непростым делом. Для подобного шага у меня имелись серьезные и глубокие причины.

Короче. Издательство «АСТ-ПРЕСС» выпустило книгу «СХОДНЯК», где было написано: «Под псевдонимом Евгений Сухов над серией „Я – ВОП В ЗАКОНЕ“ работает коллектив авторов». Подобное заявление – не что иное, как месть моего издателя за серьезные разногласия в наших взаимоотношениях. Признаться, ничего подобного я не ожидал, тем неприятнее мне было увидеть это.

Хочу внести ясность. Я долго надеялся, что мой прежний издатель публично извинится за незаслуженное, если не сказать жестче, покушение на мое писательское имя. Но извинений я так и не дождался.

Без лишних разговоров я утверждаю: никакого коллектива авторов, никакого псевдонима, никакого другого ЕВГЕНИЯ СУХОВА в природе не существует. Надеюсь, это стало ясно после выхода в свет книги «КАЗНАЧЕЙ ОБЩАКА».

Еще вас интересует, будет ли продолжена серия «Я – ВОП В ЗАКОНЕ». Право на эту серию принадлежит автору, значит, она будет продолжена, пока вы, дорогие читатели, интересуетесь ею.

Пользуясь случаем, хочу признаться моим читателям в любви, и пусть бог нас не оставит.

Ваш ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СХОДНЯК В БИТЦЕВСКОМ ЛЕСУ

Глава 1 ВСТРЕЧА С ВАРЯГОМ

Мягко заработала автоматика, и ворота закрылись, оставив Варяга на улице. В шортах, в рубашке с короткими рукавами, он напоминал преуспевающего бизнесмена, чьи виллы разбросаны по самым престижным побережьям земного шара. А на юго-запад Франции он приехал для того, чтобы немного отдохнуть от дел. Действительность же была иной – особняк, в котором он расположился, и огромные прилегающие к нему территории являлись составной частью «общака». Он был всего лишь хранитель – нищенствующий бродяга при богатейшем ордене.

Узкая асфальтовая дорога круто уводила вниз, с правой стороны зияла пропасть. Однако подобное неудобство не мешало аборигенам носиться на своих железных «мустангах» на максимальной скорости, и немногочисленным прохожим оставалось только вжиматься в скальную поверхность, что-

бы не быть протараненными хромированными «кенгурятниками».

Метрах в ста пятидесяти от виллы раскинулось небольшое плато, поросшее темно-фиолетовой ежевикой. На нем – крохотная, потемневшая от времени деревянная скамейка с жестяным навесом. Человек, установивший эту скамью, прекрасно понимал, что лучшего места для обозрения морского простора не найти во всех Пиренеях, а потому уступ частенько оказывался занятым и непритязательные эстеты подолгу всматривались в серо-голубую полосу горизонта.

На пожухлой траве сидел плотный мужчина лет сорока пяти в легком светлом костюме. Сомкнув пальцы на согнутых коленях в замок, он с интересом наблюдал за длинным сухогрузом, мягко скользившим вдоль берега. Судно двигалось в сторону Испании. Занятие настолько захватило мужчину, что он даже не услышал подошедшего Варяга, который удобно устроился на скамейке рядом.

– Вы бы, Юрий Николаевич, побереглись. С земли-то холдом потягивает, так ведь и простудиться можно.

Мужчина резко обернулся и, узнав неожиданного соседа, побледнел:

– Вы?

– Неужели я так сильно изменился? – В голосе Владислава мелькнула нескрываемая обида. – Я, конечно, понимаю, что люди меняются, но, помилуйте, ведь не так быстро. Сколько мы с вами не виделись?

– Полгода, – сдавленно сказал мужчина.

– Ну вот, видите! – почти обрадованно воскликнул Варяг. – Надеюсь, что я такой же. Разве что загорел немного. Вы присаживайтесь, мне даже как-то и неловко с вами так разговаривать. Вы на земле, я на скамейке, такое впечатление, будто бы я давлю на вас.

Юрий Николаевич нехотя поднялся и присел рядом с Варягом. Локти их соприкоснулись.

– Как вы меня нашли?

Слегка откинув голову, Владислав расхохотался. Смех его был искренним и заразительным.

– Вас действительно это интересует? – посмотрел Варяг на собеседника. – Поверьте мне, это чисто технические детали. И корить вам себя не стоит. Вы не такой уж маленький человек, чтобы вот так бесследно раствориться. Мы сделали запросы в швейцарские банки, установили номера ваших счетов. Вот и все... А потом, вы очень наивный человек – хапнули у нас три миллиона долларов и решили, что мы не будем вас искать? Ну, право, это некрасиво, Юрий Николаевич, такой поступок характеризует вас далеко не с лучшей стороны. Вы же интеллигентный человек. А потом, у нас с вами были совместные проекты, и мы могли бы вспомнить немало хорошего из нашего сотрудничества. А вы одним махом решили перечеркнуть все то доброе, что мы вместе работали.

Юрий Николаевич сдавленно сглотнул:

– Деньги я вам отдам.

– Ну, разумеется, – миролюбиво согласился Варяг. – Куда ж вы денетесь-то? Они ведь вам не принадлежат. Только хочу сказать, что за полгода ситуация немного изменилась. Своим неожиданным исчезновением вы обидели многих уважаемых людей, и у нас накопились к вам некоторые претензии. А следовательно, сумма будет немного больше.

– Сколько?!

– Да что же это такое с вами? – участливо поинтересовался Варяг. – На вас просто лица нет! Не пугайтесь вы так, бога ради! Я же не бандит какой-нибудь с большой дороги. Гляньте сюда, – приподнял Варяг футболку, – у меня за поясом даже топора никакого нет. Надо следить за здоровьем, вы так раньше времени себя загубите. Советую вам заняться обливанием, знаете, очень бодрит...

– Сколько вы с меня хотите взять? – пошевелил помертвелыми губами Юрий Николаевич.

Сухогруз медленно удалялся. Еще минуты три – и он скроется за выступающим утесом.словно прощаясь, прозвучал продолжительный гудок, который тотчас затерялся в морских просторах.

– Завтра я должен получить чек на сумму в три миллиона долларов. Скажем, в это же время.... А потом, у вас, кажется, здесь есть вилла?

– Да, – произнес Юрий Николаевич в пустоту.

– Сегодня к вам подойдет человек, вы должны оформить

виллу на его имя. Думаю, этого будет вполне достаточно.

— У меня больше ничего не останется.

— Разве? — удивленно поднял брови Варяг. — Вы, очевидно, позабыли еще про те полтора миллиона, что находятся на счету в венском банке. Конечно, это не такие большие деньги, чтобы бездумно швыряться ими направо и налево, но на них можно жить вполне достойно.

Три года назад Юрий Николаевич работал в аппарате президента. Имел безукоризненный послужной список и репутацию делового и очень ответственного человека. Был вполне благополучен, и единственное, чего ему не хватало для ощущения полного счастья, так это материального достатка. Нельзя было сказать, что Юрий Николаевич бедствовал. Денег вполне хватало на то, чтобы раз в год, а то и два, отдохнуть на каком-нибудь европейском курорте, сходить в выходной день в ресторан и сделать небольшой презент супруге. Но хотелось большего: хотелось иметь достойную недвижимость где-нибудь на берегу теплого моря и, без боязни за завтрашний день, тратить капиталы в собственное удовольствие.

При распределении тендеров его голос звучал как определяющий. Он терпеливо дожидался дня, когда можно будет извлечь выгоду из своего положения. Случай представился два года назад, когда намечалась реконструкция одного из исторических мест Москвы. Тендер выиграл дальний родственник жены, за что Юрий Николаевич получил очень хо-

рошие комиссионные. Но кто бы мог подумать, что за спиной юноши с румяными щеками стоит вор в законе с погонялом Варяг...

– Припоминаете? – жизнерадостно спросил Владислав. – Ну, слава тебе, господи! А то с вашими капиталами, разбросанными по всей Европе, это немудрено.

– На детей собирал, – угрюмо выдавил из себя Юрий Николаевич, – им выучиться надо.

Варяг поднялся:

– Разумеется, я, конечно, все это понимаю. У меня к вам есть еще одна маленькая просьба, надеюсь, вы не откажете мне, во имя нашей дружбы... Напишите мне, пожалуйста, список тех, кто заинтересован в пересмотре результатов приватизации подконтрольных нам объектов. Это первое... И второе – список тех, кого должны рекомендовать вместо наших назначенцев. Сделаете?

– Да, – негромко сказал Юрий Николаевич.

– Вот и отлично. Я знал, что мы поладим. Да не расстраивайтесь вы так. А то на вас прямо лица нет. Отдыхайте, развлекайтесь. Знаете, жизнь прекрасная вещь. – Варяг глубоко вздохнул. – А какой здесь необыкновенный воздух! Ну, да ладно, не буду вам мешать. А то заболтал вас своими разговорами, а вам помечтать хочется, посидеть в одиночестве. – Он сделал пару шагов в сторону дороги. – Ах, да, совсем забыл. Я определил вам свою охрану, а то в горах, знаете ли, всякое может произойти, народ здесь гуляет разный. Да и

вам будет спокойнее.

Спустившись с плато, Варяг вытащил из кармана мобильный телефон. Быстро набрал номер.

– Антиквариат?... Да, это я. Как в Москве погода? Дождь... Сочувствую, а у нас солнечно. Загораю. Завтра я перешлю тебе один список... Да. Тот самый. Займись этими людьми поплотнее, мне кажется, у них не все в порядке со здоровьем... Да, вот именно, надо полечить. До встречи.

Отключив телефон, Варяг сунул его в карман и бодро зашагал к вилле, возвышавшейся над окрестностями.

* * *

Пансионат для престарелых находился в Битцевском лесопарке. Причем в таком глухом месте, что всякому, кто попадал в эти места, казалось, будто он угодил на самый краешек земли. Трудно было поверить, что всего лишь в нескольких километрах отсюда проходит оживленный Балаклавский проспект, а по другую сторону громоздятся жилые массивы Чертанова. Старый парк, где спрятался пансионат, уверенно охранял покой его обитателей и безжалостно рассеивал звуки клаксонов, раздававшихся с многошумной автострადы.

Добраться в это заведение было довольно сложно – Битцевский лесопарк, густо изрезанный оврагами и балками, к себе так просто не подпускал, и приходилось ехать по узенькой накатанной дорожке, едва не обдирая кузов машины ко-

рванными ветками.

А тут еще овраги, которых было не счесть! В непогоду они наполнялись водой и разливались так широко, как будто бы претендовали на судоходность. Бурные потоки воды сметали мостки, вплотную подбирались к тропинкам и создавали массу неприятностей для тех, кто оказывался в лесу. Разыгравшаяся непогода старалась делать все возможное, чтобы постояльцы пансионата почувствовали себя напрочь оторванными от мегаполиса.

Битцевский лес – место для схода почти идеальное. Даже самый изобретательный милицкий мозг не сумел бы предположить, что здесь, в заповедной тиши, соберется полдюжины воров, чтобы в лесной прохладе, за кружкой крепкого пива, обсудить поднакопившиеся дела.

Битцевский лес обладал еще одним преимуществом. В случае необходимости в его чаще мог укрыться целый полк, и поэтому несколько человек законных будут себя чувствовать тут в полнейшей безопасности. На непредвиденный случай, если руоповцам все-таки захочется испортить настроение честным людям, было вырыто несколько землянок, где, без боязни быть захваченным, можно будет переждать милицкий гнев. Причем землянки, выложенные толстым дерном, совершенно не были заметны снаружи, и отыскать их мог только человек, лично участвовавший в их оборудовании.

Но это была крайняя мера.

От пансионата в Битцевский лес убегало несколько дорог. И в случае опасности законные могли воспользоваться любой из них. Кроме того, под видом грибников и сборщиков ягод по лесу рассредоточились надежные люди, организовав два кольца оцепления, проскочить которые, не обнаружив себя, было практически невозможно. Быки тщательно следили за малейшими передвижениями внутри леса и по мобильной связи мгновенно сообщали в пансионат о возникающих странностях.

Пансионат обязаны были освободить к двум часам дня. Время близилось, а в помещениях оставался еще кое-кто из персонала, а в махоньких комнатах продолжали ютиться с десятков стариков.

Это раздражало. Причем сильно. Ровно в семнадцать ноль-ноль должны были подъехать гости. Они вряд ли отнесутся с пониманием к посторонним; в том мире, где вращался Лось, за каждое слово спрашивали очень строго. Тем более если дело касалось безопасности.

Вместе со всеми на территории пансионата толкался и главный врач – худенький сморщенный дядька, очень напоминающий полевого грызуна. Когда он смотрел на собеседника, то его глаза плутовато щурились, верхняя губа слегка приподнималась, а из-под нее некрасиво торчали два длинных потемневших зуба. У каждого, кто сталкивался с доктором впервые, возникало ощущение, что он намеревается цапнуть собеседника острыми резцами за ладонь. Но после

двух минут разговора собеседник вынужден был признать, что перед ним вполне мирный дядька и самое худшее, на что он способен, так это прикрикнуть на замешкавшуюся санитарку.

– Послушай, что ты здесь суетишься, я же тебе сказал, чтобы через час никого не было! – не выдержав, рявкнул Лось.

– Но позвольте... – захлопал глазами грызун.

– Ты еще пасть разеваешь! – Возмущение Лося выглядело искренним. – На те деньги, что ты от меня получил, можно на целый месяц целиком снять «Славянский базар». Если через час я тебя здесь увижу, мне это может очень сильно не понравиться. Ты это хорошо усвоил?

Грызун понимающе закачал головой:

– Разумеется. Я все осознаю.

– Чтобы здесь не было даже сторожа. Тебе понятно?

– Да... Я уже сказал своим сотрудникам, они уходят. Появятся в пансионате только через пять дней. Объяснил, что здесь планируется выездная сессия нашего ведомства.

– Отлично, – похлопал Лось по плечу главного врача, – вижу, что ты прочувствовал. А то я уже начал сомневаться в своем выборе.

Грызун неловко топтался на месте. Он явно чего-то недоговаривал.

– Тут есть еще одно обстоятельство.

– Какое еще обстоятельство? – раздраженно поинтересовался Лось.

– Позавчера к нам в пансионат привезли старика. Он не может ходить. Я помнил о ваших предупреждениях больше никого не брать, но это произошло в мое отсутствие. А теперь я не могу связаться с родственниками, чтобы его забрали.

– Ты, видно, решил испытать мое терпение на прочность? Внутри Лося все клокотало. Он уже не однажды пожалел о том, что взялся за организацию схода. Дело это, как выяснилось, непростое и весьма хлопотное. Нужно было организовать безопасность участникам схода. Поместить их в апартаменты, соответствующие их статусу. А отсюда дополнительные траты – следовало немедленно привести пансионат в божеподобный вид и сделать хотя бы косметический ремонт. И все это из-за нескольких дней приятного общения. Можно было бы, конечно, подобрать другое здание – в приличном состоянии и поближе к центру, – но, кроме безопасности, хотелось подивить воров и заповедной экзотикой.

Обязательно нужно было проверить помещения на наличие разного рода подслушивающих устройств, что также подразумевает увеличение расходов. Разумеется, трудно дать гарантию, что кто-нибудь из приглашенных для этого специалистов все-таки не проболтается (но не убивать же их всех, в конце-то концов!).

Но самое хлопотное, как оказалось, это выселить из пансионата стариков.

Пенсионеры упорно не хотели покидать привычное заве-

дение даже на пару дней, и поэтому пришлось немало потрудиться, чтобы отыскать веские причины для того, чтобы все-таки отправить постояльцев на недельку по родственникам.

Возможно, Лось и не стал бы связываться с организацией схода, если бы не одно обстоятельство – он хотел стать вором. И не липовым, каковых в последнее время насчитывается немереное количество, купивших титул за большие денежки, а самым что ни на есть настоящим, с рекомендациями от уважаемых законных. Что в дальнейшем позволит ему выбиться в тесный круг избранных. А предстоящее мероприятие (разумеется, если оно будет проведено успешно) дает ему изрядный шанс подняться еще выше.

Важно только крепко ухватить фортуны и распорядиться счастливым обстоятельством должным образом.

Для кого-то статус положенца – высшая цель, так сказать, потолок, но в свои двадцать восемь лет Лось чувствовал, что достоин значительно большего. Положенец – все равно что князь без удела, нет у него собственного двора, и важно заполучить корону, чтобы разговаривать с законными на равных.

Собственное будущее зависит от каждой мелочи, нужно, чтобы воры остались довольны организацией, и тогда при случае его не забудут. На организацию схода была выделена сумма в сто пятьдесят тысяч долларов. Причем было оговорено, что оставшимися деньгами Лось может распоряжаться по собственному усмотрению. Если вдуматься, то деньги

немалые. Поначалу Лось даже рассчитывал, что кое-какие копейки прилипнут и к его ладоням. Но уже через неделю понял, что на подобное рассчитывать не приходится, если деньги и останутся, то их едва хватит на то, чтобы пообедать с барышней в ресторане.

– Что вы?! О чем вы говорите?! – всерьез перепугался грызун, отступая. – Я действительно никак не мог связаться с ними!

– Тогда заберешь его к себе!

Грызун показал свои желтоватые зубы и произнес:

– Но дело в том, что я сегодня уезжаю. – Он часто заморгал глазами. – Меня просто не будет дома.

– Тогда этот старый хрыч останется с твоей бабой. Ты меня понял?

– Но у меня нет жены. – В глазах врача заплескался самый настоящий испуг. Наверняка в эту минуту он пожалел, что до сих пор не обзавелся благоверной. – Я холостой... И уезжаю на юг со своей девушкой. У меня уже и билеты в кармане.

– Сколько же тебе лет? – Лицо Лося неожиданно приняло благодушное выражение.

– Сорок пять, – чуть смутившись, произнес грызун.

– Тебе уже внуков надо нянчить, а ты все по бабам шаришь. И не стыдно тебе? – Лося распирали смех при одном взгляде на виноватую физиономию главного врача. Все-таки в нем было что-то от юродивого. А божьего человека, как

известно, обижать грех. – Кто хоть она?

– Медсестра, – скромно произнес грызун, оскалив свои хищные зубки.

Поведение главного врача развеселило Лось. Наверняка у него ничего не было с сотрудницей, и самое большее, на что тот отваживался, так это коснуться ее ладошки где-нибудь в полутемном коридоре.

– Значит, служебный роман, – одобрительно закивал Лось. – Где ты ее дрючишь-то, поделись секретом: у себя, в тиши кабинета, или, может быть, где-нибудь в лесопосадке?.. Ладно, ладно, не обижайся. Пошутил я, вижу, что святое. – Лось готов был поклясться, что медсестра очень похожа на своего возлюбленного. Блаженные отличаются одной особенностью – тянутся друг к другу, как разноименные полюса. – Ты меня извини, не мое, конечно, дело, но я хотел спросить. Что ты будешь делать с деньгами, которые я тебе дал? Бабки-то немалые. Ты на них года два можешь жить безбедно да баб трахать.

Неожиданно грызун широко улыбнулся, показав розовые десны.

– Я жениться собрался.

– Ну, ты молоток! Я тебя поздравляю! Ладно, показывай своего деда, посмотрю я на него.

– Уверяю вас, он не доставит вам никакого беспокойства, – скороговоркой заговорил грызун. Щеки его при этом мелко задрожали, как будто были набиты зерном. – Он в ком-

нате, на первом этаже. Пойдемте за мной.

Действительно, в одной из комнат на первом этаже обнаружился старик, сидящий в инвалидном кресле. На вид ему было лет восемьдесят. Ничем не примечательный старец, каких в Москве можно встретить в каждой булочной. Высохший, угловатый, кожа на лице от времени потемнела и покрылась пигментными пятнами. Череп абсолютно лишен волос и напоминал бильярдный шар. Только на подбородке себребрилась негустая седая щетина.

– Вот он! – радостно объявил грызун, показывая на старика.

– Вижу, не слепой, – грубовато оборвал Лось.

Старик не замечал вошедших и сосредоточенно смотрел прямо перед собой.

– Он что, не в себе? – сдержанно спросил Лось, заглянув в бледно-голубые глаза старика.

Грызун лишь дернул плечом и объявил:

– Старческое. Так сказать, разжижение мозгов. Впадает в маразм.

Более безобидного создания, чем этот старик, Лось не встречал за всю свою жизнь.

– Ладно, – махнул он рукой, – хрен с ним, пускай покайфует. Только перетащишь этого хрыча на второй этаж, чтобы своим унылым видом настроения людям не портил, – и направился к выходу. – Да, кстати, он ведь не ходит?

– Парализован, – пояснил главный врач.

– Запрешь его где-нибудь в комнате, а то он за эти два дня весь дом дерьмом пропитает, – глянул Лось на старика.

Лицо деда не изменилось, вот только в глазах его вспыхнул какой-то недобрый, бунтовской огонек. Странно... Может быть, показалось? Блатной задержал настороженный взгляд на неподвижной фигуре, но дед оставался недвижим, словно памятник. Какой тут, к дьяволу, бунт, ну и привидится же такое!

– Как скажете! – обрадованно крикнул вслед грызун.

Лось вышел на крыльцо, поманил к себе пальцем бригадира – длиннющего парня с вытянутым лицом и жестко поинтересовался:

– Все в порядке?

– Все в ажуре, Лось. Бля буду!..

– Чтобы проколов не было. Голову оторву.

– Ну че, я не понимаю, что ли, в натуре, – искренне обиделся верзила, по-ребячьи поджав губы.

– Значит, грибы собирают?

– А то! – Губы длинного разошлись в понимающей улыбке. Шутку он оценил по достоинству.

Еще неделю назад трудно было представить толстолобых парней в качестве собирателей грибов и ягод. Их накачанные фигуры свидетельствовали о большем потенциале: отвернуть кому-нибудь шею? Пожалуйста. Наехать на коммерсанта? Нет проблем! Но сейчас, вооружившись суковатыми палками, с плетеными корзинками в руках, они показывали

пример истинного энтузиазма. Парни шныряли по кустам в поисках грибов с задором изголодавшихся старух, не забывая при этом посматривать по сторонам и громко хвастаться очередной находкой по рации.

– Ладно, чего-то особенного гостям не обещаю, но грибами накормлю до отвала.

Глава 2

ПРИБЫТИЕ ГОСТЕЙ

Первый гость прибыл в половине пятого. Охрана, заранее осведомленная о номерах машин, беспрепятственно пропустила бронированный джип «Мерседес». И внедорожник, не сбавляя скорости, промчался через оба кордона, словно кабан сквозь дремучую чащу, и остановился прямехонько у крыльца пансионата.

Лось, предупрежденный о визите, не оплошал, вышел из здания в тот самый момент, когда автомобиль с шумом выскочил из леса, длинно просигналив в знак приветствия.

Распахнулась передняя дверца со стороны пассажира, и из салона в мягкую траву выпрыгнул коротко стриженный парень лет двадцати пяти. Бегло зыркнув по сторонам, он открыл заднюю дверь, и из машины по-барски вышел видный крепкий мужчина лет сорока. Он мгновенно притянул взгляды всех присутствующих, с нескрываемым интересом на гостя взирали даже быки, занявшие дальние подступы к зданию.

Слышать о Корне приходилось всем, зато видеть его довелось очень немногим. Жил он в Подмоскowie, в собственном особняке, отгородившись от мира четырехметровым забором, и, по мнению многих, был счастлив в своем отшельничестве. Выбирался Корень в город нечасто и больше

специализировался на том, что выполнял роль третейского судьи: «разводил», когда братва нуждалась в его авторитете. И очень редко принимал участие во всякого рода разборках. Но уж если подобное случалось, то прецедент всегда соответствовал его воровскому статусу.

Из-за своих размеров передвигался он с трудом, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Глядя на его габариты и далеко выпирающий живот, каждый невольно сравнивал его с воздушным шаром. Создавалась иллюзия, что притронешься к нему пальцем – и он разлетится на множество лоскутов, заляпав брызгами окружающее пространство.

Постояв с минуту, он несколько раз тяжело присел, разминая затекшие ноги, и косолапо затопал в сторону пансионата.

Лось встретил Корня достойно. Не метнулся суетливо в его сторону, выказывая величайшее почтение, а лишь сошел с крыльца, чтобы оказать гостю вполне понятное уважение.

Руку пожал сдержанно, но тепло, чтобы не заподозрили в холуйской усердности, и, чуть раздвинув губы, произнес:

– Добро пожаловать, Жора.

– Ну и дыра, я тебе скажу, – уныло посмотрел Корень на обдуленное здание, – и какой-то плесенью потягивает.

Обижаться не стоило. Это была обыкновенная манера Жоры Крюкова общаться. Правда, лишнего он никогда себе не позволял и не перешагивал ту черту, за которой начинается обида.

Лось отреагировал мгновенно:

– Зато внутри все по высшему разряду, как в пятизвездочном отеле.

– Ладно, не это главное... По делу собрались, – махнул гость рукой. – Куда ты меня определишь? – и, не дожидаясь ответа, стал взбираться по лестнице. Получалось это у него очень забавно, в этот момент он напоминал мячик, задорно прыгающий по ступеням.

– Тебе покажут, – крикнул вслед Лось.

– А банька-то будет? Чтобы с крепким паром да с хорошими телками. Люблю оттянуться после трудового дня. Да чтобы еще спинку потерли да березовым веничком постучали.

Рядом, не отставая от шефа, следовал бычара, не забывая постоянно озираться, как будто бы Жоре и в самом деле грозила нешуточная опасность. Последние несколько лет Корень разыгрывал из себя патриция, пресыщенного удовольствиями, и, надо признать, играть подобную роль ему удавалось весьма неплохо: он понимал толк не только в еде, но и в женщинах, которые необъяснимо почему висели на его толстенной шее целыми гроздьями. И что самое удивительное, среди них почти не встречалось дурнушек. Такое впечатление, что Корень предварительно устраивал среди своих поклонниц нечто вроде конкурса красоты.

– Можешь не сомневаться, – улыбнулся вдогонку Лось, – все будет.

Вторым, на изумрудном «Гранд Чероки», приехал Еж – шестидесятилетний вор небольшого росточка с седой, коротко стриженной шевелюрой. Абсолютно ничем не примечательная, неприметная внешность. В одежде ничего такого, что могло бы выделить его в толпе, – обыкновенные потертые джинсы и рубашонка с короткими рукавами, из которой тонкими палками торчали высохшие руки.

Еж очень напоминал своих ровесников, с утра толкающихся у пивных точек, – такой же сухопарый и сторбленный. Единственное, что отличало его от остальных, так это взгляд – пронзительный и очень недоверчивый. И каждый, кто сталкивался с его взглядом, испытывал на себе его неприятное воздействие. Нечто похожее ощутил и Лось: ему стоило немалого труда выдержать буравящий взгляд темно-коричневых глаз и не вильнуть глазами в сторону.

Еж приехал один, без пышного сопровождения в виде бритоголовой толпы телохранителей, вооруженных «кипарисами» и обвешанных гранатами, словно дешевыми медальонами. Хотя, надо отдать должное, он имел право на подобную роскошь – все-таки смотрящий Измайлова. А это кое-что да значит.

Рукопожатие получилось сухое. На большее Еж был не способен. Он вообще относился к тем людям, которые могут неожиданно уколоть. Лось знал это и к сближению не спешил.

– Кто еще подъехал? – негромко спросил Еж, глядя в сто-

рону, при этом зная, что его непременно услышат.

– Пока только Жора Корень. Сейчас он раскидывает по углам свои баулы, – улыбнулся Лось.

– Он что, сюда жить приехал? – без удивления, все тем же ровным голосом спросил Еж.

– В этих баулах у него пиво.

– Хм... Ладно, что не презервативы. Так в какую хату ты меня поселишь, Глеб? Надеюсь, без соседей, а то эта скученность мне еще на чалке надоела.

– У каждого свой номер люкс. Телевизор. Телефон. Холодильник... Затарен под завязку. Ешь не хочу!

– Добро, – так же равнодушно произнес Еж. И, посмотрев по сторонам, спросил: – Охрана как... надежная? Менты не нагрянут? А то ведь я не успел сухарей насушить.

– Пехота проверенная, – успокоил Лось, – с некоторыми чалился, других по жизни знаю, не подведут. А потом, если легавые надумают нагрянуть, так я тут приготовил кое-какой сюрприз. – Лось сдержанно улыбнулся.

Кроме двух цепей охраны, в самых глухих местах Лось приказал устроить растяжки – в создавшихся условиях совсем не лишняя подстраховка. Если собровцы надумают проскочить к зданию незамеченными, то наверняка наткнутся на неприятности в виде осколочных ранений. А грохот от разорвавшейся гранаты будет слышен даже в кварталах Чертанова.

– Ладно, – сухо вымолвил Еж. – Если говоришь, значит,

так оно и есть.

Один из быков Лося вызвался проводить Ежа до хаты, не холуйски, предупредительно заглядывая в хмурые очи, а по-свойски, как может быть только между своими. Причем укороченный «АКМ» он держал под мышкой так запросто, как будто это было не грозное оружие, а французская булка.

Еще двое гостей, последние, прибыли почти одновременно, с разницей в две минуты. Даже машины у них были одинаковые. Джип «Лендкрузер». Цвета, правда, разные. Сева Вологодский приехал на темно-зеленом, а Миша Хвост предпочел синий.

Сева Вологодский фигура в Москве известная и погоняло свое приобрел не потому, что родом был из далекой северной глубинки и своими немалыми талантами хотел обогатить Первопрестольную, а оттого, что половину своей жизни просидел в вологодских лагерях, где и был смотрящим.

Сходняк проходил на территории Севы Вологодского, а следовательно, каждый из присутствующих находился как бы у него в гостях, под его покровительством. Несмотря на разменянный полтинник, вор выглядел на удивление молодо и запросто сошел бы за тридцатипятилетнего. Единственное, что его старило, так это руки. Казалось, они принадлежат ветхому старцу, а не мужчине, едва ступившему в свой золотой век.

Сева был москвич. Причем не из тех, что оккупировали город по лимиту, прочно обосновавшись в районах но-

востроек, а из настоящих, из коренных. Его предки прожили в столице не одно поколение и всегда считали, что за пределами Садового кольца уже лежит глубокая провинция.

О себе он рассказывал немного: мать – кухарка, отец – инвалид. Это было правдой только отчасти: маманя была кухаркой не в городском общепите, тяжким трудом зарабатывающей на кусок хлеба, а в собственном доме, где под тяжестью разносолов ломился стол. Отец и вправду был инвалид, но в звании генерал-полковника, и только одной его пенсии хватило бы на то, чтобы прокормить целую дюжину голодных хлопцев. Но Сева был один, а потому излишек в этой семье водился всегда.

Совсем другим человеком был Миша Хвост. Фамилия так подходила к его облику, что ее запросто принимали за погоняло. Длинные, слегка выующиеся волосы он собирал в пучок на затылке, задорно колыхавшийся при каждом его движении. Подобный авангард в уголовной среде был крайне непопулярен из-за консервативности блатной моды. Куда более доступными для понимания выглядели стриженные макушки и золотые перстни на пальцах. Возможно, по поводу внешности Хвоста и отпускались шуточки, но никто не посмел бы насмехаться над ним в глаза. Подобное безрассудство могло закончиться для смельчака очень печально – где-нибудь на илистом дне Чертановки.

И еще одна особенность отличала его от присутствующих воров – Миша Хвост ни дня не провел в чалкиной деревне.

А громкий титул выкупил по случаю, заплатив за него миллион «зелеными». Возможно, он обошелся бы без подобных трат, но корона светила немалыми перспективами, и главная из них — сживать с ворами за одним столом и знать, что его негромкий голос будет услышан во всех закоулках Первопрестольной.

Поговаривали, что даже должность смотрящего Восточного округа он приобрел не без помощи презренного металла. Но скорее всего то были наговоры недругов. Репутацию путевого он заслужил задолго до своей коронации. Начинать он еще на заре дикого капитализма, когда коммерческие киоски были в диковинку. Их воспринимали едва ли не как главный показатель экономических свобод, и на это чудо приходили смотреть со всей округи, уважительно цокали языками, разглядывая товары с пестрыми этикетками. Хвост был одним из первых, кто понял истину: курочка по зернышку клюет — и обложил капиталистические нововведения сильной данью. Позже его заинтересовали частные предприятия с многомиллионными оборотами, которые он обкладывал так же легко, как табачные киоски. Но его стартовый капитал был заложен именно при диком капитализме.

Он считал себя вором. Возможно, и был таковым. Во всяком случае, каждый, кто посмел бы высказать ему упрек, будто бы он ни дня не провел за решеткой, рисковал подавиться сырой землей.

Во всем остальном Миша Хвост был обыкновенным че-

ловеком: в меру шутил, в меру спорил и не считал для себя зазорным выслушать чужое мнение.

Два вора поздоровались радушно, старательно демонстрируя улыбки. Если не знать, что они встречались вчера вечером в казино «Космос», то запросто можно было подумать, что их разделяет полувековая разлука. И лишь после того, как вдоволь потрепали друг друга по плечам, они неторопливым шагом двинулись к Лосю.

Положенец сделал несколько шагов в сторону гостей, сдерживая в себе желание поддать прыти.

Неожиданно Сева Вологодский махнул рукой в знак приветствия. Подобного дружелюбия за ним прежде не наблюдалось. Да и с Глебом он был не в таких отношениях, чтобы приветствовать его таким образом. Положенцу не следует забывать, что он находится с вором на разных ступенях криминальной лестницы, и без чинопочитания никак не обойтись! А потом, кто он здесь, на сходянке? Всего-то сторожевой пес. А Сева Вологодский – фигура. Хозяин.

Обескураженный Лось хотел было тоже взметнуть руку во встречном приветствии, но тут заметил, что Вологодский смотрит куда-то поверх его головы. Глеб оглянулся на окна второго этажа и увидел старика-паралитика, приникшего к стеклу. Очевидно, тот добрался на своей каталке до окна и теперь осматривает окрестности.

Что ж, обознался Сева Вологодский, с кем не бывает.

– Вижу, Еж с Корнем уже подъехали, – пожимая руку Ло-

сю, небрежно обронил Сева Вологодский.

– Все путем, ждем вас.

Улыбка на лице получилась казенной, но Сева Вологодский не слыл отменным физиономистом; потеряв к Лосю интерес, он направился в пансионат, сопровождаемый пехотинцем.

Рукопожатие с Мишей Хвостом получилось более сердечным. Он задержал ладонь Лося в своей руке, как бы показывая свое расположение, и широко улыбнулся, обнажив безупречные зубы. Миша Хвост чем-то напоминал американского гангстера – нахальный, благополучный, всегда в дорогих костюмах, он любил женщин, а над его зубами колдовала целая бригада швейцарских дантистов.

Секрет дружеского расположения Миши Хвоста был прост. Он не мог не видеть в Лосе крепкого положенца, который если не сегодня, так завтра непременно усилит свои позиции, чей голос будет звучать на сходах так же громко, как и его собственный. Была еще одна причина, по которой Миша Хвост уважал Лося: Глеб до мозга костей был блатной со всеми вытекающими отсюда последствиями и тюремные понятия возводил едва ли не в десять божеских заповедей. Так рассуждать, цепляясь за каждое слово, сказанное собеседником, мог только человек, отсидевший половину жизни в тюрьме. И, конечно, он никогда бы не простил ни одного заносчивого взгляда, брошенного в свою сторону.

– Как ты? – спросил Миша Хвост, отпуская руку Лося.

– Стою тут, как кукушка, жду гостей, – сверкнул полонец золотой фиксой. – Ты последний, так что закрываю ворота.

– Мы гости тихие, хлопот не принесем.

Из изумрудного «Лендкрузера» выпрыгнули двое – пристяжь. Раскованно подошли к стоящим быкам, поздоровались. В синем джипе сидели три пассажира, как будто чего-то дожидались.

Лось демонстративно отвернулся – ладно, это их дело, без обеда не останутся, – и заторопился следом за Мишей в пансионат.

Глава 3

БЕЗ КИЛЛЕРА ЗДЕСЬ НЕ ОБОЙТИСЬ

Кабинет главного врача был подходящим местом для предстоящего разговора. Сравнительно небольшой, с современным интерьером. Вдоль стен низкие мягкие кресла, у двери миниатюрный диван, слегка примятый. Очевидно, именно здесь главный врач пансионата читал лекции младшему медицинскому персоналу. За вытянутым овальным столом восседал Сева Вологодский.

Место председателя он занял по праву хозяина.

У противоположной стены, откинувшись на мягкую спинку, сидел Корень. Даже широкое кресло для его габаритов выглядело тесноватым, и он без конца двигался, пытаясь отыскать наиболее удобное положение. Мешал живот, который выпирал из кресла огромной глыбой.

Еж с Мишей Хвостом расположились у окон, удобно уткнувшись в креслах. Еж держал в правой руке бутылку пива и потягивал из горлышка маленькими глотками. В левой руке – сигарета. Вид у него был как никогда благодушный и очень располагающий.

Миша Хвост был без пиджака – аккуратно сложенный, он лежал на соседнем кресле. Галстук слегка сбит на сторону.

Но в подобные мелочи он не вникал, в конце концов, находился среди своих и мог хотя бы ненадолго расслабиться.

Где-то за окошком залаял пес, рассерженно, басовито. И мгновенно умолк, услышав чей-то строгий предупреждающий окрик.

– Я бы не хотел вас пугать, – негромко, но очень четко, выделяя каждое слово, заговорил Сева Вологодский, – но дела наши, прямо-таки скажу, хреновые. Такое впечатление, что нас хотят вытеснить сразу по всем фронтам. Если мы ничего не предпримем, то всю оставшуюся жизнь нам придется сидеть на подсобе.

– Сева, ты бы не навел тень на плетень, – благодушно отозвался со своего места Жора Крюков, – говорил бы как есть.

При каждом произнесенном слове его живот мелко подрагивал, и порой казалось, что бездонное брюхо существует само по себе.

– Хм... Хорошо. Какой процент акций принадлежит тебе на алюминиевом заводе?

– О чем базар, кореш, ты же знаешь, что у каждого из нас по десять процентов.

– Верно. Столько же имеешь на никелевом, чуть больше на екатеринбургском металлургическом. Мы с вами все в па-ях. Так вот... Мы здесь с вами сидим, бузу трем, а тоненький ручеек в виде стойкой валюты ежеминутно пополняет наши счета. Нехило, да? Короче, я получил информацию от на-

шего человека в Совмине, что грядут большие перемены. И первая из них, пожалуй, самая неприятная: что его будто бы собираются с почетом спровадить на пенсию. И произойдет это в ближайшие несколько недель. Следовательно, все аппетитные договора пройдут мимо нашего рта. Второе: найти нужного человека в правительстве за такое короткое время довольно сложно. Можно даже сказать, почти невозможно, а значит, на какое-то время мы останемся без прикрытия и будем очень уязвимы. Затем, как мне стало известно, будет рассматриваться вопрос о пересмотре результатов приватизации. В этом случае мы можем потерять все! – полоснул Сева Вологодский жестким взглядом по лицам собравшихся.

– Информация точная? – подал голос Еж, скривившись.

– Абсолютно. Этот человек меня никогда не подводил. Оно и понятно, за такие бабки он раком перед нами должен стоять, – сдержанно и жестко заметил Сева Вологодский. – Но дело не в этом, мне бы не хотелось выступать в роли терпилы. Надо что-то придумать. Уж очень не люблю, когда меня кидают. Может быть, у вас есть какие-то предложения?

– У солнцевских есть свой человек в верхах. Можно связаться с ними. За посредничество они возьмут немного, только комиссионные, – предложил Миша Хвост.

Председательствующий отрицательно покачал головой:

– Не годится. Я знаю, кого ты имеешь в виду. Во-первых, он не занимается этими вопросами, и было бы очень странно, если бы он принялся хлопотать. Это может вызвать, по

крайней мере, недоумение. Каждый должен заниматься своим делом. Во-вторых, я знаю, что на него имеется немалый компромат. Не исключаю того, что через день-другой его голая задница засветится на экранах телевизоров, так что он будет сидеть не высовываясь, как серая мышь.

– А может быть, все не так уж и плохо складывается, как ты трешь, – улыбнулся Жора Крюков. – На всех этих комбинатах имеются наши клоуны, и через них мы можем толкать любую ситуацию. А уж протащить того человека, кого хотим... раз плюнуть!

Сева вновь не согласился.

– Исключено. – Он открыл папку и вытащил какие-то листки, скрепленные степлером. – Здесь, – поднял он бумаги, – фамилии возможных претендентов. Через какой-то месяц они займут ключевые позиции и вытеснят с комбината всех наших людей. – Сева Вологодский передал листки Крюкову.

Корень отставил бутылку пива и двумя пальцами ухватился за краешек бумаг. Прочитав несколько фамилий, он брезгливо скривился:

– И эти хмыри хотят нас кинуть? – и напоролся на жесткий взгляд Севы Вологодского. Смотрящему Юго-Западного округа было явно не до смеха.

Прочитав до конца, Корень передал листки Ежу. Тот вчитывался в список неторопливо, вдумчиво, лишь иной раз понимающе поджимая губы и покачивая седой головой.

– Без киллера здесь не обойтись, – вынес он невеселый приговор. – Я знаю этих ребят, они свой пирог не упустят. С дерьмом любого проглотят.

Дольше всех список изучал Миша Хвост. Никто его не трогал, и каждый с интересом наблюдал за его реакцией. А он повел себя странно: то неожиданно начинал хмуриться, как будто услышал о чей-то скоропостижной кончине, а то вдруг начинал громко хохотать, словно кто-то из присутствующих рассказал похабный анекдот.

Наконец он отложил листки в сторону, тряхнул головой, отчего его хвостик, описав дугу, неровной волной успокоился на плече, и произнес:

– Однако странные дела творятся в нашем королевстве, я вам скажу. Вот этот, – ткнул он пальцем в листок, – мне известен как знатный паковщик. А теперь метит в заместители генерального. Его шулера гоняли по всей Москве... Вот этот гастролером был... А этот и вовсе оперативный кобель, а теперь в чины вышел. Нет, братва, с этой публикой суп из топора не сварить.

– Что ты предлагаешь? – без всяких эмоций поинтересовался Сева Вологодский.

– Я-то... валить их всех надо, – весело отозвался Миша Хвост.

– Мне тоже многое непонятно в этой истории. Откуда они все вылупились? Чиграш тоже в этом списке, – негромко и несколько удивленно сказал Еж. – А ведь он у меня в бараке

шнырем был прописан, плевики за мной в бендюге подтирал. А сейчас, смотрю, вон до каких высот поднялся. В учредители прет. Вот что я хочу сказать, лично для меня здесь вырисовывается очень неприятная картина: нас держат за лохов. И совсем напрасно. Эти ребяташки, – потряс он бумагами, – мало что из себя представляют, но за ними стоят другие, и я даже подозреваю, кто именно. А это уже опасно.

– Кто же, ты можешь нам сказать? – доброжелательно спросил Сева Вологодский.

– Тюменские. Легкие деньги от нефти их очень разбаловали, и парни возомнили себя арабскими шейхами. А к ним наверняка примыкают еще бригады из Новосибирска.

– Послушай, Сева, а ты точно знаешь, что твой человек в правительстве фуфло не засаживает? Может, он на башли намекает? Я как-то его видел, он мне мутным показался.

Руки Севы Вологодского сцепились в замок.

– Все гораздо сложнее. Эту информацию я перепроверил у трех разных источников, и все они дудят в одну дуду, что нашему человеку не усидеть. Новых же людей подпирают очень большие деньги. Мне также известно, что в доле участвуют бригады из Зеленограда и Балашихи. Вы не хуже меня знаете, что достаточно проявить слабинку и найдется немало желающих, чтобы стащить с тебя последние калоши. Мы должны действовать жестко, иначе потеряем все. У нас просто нет выбора. – Сева Вологодский вытащил из папки листок и протянул его Жоре. – Я тут составил еще один спи-

сок. Это люди, которые стоят за новой командой. Фамилии дались мне нелегко, за них я заплатил пятьдесят тысяч баксов, но информация стоит того.

Корень, несмотря на свою грузную фигуру, легко оторвался от кресла и толстыми пальцами смахнул со стола листок.

– Среди балашихинских и зеленоградских у меня есть свои уши. Они и раньше мне подавали маяки, что намечается нечто серьезное, и вот только два дня назад выяснилось, что к чему.

– Здесь я вижу Серегу Клетчатого, – недоуменно поднял глаза Жора Крюков. Он уже успел плеснуть под жабры третью бутылку пива, поэтому взгляд его выглядел азартным. – Он что, тоже в упряжке?

Клетчатый был лидером зеленоградцев и даже имел статус положенца. Он дважды подавал заявку на корону, но оба раза воры, морща нос, единодушно его прокатывали. Беда заключалась в том, что Серега Клетчатый служил в армии – не самая удачная черта биографии человека, претендующего на статус законного.

– Верно, – расцепил замок Сева Вологодский, – кроме него, еще Валька Плотник и Коля Жук.

А это уже серьезно. Оба принадлежали к долгопрудненским, чистых кровей. Люди очень солидные и основательные во всем. Несмотря на немалый авторитет, ворами не были. Похоже, подобная честь им была ни к чему, они и без того имели такую необъятную власть, о которой не мечтал даже

мэр города. Но понятия соблюдали свято. Валька Плотник некогда был смотрящим следственного изолятора в Нижнем Новгороде и, согнув в рог хозяина, свободно разгуливал по корпусам, устанавливая собственную диктатуру.

Эти ребята не умели размениваться на сигаретные ларьки – им подавай заводы да фабрики.

Тонкие губы Миши брезгливо растянулись. Нечто вроде неудовольствия изобразил и Еж.

– Однако нешуточное дело затевается, – негромко и как-то протяжно заметил Корень, пошевелив могучими бедрами. Кресло от его телодвижений неодобрительно скрипнуло.

Список вернулся к Мише Хвосту, который уже не смеялся и вновь сосредоточенно изучал каждую фамилию. Ознакомившись, он свернул бумагу вчетверо и положил ее во внутренний карман пиджака.

– А вот этого делать не следует, – мягко остановил его Сева Вологодский. – Все бумаги должны остаться у меня, – и его широкая ладонь легла поверх папки. Миша Хвост, скрывая неудовольствие, достал бумагу и аккуратно положил ее на край стола. – Я предлагаю вам следующее, – произнес Сева, пряча листок с фамилиями в папку. С минуту он молча шупал присутствующих неприятным взглядом, как будто бы спрашивал: а не тяжеловатым ли будет для вас решение, и наконец изрек: – Их надо замочить.

– Всех? – несколько веселее, чем следовало бы, спросил Жора.

– Всех до одного.

– Но их же там не менее двух десятков рыл, – изображал непонимание Корень.

Случайно он задел пустую бутылку, и она, глухо постукивая, откатилась под диван.

Сева Вологодский улыбнулся:

– Их двадцать три человека.

– Я понимаю, что можно сделать одного, двух, ну убрать троих... Но как ты собираешься справиться с целой оравой?

– Я могу уточнить собственное предложение, – невозмутимо продолжал Сева Вологодский, – их всех нужно убрать в одно и то же время. С разницей, скажем, в один-два дня. Иначе нас могут вычислить.

– Понимаю, можно нанять парочку киллеров... У меня есть на примете перспективные ребята, которые не прочь заработать неплохую «капусту», но где мы отыщем целый взвод мокрушников? – подал голос Миша Хвост.

Сева Вологодский внимательно следил за рукой Миши: между средним и указательным пальцами тот держал сигарету. Длинный пепел должен был вот-вот сорваться с кончика сигареты и испачкать ковровое покрытие. И вор почти с интересом ждал, когда это произойдет. Не дождался: Миша Хвост жестко воткнул сигарету в фарфоровую пепельницу и тут же принялся прикуривать новую.

– Я обдумал и этот вопрос, – стараясь погасить волну напряжения, очень спокойно продолжал Сева Вологодский. –

Мы будем иметь дело только с одним профессионалом. Уверю вас, он тот самый человек, который нам нужен, а потом, у него очень серьезные рекомендации.

Жора Крюков явно перебрал пива – лицо его покрылось алыми пятнами и, казалось, увеличилось раза в полтора. Он икнул и поинтересовался:

– Сева, что-то я тебя не совсем понимаю, ты хочешь сказать, что он один может в течение суток ухлопать двадцать с лишним человек?

– Это не совсем так... Пускай он лучше сам все расскажет. Лось, иди сюда! – негромко позвал Вологодский. Дверь бесшумно распахнулась, и тотчас на пороге предстал Глеб, как будто он стоял за дверью, приложившись к замочной скважине ухом. Может быть, так оно и было в действительности. – Приведи нашего гостя.

На лице Лося отобразилась странная улыбка. Похоже, что положенец был посвящен во многие секреты своего наставника.

Лось тут же вышел в коридор. Отсутствовал он недолго – минуты через три дверь распахнулась вновь, и порог кабинета перешагнул мужчина среднего роста. Лось вошел за ним, заметно помедлив, как бы давая возможность присутствующим хорошенько рассмотреть вошедшего. В его внешности не было ничего запоминающегося: узкое худощавое лицо с грубыми глубокими морщинами у самого рта, тонкие губы, острый, заметно выступающий подбородок, глубоко по-

саженные глаза смотрели пытливно и очень зорко, напоминая глаза ночной хищной птицы, разглядывающей в чистом поле мелкого грызуна.

– Знакомьтесь, этого человека зовут Филин, – произнес Сева Вологодский, грузно поднимаясь из-за стола.

Их разделяло всего несколько шагов. Сева Вологодский двинулся неторопливо, не переставая внимательно изучать гостя. Его взгляд был полон интереса, как у посетителя зоопарка, наблюдающего за сильным и опасным зверем, и одновременно облегчения оттого, что хищник уже не гуляет сам по себе и что его свобода ограничена крепкими решетками вольера.

Присутствующие невольно переглянулись. Погоняло на редкость точно подходило к внешности гостя. Даже руки, слегка расставленные в стороны, напоминали крылья. Филин не попытался сделать даже шага навстречу – терпеливо дожидался, пока Сева приблизится, и, когда их разделял всего лишь шаг, достойно протянул мускулистую руку, крепко тиснув ладонь Вологодского.

– Мне представить присутствующих?

– Это лишнее.

Законные невольно переглянулись, едко усмехнувшись. Наверняка где-то на каждого из них у Филина лежало досье. Кто знает, может быть, там же на всякий случай покоилась горстка патронов от снайперской винтовки.

– Может, ты нам расскажешь о своих возможностях, Фи-

лин? – скупой улыбнулся Сева Вологодский, возвращаясь на свое место. – А то здесь собрались люди недоверчивые.

Филин понимающе улыбнулся:

– Сначала о себе... Мое имя знать не обязательно. Для всех я давно Филин. Честно говоря, я уже сам начал забывать свое собственное имя. Возможно, так и к лучшему... Вас, наверное, интересует моя репутация? Не хочу хвастаться, но она действительно высока.

Каждый из присутствующих рассчитывал услышать какое-нибудь гортанное клекотание, схожее с криком ночной птицы, но голос Филина звучал на редкость молодо и сочно.

– Ты можешь привести примеры? Сам понимаешь, дело заварено большое, и не исключено, что на кон поставлены наши собственные головы, – с едва заметным вызовом заговорил Миша Хвост. – Ничего, что я с тобой на «ты»? – в его голосе чувствовалась некоторая подначка.

Филин удобно устроился в кресле и уверенно скрестил руки на груди.

– Мы с тобой не в парламенте. Принимается, – слегка кивнул Филин. – Это не наша практика – афишировать выполненные заказы, но я знаю, что здесь собрались люди серьезные и мои слова не выйдут за пределы этих стен, поэтому сделаю исключение. Может быть, вы помните устранение генерального директора завода оптических систем? – Присутствующие сдержанно согласились легкими кивками. – Так вот, выстрел был произведен с расстояния восьмисот мет-

ров, под очень трудным углом. Директор всего лишь на две секунды появился из-за спин своих телохранителей, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы поставить в конце его жизненного пути большую кляксу. Далее... Мы имеем дело не только с оружием. Два месяца назад взлетел на воздух джип с Мурзой Гараевым. Обычно охрана не оставляет его машину ни на минуту, но кто обратит внимание на старушку, едва плетущуюся вдоль тротуара. Нагнувшись за пустой бутылкой, она прикрепила к днищу машины полкило пластика. Могу назвать еще один случай – устранение некоего Феликса Абрамова. – Взгляд Филина остановился на Севе Вологодском, и вор, не выдержав хищно нацеленного взгляда, слегка кивнул. – Оно было наиболее трудным, не буду скрывать. На него трижды совершалось покушение, и всякий раз неудачно. Тогда обратились за помощью лично ко мне, и нам пришлось провести немало организационной работы, чтобы заказ был выполнен.

– Кажется, он был застрелен в собственной квартире, – лениво протянул Еж.

– Верно. Сделать это было непросто, с учетом того, что он был очень осторожен и его подъезд охранялся круглосуточно. А если к тому же добавить, что в квартире у него были установлены две стальные двери с несколькими замками на каждой... – Филин улыбнулся: – Мы работаем как смежники, кроме основной специальности – стрелять и взрывать, нам порой приходится работать как обыкновенным домош-

никам. Хочу только сказать, что моему человеку потребовалось всего лишь десять минут, чтобы открыть шесть замков.

– Кажется, вместе с ним были убиты еще два человека – мужчина и женщина, – уточнил Корень, уставившись на Филина.

– Вижу, что вы в курсе. – В этот раз голос Филина потускнел. – Это называется работать с браком. Но, поверьте, у меня просто не было другого выхода. Телохранитель оказался очень исполнительным, и никакие уловки не могли заставить его выйти из дома. А женщина оказалась невольной свидетельницей. Мне очень жаль, – развел Филин руками. Рассказы в его глазах не обнаружилось. Подобным образом ведет себя сыч, разрывая когтистыми лапами крохотную полевку.

– Значит, ты работаешь не один? – уточнил Миша Хвост.

– Да. Я не имею права называть имена своих компаньонов. Думаю, вы меня понимаете. Но я могу поручиться за каждого из них, как за себя самого. В этой сфере услуг мы работаем давно, и, поверьте, здесь нам нет равных.

– На основании чего вы делаете такие заключения? – поделовому осведомился Еж.

– Все очень просто. – Филин закинул левую ногу на колесо правой, показав протекторы ботинок. Обувь была дорогой, из темно-коричневой кожи, надраенной до зеркального блеска. Лишь на носке ботинка виднелась свежая неглубокая царапина. Очевидно, Филин заработал ее совсем недавно. – Наш круг, впрочем, как и ваш, очень узок. И мы не без инте-

реса наблюдаем за своими коллегами, так сказать, интересуемся профессиональной стороной дела. По возможности мы отслеживаем лучших и привлекаем в свою компанию. Это только неискушенному человеку может показаться, что киллер, как правило, одиночка. Вовсе нет, за ним обязательно – команда. И чем сильнее команда, тем значительнее результат. Конечно, хватает и одиночек, но они, как правило, долго не живут. – Филин хищно улыбнулся. – Почему? Они просто беззащитны. А мы, если можно так выразиться, некий незарегистрированный профсоюз. Или, если вам будет угодно, синдикат, который не только выполняет заказ, но еще следит и за его качеством. А также заботится о здоровье своих партнеров.

– Филин, все это, конечно, очень любопытно, но нас больше всего интересует практическая сторона дела, – сдержанно напомнил Сева Вологодский.

– Понимаю... Разумеется, свою работу мы выполняем не из любви, так сказать, к искусству. – На губах Филина появилась лукавая улыбка. – И не из-за собственных каких-то садистских пристрастий, а для того, чтобы иметь форс, – с чувством потер Филин большим и указательным пальцами. – Чтобы чувствовать себя человеком и чтобы еще люди уважали. Сразу хочу оговориться, что работа наша не дешевая.

– А вот это уже конкретно. Сколько?

– Насколько я понимаю, акция планируется, так сказать, массовая?.. Следовательно, придется задействовать множе-

ство народу. А это дополнительные траты. Для каждого исполнителя мы должны подготовить пути отхода, заблаговременно выбрать наилучшую позицию... Сюда же входит сеть осведомителей и наводчиков и еще масса всяких неучтенных деталей, которые требуют множества денег.

– Короче, без базара, твоя цена, Филин! – жестко потребовал Еж. – Здесь собрались не мальчики, и словесные паянсы разводить ни к чему!

Филин хмыкнул:

– Разумеется, мы здесь не на базаре. Четыре миллиона «зелеными»... Устраивать здесь торги я тоже не собираюсь. Мы назначили вам цену, а ваше дело соглашаться или отказываться.

На лице Миши Хвоста промелькнула усмешка: мол, за такие деньги я и сам половину Москвы ухайдакаю. Корень заметно посуровел и потянулся к новой бутылке пива. Еж нервно качнул ногой. Невозмутимым оставался лишь один Сева Вологодский. На его лице даже скользнуло нечто вроде одобрения: дескать, при таком солидном заказе сумма могла выглядеть куда более впечатляющей.

Пауза была недолгой, ровно такой, чтобы переварить услышанное.

– Для нас деньги не главное, для нас важен результат, – наконец произнес Сева Вологодский. Все дружно согласились, качав головами: создавалось полнейшее ощущение того, что каждый из присутствующих едва ли не каждое вос-

кресенье выбрасывает на «общак» до нескольких миллионов долларов.

– Я так понимаю, что согласие получено?

– Да.

– Но у меня есть условие, – неожиданно жестко произнес Филин.

– И какое же? – мгновенно отозвался Сева Вологодский. Условий он не любил и относился к ним всегда крайне острожно. Они так же обременительны, как печати в паспорте.

– У нас сейчас мало чистых «стволов», а потом, для такого серьезного дела они не годятся. Наши объекты весьма солидные люди, и просто так к ним не подойти. Следовательно, нужны снайперские винтовки, и не одна, а как минимум два с половиной десятка. Мы бы сами позаботились о «стволах», но дело довольно необычное, и я опасаюсь случайностей. С сегодняшнего дня мы переходим на строжайшую конспирацию. Слишком велики ставки.

– Для нас это немного неожиданно. Выходит, мы должны заниматься и обеспечением? – Сева Вологодский удивленно поднял брови. – А не слишком ли высока цена в этом случае?

– Такой заказ стоит раза в два дороже, но из уважения к вашему сообществу и за хлопоты, которые будут связаны с доставкой оружия, мы решили цену сократить до четырех миллионов баксов.

– Будет вам оружие, – проскрипел Миша Хвост. – Честно говоря, эту точку я для себя берег. Хотел немного поиметь

с нее. Но если так завертелось, чего уж тогда поганку крутить?! Будут «стволы».

– Когда? – осторожно поинтересовался Филин.

– Думаю, недели через две, не раньше, – заверил вор.

– Хорошо, – смежил Филин на секунду веки. – Значит, все это время мы полностью работаем на вас. Наш синдикат отказывается от других заказов и всецело берется за изучение объектов. Где и когда можно получить исходные данные?

Ладони Севы Вологодского мягко опустились на папку, лежащую перед ним:

– Здесь содержится самое необходимое для дела: фотографии объектов, их адреса, номера личных и служебных машин, привязанности, любовницы, дети, жены, престарелые родители. Насколько я понимаю, в вашем деле важна любая мелочь?

Филин невольно улыбнулся:

– Хм... Если бы я не знал, что разговариваю с законным, то решил бы, что беседую с коллегой.

Сидящие тут же спрятали усмешки – для законного вора это весьма сомнительный комплимент. Филин не мог этого не знать. Сева Вологодский сделал вид, что ничего не случилось. Вяло, подыгрывая всем остальным, изобразил улыбку. Крепко затянув тесемки, он взял папку в руки, словно пробуя ее на вес, а потом небрежно бросил на край стола.

Лицо Филина не дрогнуло, теперь он был обыкновенным исполнителем, с которого за несоблюдение договора можно

строого спросить. Но вопреки ожиданию он не проявлял покорности, а продолжал сидеть со скрещенными на груди руками, что свидетельствовало о его уверенности в собственных силах. Брошенная папка являлась неким тестом на крепость, и от того, как поведет себя Филин, будут складываться его отношения с заказчиком.

Папку он не взял, как будто не видел ее вовсе. Все с интересом ждали.

– Но это еще не все. – Руки Филина разомкнулись и успокоились на коленях. Теперь он напоминал примерного ученика, который готов терпеливо внимать наставлениям строгого учителя. – Работа, что мы должны проделать, сразу попадает в разряд непростых. Даже хотя бы потому, что очень большой объем. Сами понимаете, – слегка развел руками Филин. – И поэтому я настаиваю на авансе.

– Сколько вы хотите? Десять процентов? Пятнадцать?

Киллер сдержанно улыбнулся. Профиль у него был хищный, а длинный, слегка загнутый книзу нос напоминал клюв.

– Ну полноте! Ты хочешь меня обидеть? Неужели ты думаешь, что я стал бы заводить разговор из-за каких-то десяти или, скажем, двадцати процентов? Нас интересует половина от установленной суммы. Если мы не договоримся в этом вопросе, тогда нам нечего обсуждать прочие детали нашего соглашения. Я повторяю, мы влезает в очень большой риск, и, естественно, каждый опасный шаг должен соответствующим образом вознаграждаться.

Папка по-прежнему лежала на краю стола. Взгляд Филина был устремлен в глаза Севы Вологодского.

– Я не решаю подобных вопросов в одиночестве, – наконец разлепил он губы. И по праву председателя спросил у присутствующих: – Может, кто-то желает высказаться?

Тяжко скрипнуло под грузным телом Корня кресло, он заговорил, уставив мутный взгляд на Филина:

– Я вижу, что человек, с которым мы сегодня перетираем, очень серьезный. Такие слов на ветер не бросают, и нужно быть на сто процентов малахольным, чтобы отказаться от его услуг. Я согласен выдать причитающийся аванс.

– Я присоединяюсь, – прохрипел Еж, – ребят надо заинтересовать, а задарма только грибы растут.

– Главное – результат, а деньги еще будут, – согласился с остальными Миша Хвост.

– Вижу, что в этом вопросе у нас полное единодушие. Не буду отставать от остальных и тоже внесу свою долю. – Сева Вологодский побарабанил пальцами по столу. – Возможно, так даже и лучше, аванс укрепит наши отношения. Тебе легче будет работаться, а нам спрашивать по всей форме.

Ответом Севе Вологодскому была едва заметная усмешка.

– Я рад, что мы понимаем друг друга.

– Деньги получишь завтра. Я передам их тебе с Лосем.

Филин как будто дожидался именно этих ключевых слов: понимающе качнул головой и поднял со стола папку обеими руками, словно проверяя, насколько тяжела она.

– Хорошо, договорились. Значит, через две недели я буду ждать от вас «стволы». Если у вас нет ко мне вопросов, то я удаляюсь. Знаете ли, дела, – произнес Филин, поднимаясь, и сдержанно добавил: – Рад был познакомиться.

Дверь открылась. В проеме появился Лось. Огромный, молчаливый. Во взгляде сдержанная учтивость, не более.

– Я провожу, – произнес он, обращаясь к Филину.

– Буду признателен.

Через несколько минут во дворе глухо заурчал мотор. Сева Вологодский не удержался и посмотрел в окно. Ничего примечательного: обыкновенная белая «четверка», возле которой, опершись рукой о капот, стоял мужчина средних лет. На шофера он тянул с натяжкой. Такого человека легко представить в горах Северного Кавказа взирающим через оптический прицел винтовки куда-нибудь в даль, но уж никак не в качестве водителя, лениво попинывающего колеса автомобиля. Куртка на нем была просторная, и в ее недрах наверняка можно было упрятать даже станковый пулемет. Водитель слегка пошевелился, когда увидел выходящего Филина, словно бы нечаянно зыркнул по сторонам и предупредительно распахнул перед боссом дверцу.

От наблюдений Севу Вологодского оторвал скрипучий голос Ежа:

– Станный, однако, парниша. Да у него на роже написано, что он мокрушник. Когда он на меня смотрел, у меня было такое ощущение, словно он меня душил. – Он увидел

на лицах присутствующих сдержанные понимающие улыбки. Похоже, что каждый из них испытал аналогичные чувства. – Что ты о нем знаешь?

– Немногое. То же самое, что и другие. Все знают его под погонялом Филин. В Москве он объявился лет пять назад и пользуется весьма большим спросом. Странно, что он до сих пор жив. При такой профессии долго не живут. Очевидно, имеет какое-то могучее прикрытие. Я пытался выяснить – не получилось.

– Это только добавляет ему очков. Будем надеяться, что мы не прогадали с выбором, – негромко заметил Миша Хвост.

– Говорят, что он когда-то был очень перспективным биатлонистом. Но, видно, там заработок не слишком высок, если он решил переквалифицироваться в профессиональные убийцы.

В словах Севы Вологодского сквозила едва скрываемая безразличность – обычная реакция законного вора на мясника.

– Кстати, а как там насчет культурной программы? Где обещанные девочки? – забасил Корень. – А то мой дурачок уже себе места не находит. Пока не натешится, в дрейф не ляжет. Я-то его очень хорошо знаю. – Жора Крюков хохотнул.

– Знаешь, Сева, я хоть и староват для любовных утех, но на природе как-то располагает, – хрипло поддержал Крюкова Еж. – Дело сварганили, почему бы нам не поразвлечься, мы

же не хуже обычных мужиков.

Он улыбнулся, показав золотую фикса. Он рассказывал, что первую фикса поставил в семнадцать лет, подражая своему приятелю, вернувшемуся из зоны. Тогда пришлось подпиливать совершенно здоровый зуб надфилем, чтобы надеть на него латунный стерженек. И лишь значительно позже, отбарабанив от звонка до звонка первую ходку, он заработал право на кусочек золота во рту.

Вошел Лось без стука, как и полагалось. Остановился в дверях и заговорил чуть взволнованно:

– В общем, так... Тут мне передали: подъехали три автобуса с какими-то людьми, на грибников не похожи... на ментов, впрочем, тоже. Что делать?

– Ладно, культурную программу придется срочно сворачивать, – по праву председателя решил Сева Вологодский. – Как-нибудь в другой раз. Рисковать нам ни к чему, да и пальбу понапрасну устраивать не стоит. Тем более мы уже обо всем перетерли.

– Ладно, срастется, – вставил словечко Еж, поднимаясь. – Ломанусь отсюда на Тверскую, сейчас самое время, когда упакованное мясо на охоту выходит.

– И мне тоже пора, – поднялся Жора Крюков. – Одно плохо, что с оттопыренными штанами идти придется.

Телефонный звонок прозвучал в тот самый момент, когда за Мишей Хвостом захлопнулась дверь. Сева Вологодский не торопился – поднял трубку после третьего гудка.

– Да... Хорошо... Сейчас буду.

Вологодский поднялся с кресла и почувствовал легкое волнение. Оно посещало законного всякий раз, когда ему следовало встретиться с этим человеком.

– Пойдешь со мной, – сказал он стоящему в дверях Лосю, – разговор у меня будет.

– Надо – так надо, – неопределенно повел плечом Глеб.

Сева Вологодский выглядел слегка напряженным – не частое состояние для его раскрепощенной души.

– Как там, уезжают? – Голос звучал слегка рассеянно, похоже, он спросил только для того, чтобы нарушить тишину.

Внизу слышался звук отъезжающей машины.

– Еж поехал... Сейчас и Миша тронется.

Но, судя по лицу, ответ Севу интересовал мало.

– Ладно, пойдем.

Поднялись на второй этаж. Сева Вологодский остановился как раз напротив той комнаты, где был заперт парализованный старик.

Лось удивленно посмотрел на вора:

– Сева, послушай, здесь нечего ловить. Тут находится один полоумный де...

Договорить он не успел. Дверь неожиданно открылась, и на пороге предстал тот самый парализованный старик. Теперь Лось понял, что его насторожило во внешности старика в первую встречу, – глаза! Нет, они выглядели необыкновенно старыми, глубоко запавшими. Но вот то, что пряталось в

глубине зрачков, заставляло невольно насторожиться.

Воля.

Она как будто бы плескалась через край, как это происходит с кипящим чайником, до самых краев наполненным водой. Так ведь и обжечься можно.

– Не ожидал? – добродушно посмотрел старик на Лося. – Ладно, проходи, рано меня хоронить, я еще и сгодиться могу.

Голос у старика был спокойный, ни одной высокой ноты. Так разговаривать могут только люди, привыкшие к тому, что их обязательно услышат и поймут.

Уродливое инвалидное кресло с обтертыми подлокотниками, словно наказанное, убого покоилось в самом углу.

– Это Лось, – проговорил Сева Вологодский.

Глеб удивился его тону, никогда он не слышал в голосе Севы сразу столько непоказного уважения.

– А ты думаешь, я не знаю? – хмыкнул старик. – Или ты думаешь, я на старости лет вальтов ловить начал?

– Нет, но...

– Ничего подобного! Память у меня еще получше, чем у некоторых молодых. Это тот самый Лось, что кассу у «Московского» универмага взял. Так?

Уважительный тон Севы Вологодского совсем сбил с толку Лося. Об этом ограблении ювелирной лавки знали очень немногие, и нужно обладать немалыми чинами, чтобы заполнить доступ к подобной информации.

Ему бы ответить грубо, переть буром. Да и голосу солид-

ности добавить, но вместо этого Глеб смущенно пролопотал:

– Давно это было. Я уже забывать стал.

– Вот видишь, ты забывать стал, а я еще помню. И знаешь почему?

– Почему же?

– А потому что слежу за тобой. Большой толк из тебя будет. И нашему воровскому братству поможешь. Надумаешь в люди подаваться, так я тебе первый рекомендацию черкну.

Горло у Лося перехватило:

– А кто ты?

– Ты ему не сказал? – повернулся старик к Севе.

– Договоренности не было.

– Ну и правильно, – охотно согласился старик. – Гоша Антиквариат, слышал о таком? Чего же ты глаза-то вытаращил? Или, может быть, я страшный такой?

Гоша Антиквариат был одним из апостолов воровского мира. Возможно, даже самым главным из них. Он как никто другой знал воровские заповеди и трактовал их безо всяких еретических правил. Лося он всегда представлялся очень ветхим, точно таким же, как библейский Соломон. Но сейчас, глядя на него, охотно верилось, что Антиквариат запросто вмещает в себя еще лет пятнадцать активной жизни. Руки сильные, совсем не старческие, привыкшие к тяжести металла, вот только кожа на ладонях слегка сморщенная, – как бывает только у стариков, – словно подернутая паутиной ветхости.

Лось перевел взгляд на Севу. Вологодский неловко улыбался. В присутствии старика он явно терялся, словно ناشкодивший мальчишка. А следовательно, так оно и было. И еще – всему воровскому сообществу было известно, что Гоша Антиквариат был давно и надолго заперт во Владимирском центре.

– Но дело в том... – мялся Лось, пытаясь подобрать нужное слово.

Антиквариат выручил, спросив безо всяких эмоций:

– В крытке, что ли, чалюсь?

– Да, – поднял Лось голову.

– Иногда я выхожу на волю, когда очень скучно становится. А потом, как же я мог пропустить ваше сборище! Хотя, скажу тебе честно, стоило это удовольствие немало «зеленых». Но, думается, все траты окупятся. Ну, так что, рекомендация моя нужна? – улыбнулся старик, показав полный рот золотых зубов.

– Не откажусь. Такая рекомендация нескольких стоит.

Гоша Антиквариат и в самом деле напоминал редкий реликт давно минувшей эпохи, стоимость которого по истечении времени не падает, а даже, наоборот, поднимается многократно. И совсем не оттого, что он умел подать себя, имея гренадерский рост и отточенные жесты народного артиста, а потому, что являлся бесценным кладом воровских понятий. И молодежь, жадная до романтики, окуналась в его рассказы, словно в очистительный колодец.

Он был тем самым тоненьким мостиком, который, выходя из далекого прошлого, протянулся в настоящее.

Гоша Антиквариат всегда был при делах, даже находясь в крытке, он имел возможность списываться с другими ворами и собственным авторитетом влиять на решение сходняка.

А где-то рядом с ним так же могуче возвышалась фигура Варяга. Кто знает, может быть, именно он был инициатором проведения схода.

– Может, лучше в другой раз побазарим? – негромко предложил Сева Вологодский. – Тут в трех километрах какой-то непонятный десант высадился. Не обложили бы!

– Не мельтеши, – махнул широкой ладонью Гоша Антиквариат. – Это я устроил. Надоела мне ваша болтовня, надо же было что-то делать.

– Как же это ты организовал-то? – удивился Лось.

Антиквариат сощурился:

– А ты думаешь, если я на паралитика похож, так и мобильным телефоном воспользоваться не сумею?

– А разговор наш слышал? – осторожно поинтересовался Сева.

– От начала и до конца, – усмехнулся Антиквариат, – рано ты меня в рухлядь записываешь.

– И что ты обо всем этом думаешь? – сдержанно спросил Сева Вологодский.

Антиквариат подошел к окну. Лось имел возможность рассмотреть старика со спины. Долговязый, чуточку

нескладный, он больше напоминал потомственного интеллигента, вышибленного зигзагами судьбы на обочину жизни, чем на матерого уркагана.

Со двора пансионата уезжал Мишка Хвост, с громким гиканьем, с длинными победными гудками – по-другому он просто не умел. В нем всегда присутствовал нереализованный баловник.

Наконец Гоша Антиквариат повернулся, присел на подоконник. Теперь он стал похож на сельского учителя, который, поломав научную карьеру, отправился в далекую глубинку сеять доброе и вечное.

– Ничего хорошего. Об этих серьезных ребятах я кое-что уже слышал. С ними нужно быть поосторожнее, каждое сказанное слово они воспринимают за чистую монету. – В глазах сельского учителя светилась проникновенность. Так можно смотреть только на нерадивого ученика, не усвоившего важный урок. – Но дело свое они знают. Если говорят – уберут, значит, так оно и будет. Язык за зубами тоже умеют держать. Правда, в последнее время стала прослеживаться неприятная тенденция. – Антиквариат брезгливо поморщился.

– Какая? – насторожился Сева Вологодский.

– Странность заключается в том, что они всегда появляются там, где наблюдаются большие деньги.

– Это все?

– Не спеши, – терпеливо укорил Гоша Антиквариат уче-

ника. – Кроме того, мне известны случаи, что после дела они напрашиваются в долю. – Сева Вологодский нахмурился. – С их возможностями подобные комбинации вполне логичны. Перед тем как пойти на дело, они собирают обширнейшее досье на людей, которых следует уничтожить. Правда, каким образом они получают секретнейшую информацию, для меня остается до сих пор загадкой. – Неожиданно старик улыбнулся. – Допускаю, что подобные досье у них заготовлены и на каждого из вас. Собранные бумаги им очень здорово могут пригодиться для предстоящего базара.

– Что же ты предлагаешь, Антиквариат?

– Как только они сделают свое дело, их надо убрать, – проговорил старик почти ласково. Причем в его глазах было столько доброты, сколько не встретишь даже у телка, подбирающегося к материнскому вымени. – Ты меня понял?

Сева Вологодский невольно поежился. Он неплохо знал своего наставника: с подобным добродушием тот стискивал между пальцев несмышленных котят и отдавал приказы на ликвидацию.

– Да, – проглотил колючий ком Сева Вологодский. – Но как на них выйти? В нашем распоряжении будет только один Филин.

Гоша Антиквариат вновь посмотрел в окно, где, поигрывая оружием, расхаживала охрана. Парни держали автоматы небрежно, как будто у каждого из них за плечами по целой дюжине военных конфликтов, но вряд ли кто-нибудь из них

действительно побывал в по-настоящему боевой передеряге. Единственное, на что они были способны, так это пальнуть из-за угла по загулявшей братве.

– Мне тебя учить, как это делается? – ласково продолжил Гоша Антиквариат. – Я всегда считал тебя очень способным учеником. – В голосе старика послышалось даже что-то вроде разочарования. – Отвезешь Филина в лес, привяжешь его, голубчика, к какому-нибудь крепкому дубку вниз головой, разведешь хороший костер. Говорю тебе серьезно, этот способ очень располагает к откровенному разговору.

– Мне кажется, он не из тех людей, которые могут сломаться. С ним придется помучиться.

– Любого человека можно сломать, запомни это на всю жизнь, – безо всяких интонаций продолжал старик. Теперь он выглядел пастором, читающим воскресную проповедь. Голос спокойный, всепроницающий. – Сначала человека нужно убедить в своей правоте, доказать, что он не прав. А если он все-таки не понимает вежливых слов, тогда следует указать ему его место, например, где-нибудь в стойле. Уговорам поддаются все, просто на одного достаточно прикрикнуть, а другого нужно приласкать. Вот так-то!

– Я тебя понял, Гоша, – произнес Сева Вологодский.

– Держи этого парня на коротком поводке, – выставил вперед ладонь Гоша Антиквариат, – если он будет слишком длинный, тогда он закинет тебе петлю на шею и затянет ее туго-туго. – Он посмотрел на Лося и добавил: – А знаешь,

юноша, мне это заведение где-то даже очень понравилось. Если я совсем останусь не у дел и меня уже больше не захотят держать в тюрьме, я непременно вернусь сюда и буду тихо доживать в лесочке свой век.

В проеме двери возникла крепкая фигура одного из охранников. Погоняло у него было Квадрат – на удивление емкое и точное. Кто видел его впервые, невольно удивлялся его кубатуре, казалось, что он сплошь состоит из геометрических фигур с правильно очерченными линиями: квадратным выглядело его лицо, руки – прямоугольники, а ноги, короткие и сильные, больше напоминали перевернутую трапецию. Квадрат пришел в бригаду Лося из тяжелой атлетики. Парень понимал, что его звездный час в спорте остался за плечами. У него уже не было сил, чтобы удивить человечество мировым рекордом, но их вполне хватало, чтобы откручивать головы собственным недоброжелателям. Он решил податься в одну из московских группировок. Так он оказался в бригаде Лося. Еще через год старание его было оценено, и Квадрат поднялся еще на одну ступеньку в криминальном мире, став звеньевым. К своему немалому удивлению, он обнаружил, что карьеру можно делать не только на спортивном помосте.

– Лось, там подошли три хмыря, говорят, что хотят видеть какого-то Гошу Антиквариата. Может, завалить их? Уж больно базар неучтиво трут.

Ответить Лось не успел. Вкрадчивый и очень мягкий го-

лос старика звучал укоризненно:

– Сразу видно, что из молодых. Таких отстреливают в первую очередь. Так вот, я тебе замечу, молодой человек, если эти три хмыря... как ты их называешь, узнают, что ты о них так нелестно выразился, самое малое, что они тебе сделают, так это оторвут яйца. И помешать этому не смогу даже я, Гоша Антиквариат. А таких людей, мой мальчик, нужно знать, – почти укорил старый вор. – Ладно, провожать меня не нужно, доберусь как-нибудь сам, – и, потеснив тощим плечом обескураженного Квадрата, вышел в коридор.

Никто из троицы не осмелился увязаться следом за стариком. С минуту они вслушивались в шаркающий шаг, словно замороженные. А затем, не сговариваясь, подошли к окну. Внизу стояли шесть человек бойцов и терпеливо дожидались команды. Трое гостей стояли отдельно, подчеркнуто безразличные. Напряжение ощущалось даже на высоте второго этажа. Достаточно всего лишь одного неосмотрительного слова, чтобы у стен пансионата началась нешуточная схватка. Незнакомцы не дрогнут, это ясно. Не та порода. На лицах безмятежность камикадзе. Один из бойцов, почувствовав настороженный взгляд, повернулся, посмотрев на окна верхнего этажа. Лось как будто только и дожидался этого внимания. Махнув рукой, он дал знать, что все в порядке. Бойцы мгновенно потеряли интерес к неожиданным гостям.

Старик вышел бодро. В нем совершенно ничего не оставалось от той развалины, каким он представлялся Лосю все-

го лишь несколько часов назад. Даже осанка чем-то напоминала выправку строевого офицера в отставке. Трудно было поверить, что на эти негибаемые плечи уже которое десятилетие подряд давят своды унылых казематов.

Машина у Гоши Антиквариата была неброская, но надежная – «Фольксваген-Пассат». Вор сел в салон, любезно кивнув стоящему рядом телохранителю, и, не оборачиваясь на окна, откуда его сверлили заинтересованными взглядами, захлопнул дверцу.

Глава 4

ОТГРУЗИМ ОРУЖИЕ И ПО ПИВУ!

Старший лейтенант Блюме был педант. Об этом были слышаны все его сослуживцы. Но мало кто знал, что подобную черту он не выработал многочасовыми упражнениями на плацу, а получил в качестве ценнейшего подарка от далеких предков, некогда поселившихся в предместье Кенигсберга. Он тщательно скрывал свою немецкую кровь, но она сказывалась в нем, доставляя неприятности не только ее обладателю, но и окружающим.

Блюме любил, когда день был разбит по минутам, и не терпел всякого рода случайностей. Однако вся его служба была сопряжена с неожиданностями, к которым никогда нельзя было приноровиться, и если не наткнешься на пьяного майора, тогда непременно получишь какой-нибудь сюрприз от «любимого» личного состава.

В этот раз вместо положенного по графику отпуска командир полка откомандировал его сопровождать в Москву оружие. Мечту о солнечных деньках и о теплом Черном море пришлось отложить дней на десять. Впрочем, свалившаяся на плечи обязанность не из самых сложных: трясешься себе в купе, попиваешь чаек и следишь за тем, чтобы солдаты от безделья не ковыряли пломбы на ящиках с оружием.

До Москвы из Челябинска путь неблизкий, но и далеким

его тоже не назовешь. Вполне достаточный для того, чтобы перечитать скопившуюся в почтовом ящике периодику да полистать несколько глянцевого журнальчиков, приобретенных по случаю на перроне.

Уже перед самой Москвой состав неожиданно тормознули. Простояв целый день, он отправился на какую-то запасную линию, где протомился еще трое бездарных суток. Старший лейтенант Блюме глухо матерился, понимая, что все его надежды на полноценный отдых летят к чертовой матери и очень велика перспектива проторчать в глухом тупике еще недельку-другую. Самое удивительное было в том, что комендант не был оповещен о прибытии груза. И теперь он с недоумением взирал на злополучные ящики, проклиная в душе настырного старлея и проблему, которая так неожиданно свалилась на его бесталанную голову.

Связаться с командиром полка тоже не удалось: пару дней назад тот отбыл в Сочи и, видно, сейчас, натянув на толстую задницу узенькие плавки, усиленно охмурял восемнадцатилетних девиц. Его заместитель майор Быстров, такой же крутобокий, о предстоящей командировке не подозревал и спешно окрестился от всех проблем.

Через неделю ожидания старший лейтенант понял, что приехал в ни-ку-да. А еще через день его вагоны отцепили от состава и приказали ждать дальнейших указаний. Единственное, что было отрадно в этом случае, так это командировочные, которые неумолимо работали на его карман,

как включенный счетчик. А тут еще комендант, прослышав про их беду, выделил подъемные, которых Блюме хватило не только на личные нужды, но и на угощение подуставшим солдатам.

Освобождение явилось в облике сорокапятилетнего майора. Помятый, с застывшими желтоватыми глазами – полное ощущение того, что его выволокли из-под тяжелого грузовика, – он, небрежно козырнув, протянул старлею хилую руку. Блюме невольно обратил внимание на два жирных пятна на рукаве кителя: ага, видно, майор заворачивал в форму жирную сельдь, после чего занюхивал рукавом проглоченные стопарики.

– Вы – старший лейтенант Блюме? – чуточку небрежно, как и следовало обращаться старшему по званию, спросил майор.

– Так точно, – строго отвечал старший лейтенант, стараясь не показать своих истинных чувств.

– Я майор Латышев, из Таманской дивизии. Ваше оружие переходит в полное мое распоряжение. – Он чуть замедленно достал документы и вручил их лейтенанту.

Бумаги, затертые слегка на краях, свидетельствовали, что путь они проделали немаленький, прежде чем оказаться в руках Блюме. Старший лейтенант не исключал и такой возможности, что если уж документы не пошли в качестве кулька для рыбной требухи, то наверняка стали очевидцами недавнего офицерского разгула.

– Почему же вы не пришли сразу? – стараясь не показать своего раздражения, спросил Блюме.

– Послушай, старлей, ты меня что, инспектировать собрался? Чином не вышел! А потом, кроме тебя, у меня еще масса дел имеется. Скажи спасибо, что вообще подошел, а то так бы ты и куковал здесь до первого снега.

Документы, хоть и замасленные, внушали уважение. На одной из бумаг обнаружилась даже размашистая подпись начальника штаба Московского военного округа. Несмотря на масштаб подписей, майор относился к документам без должного пиетета.

– Постойте, здесь написано, что я должен отправить винтовки не в воинскую часть, а в какое-то управление ВОХРа.

– Ну? Что тебя смущает? – удивился майор.

Старший лейтенант его немножко забавлял. В беспроектной зеленой молодости он распознал себя прежнего – безнадежного оптимиста, как ему когда-то казалось. И нужно выпить море водки и отмаршировать по экватору Земли несколько витков, чтобы превратиться в прожженного скептика.

– Но это снайперские винтовки, – удивленно и негромко поведал военную тайну старший лейтенант и еще тише добавил: – Боевые! А тут какой-то ВОХР их будет охранять.

– Вот что значит зелень, – всерьез позавидовал молодости старлея сорокапятилетний мужик. – Послужишь с мое, так ты еще и не такое увидишь. Мы тут как-то в часть одну при-

ехали инспектировать. Смотрим, в поле танк стоит, причем один из последних. Да еще при боекомплекте. Спрашиваем: в чем дело, почему танк не на месте и чей он? А там солдатик один на броне сидит при оружии. И начал он нас убеждать, что это его танк и что он купил эту технику. Мы это вначале за шутку приняли, так он начал кипятииться и говорить, что вся родня деньги на танк собирала. А как отслужит свой срок, так непременно заберет танк к себе куда-то в горы. А ты говоришь, снайперские винтовки. Тут такого дурдома насмотришься, что не приведи господи! – поднял руку майор для крестного знамения. Креститься не стал, раздумал.

– Ну и что же этот солдат? – не выдал своего удивления старший лейтенант.

– Генерал дал команду скрутить молодца. Наши схватились было за табельное оружие, а солдатик челюсти сжал и предупредил, что, если хоть шаг сделаем в сторону его собственности, – начнет стрелять. Вот так бы они государственное добро охраняли! – вновь сбился на веселый лад майор.

– И что, отошли?

– А как тут не отойти, когда тебе в лоб «АКМ» суют, – очень искренне удивился майор Латышев. Он начал всерьез принимать старлея за чудака. – Сели в свой «уазик» и укатили подальше.

– Ну, а об инциденте-то сообщили?

– Сообщили. А что толку, старлей. – Майор выглядел раздосадованным. – Везде разброд. Я уверен, что к нему даже

мер принято не было. За что его судить? За то, что он танк купил? Но ведь он действительно выложил за него немалые деньги. Да и в дисбат его не отправишь. Выкупят родственники. Не его судить надо, а того, кто развалил всю эту систему. Кто порядок в бардак превратил.

Старший лейтенант не унимался:

– А с танком-то чего?

– А что с ним сделается-то? – удивился вопросу Латышев. – Сейчас, наверное, врыт где-нибудь в горах и палит потихонечку по местам расположений. А ты мне все про какие-то винтовки толкуешь!

– Да как-то не положено... – пожал плечами старший лейтенант, растерянно держа документы.

– А потом, хочу тебя утешить, старший лейтенант: винтовки твои будут находиться в оружейной ВОХРа не вечно, а всего лишь неделю... Ну, максимум две. И уйдут по назначению. И не забывай о том, что охрана там все-таки военизированная. Служба сейчас эта в почете. Сутки работаешь, трое отдыхаешь, и получают они примерно столько же, сколько мы с тобой. И дедулек в тулупе ты там уже не встретишь, как раньше бывало. Служба в ВОХРе почетной становится. Отслужу свое, так туда пойду, – сказал он задумчиво. – Ну так что, подпишешь документики или отворот мне дашь?.. Нет, ты смотри, я не настаиваю, дело-то хозяйское! Просто хочу предупредить по-дружески, что своим отказом можешь принести хлопот не только себе, но еще и вышестоящему на-

чальству. А подобный почин не очень-то приветствуется в нашей системе. Сказать, может быть, ничего и не скажут, но могут затаить недоброе.

На лице Латышева было отчетливо написано, что он давно устал от всех этих начальственных заморочек, а в оплывших глазах явственно обозначился размер майорской пенсии.

– Ладно... Подпишу. Где тут черкнуть?

– А вот здесь, старлей, там, где написано «принял»... и еще твоя фамилия. Рассмотрел?

– Да.

– Ну вот и отлично!

Размашисто, накрутив с пяток замысловатых закорючек, Блюме расписался.

– Пойдет?

– Быть тебе командующим округа, – оценил майор его каракули.

– Ну что, теперь я свободен? – Блюме ощутил нечто похожее на облегчение. Такое впечатление, что пятнадцать суток отсидел.

– Ты шутишь, старлей? – изумленно воскликнул майор Латышев. – А как я, по-твоему, оружие буду загружать? На собственном горбу, что ли? Или, может быть, вохровцев привлечь? Нет уж, старший лейтенант, давай так с тобой договоримся – отвези оружие под охраной, как и положено. Передадим вохровцам с рук на руки, а там можешь гулять по своим делам.

– Хорошо, – невольно согласился старший лейтенант, понимая, что другого решения просто не существует. Но самое скверное заключалось в том, что его одолело нехорошее, липкое предчувствие с омерзительным душком. Где-то в глубине души уже закралось подозрение, что дело этим не закончится. – Так и сделаем.

– А потом давай по пиву, – радостно подхватил майор, – знакомство-то надо спрыснуть. А то что же такое получается: встретил хорошего человека и не выпил с ним. Да это сущий непорядок!

– Выпьем, – согласился Блюме, ощущая, что его заточение подходит к концу. Сегодняшним же вечером можно будет надеть гражданку, завалиться в какой-нибудь кабачок и отыскать девчонку без комплексов, чтобы могла скрасить нелегкие военные будни.

Глава 5

ГРАМОТНО СРАБОТАЛИ – ПАРА ТРУПОВ И НОЛЬ УЛИК

Здание, где хранилось оружие, расположенное в районе Текстильщиков, больше напоминало средневековую крепость, чем гражданское строение. Невысокое, всего лишь в три этажа, выкрашенное в белый цвет, оно запросто могло бы сойти за рабочее общежитие, если бы не высокие каменные стены, поверх которых была закреплена колючая проволока «егоза» и пропущен ток высокого напряжения. Но даже если допустить, что смельчак способен взобраться на каменную твердыню, то он непременно должен будет свернуть себе шею, прыгая почти с семиметровой высоты. Для усиления по углам территории были установлены четыре вышки, на которых в три смены несли вахту служивые ВОХРа.

За стенами привычная обстановка: гараж на пару десятков машин, немного в стороне котельная, да вот еще банька. На территории порядок, какой может быть только в военных гарнизонах, где руководство привыкло считать, что начало боевых задач берет точку отсчета с безукоризненно подметенного плаца. Все свидетельствовало о том, что порядок здесь не только любят, но и ценят. А подобная привычка чаще всего вырабатывается у тех, кто половину своей жизни

провел в воинских частях.

Чуть разочаровала лишь аккуратно вскрытая консервная банка. Она лежала на самой середине асфальтовой дорожки, бросая вызов принятому здесь порядку, и каждый, кто проходил мимо, осторожно обходил ее стороной, как будто бы опасался, что под тонкой жестью может прятаться полкило тротила.

Начальник следственного отдела МУРа полковник Крылов не дошел до мозолившей глаза банки всего лишь шаг. Неожиданно он остановился и, повернувшись к мужчине лет пятидесяти, спросил:

– Значит, никаких следов?

– Так точно, – ответил тот. Выглядел он виновато, как будто был уличен в двух десятках вооруженных ограблений. – Я говорил с ним... Он утверждает, что они были в масках.

Начальника управления ВОХРа звали Валерий Петрович Абрамов. Только в прошлом году он вышел в отставку и справедливо полагал, что эта работа будет неплохим подспорьем к подполковничьей пенсии. Но кто бы мог подумать, что совсем бесхлопотная должность может принести столько неприятностей: полгода назад разодрались два вохровца и едва не перестреляли друг друга из табельного оружия. А в этот раз помещение украшает парочка остывших трупов, да еще вот похищено несколько ящичков со снайперскими винтовками да три ящика с пистолетами «ТТ».

Валерий Петрович обратил внимание на то, что седых во-

лос у него заметно прибавилось. И это всего лишь восемь месяцев работы! Кто бы мог подумать, что его прежняя должность заместителя начальника по тылу по прошествии года покажется тепличным местечком.

– Может, он кого-то узнал?.. Всякое бывает, – спросил полковник, сурово посмотрев на Абрамова, изрядно вспотевшего. Утро начиналось скверно, теперь понятно, почему всю ночь его мучили кошмары.

Валерий Петрович достал платок и бережно промокнул мокрые виски. Посмотрел на ткань. На тонком хлопке обозначились два неровных влажных пятна. Начальник ВОХРа волновался так, словно на него собрались повесить парочку нераскрытых убийств.

– Никого не узнал, говорит, что все они были в масках. Накостыляли ему, связали, но убивать не стали. Видно, пожалели, старик все-таки, – сделал несмелое предположение Абрамов.

– Понятно, – качнул головой полковник, давая понять, что ответом удовлетворен.

Перешагивать консервную банку Геннадий Васильевич не стал. Примерившись носком ботинка, легонько поддел ее, и жест, словно обрадовавшись, весело забренчала, пока не закатилась в придорожный куст боярышника.

Там ей и место.

У самого входа молоденький следователь снимал показания у пожилой уборщицы, которая первая натолкнулась на

трупы. Женщина энергично размахивала руками, без конца охала, и у каждого, кто становился свидетелем этой сцены, невольно закрадывалось подозрение, что старушка была главным действующим лицом смертоубийства.

У входа в служебное помещение дежурили два безусых сержанта. Наверняка они пришли в органы вчера, ну самое большее неделю назад. Но на их серьезных лицах было написано, что едва ли не каждое дежурство им приходится иметь дело с трупами. В их обязанность входило не пускать никого из посторонних, и на каждого, кто приближался ближе десяти метров, они смотрели отчужденно, как на возможного преступника.

Полковник подавил в себе улыбку и в сопровождении Абрамова направился к зданию.

– Значит, один труп на первом этаже?

– Да, вон в той комнате, – виновато произнес Абрамов.

– Ладно, давайте посмотрим.

Убитый сидел за столом, положив стриженую голову на руки, как раз напротив двери. Его вполне можно было принять за спящего, если бы не крохотное отверстие в середине затылка. Кровь вокруг раны уже запеклась, и короткие русые волосы, слипшись, торчали во все стороны.

Здесь же, у самых ног, с метром в руках суетился эксперт. Он напоминал портного, который снимает мерку на костюм. Но самое большее, на что мог рассчитывать убиенный, так это на крепкий сосновый гроб.

– Что можешь сказать? – спросил полковник, когда эксперт наконец распрямился.

– Смерть наступила примерно три-четыре часа назад... Стреляли с близкого расстояния. Я так думаю, что с сантиметров пятнадцати стреляли, не дальше. Наблюдается огромное количество гари, порох...

– Гильзу нашли?

– Да, – сказал эксперт.

– Что-то еще ценное обнаружили, скажем, следы, отпечатки?

– Все было сделано очень чисто. Такое впечатление, что стрелял профессионал или, во всяком случае, человек, который неплохо знает свое дело.

– Понятно, – безрадостно протянул полковник.

На столе перед убитым – прошлогодний «Огонек». В плане просвещения информация безнадежно устарелая, но вполне приемлемая для того, чтобы хоть как-то скрасить унылые часы дежурства. У посиневших пальцев спичечный коробок, наполовину открытый. Под ладонью надломленная спичка, один конец которой остро заточен и слегка смят. Ага, похоже, что она выполняла роль зубочистки. Значит, накануне убийства произошел самый последний ужин в его жизни. Немного подальше чашка кофе, на доньшке застыла кофейная гуща. На фарфоровых стенках крупички сахара. Похоже, что покойник очень мирно перелистывал журнальчик и ковырялся в зубах спичкой в то время, когда убий-

да подкрадывался к нему со спины. А ведь путь тот прошел немаленький, метров десять, и за этот отрезок он ничем не выдал своего присутствия. Убийца не стукнул дверью, не чихнул, передвигался бесшумно, под ним не скрипнули даже половицы. Но не мог же он добраться до охранника по воздуху. Во всяком случае, подобное в мировой практике пока не случалось.

– Как же все-таки так получилось, что посторонних не заметили с вышки? – спросил полковник, оторвав взгляд от застывших пальцев покойного.

– Понимаете, я на этой должности не так давно, – мялся начальник ВОХРа, усиленно разглядывая носки своих ботинок, – признаюсь, опыта у меня маловато. Действительно, на этих вышках должны были дежурить, но буквально часа за два позвонил один из дежурных и сообщил, что у него умер тесть, а другой слег с температурой. Замены за короткое время я им подобрать не успел. А с остальных вышек заметить посторонних было невозможно. Здание мешает... И надо же такому случиться, что в этот день произошло ограбление! – уныло воскликнул Абрамов. – Конечно, если бы они были на вышках, то наверняка бы заметили преступников! Как они только пронюхали... Да мы и сами удивились, когда нам снайперские винтовки сдали на хранение, – добавил он.

– Ладно, пойдемте дальше, – проговорил полковник.

Геннадий Васильевич вышел в коридор. На лестнице в грязном темном халате шуровала тряпкой бабка лет семи-

десяти. Ее тощее лицо напоминало печеное яблоко, такое же темно-желтое, а сморщенная кожа напрочь была лишена всех живительных соков. Ее мало интересовали драмы, происходящие в здании, и она терпеливо отработывала аванс, выданный накануне.

На влажной черной тряпке, возможно, оставались последние улики.

– Вы бы ноги вытирали, а то натопчут тут, а я за всеми подбирай, – ворчливо произнесла старуха.

– Кто ее впустил? Сказано же было – никаких посторонних, – в сердцах выдавил полковник.

– А кто здесь посторонний-то? – воскликнула бабка. – Это я, что ли, посторонняя, которая двадцать лет без малого здесь проработала?

– Ты бы, Никитична, рот-то не раскрывала напрасно, все-таки с полковником милиции разговариваешь, – строго укорил ее начальник охраны.

– А мне все едино, что полковник, что генерал, грязь-то, она не разбирает! Притащут тут по полпуда, а я потом выгребай. Хоть бы добавили десяточку, так нет же, жмутся!

– Это моя вина, товарищ полковник, не усмотрел. Никитична – бабка у нас очень старательная, другой такой во всей Москве не сыщешь, вот и приходится ей прощать острый язык. А потом, кто сейчас пойдет на такую мизерную зарплату? Сами понимаете. Но ваши люди здесь уже смотрели и ничего такого не обнаружили. Если бы что-то было, так я бы

человека приставил, охраняли бы уж как положено, — очень серьезно заверил Валерий Петрович.

— Да уж, я вижу. — Полковник предусмотрительно вытер подошвы о влажную тряпку.

Внизу под лестницей курили трое совсем молодых ребят. И не понять, кто они — то ли начинающие следователи, то ли стажеры. Крылова всегда удивляла способность посторонних проникать в охраняемое здание. Выставишь пост, проинструктируешь людей, но через все кордоны обязательно просочится человека два-три, не имеющих никакого отношения к предстоящему делу. Следовало бы спросить у них, кто они такие, но полковник благоразумно решил поберечь силы, понимая, что день только начинается.

На втором этаже они встретили двух человек в белых халатах. Те тоже о чем-то негромко разговаривали. Похоже, что эскулапы уже успели констатировать смерть и теперь с чувством выполненного долга травили скучноватые анекдоты.

— Где второй?

— В этой комнате, — живо подсказал начальник охраны. И, опередив полковника на полшага, распахнул массивную дверь.

Получилось торжественно, как будто Абрамов по меньшей мере приглашал его на презентацию, а не на свидание с покойником.

В комнате находились четыре человека. Двое — старший

оперуполномоченный майор Малышев и девушка лет двадцати пяти – сидели на продавленном диване; третий – еще один опер из МУРа, капитан Свиридов, – неторопливо копался в книжном шкафу, просматривая убогую библиотеку; четвертый – эксперт Федорчук – стоял около покойника, растянувшегося на полу, и громко, напоминая артиста, декламирующего стихи, вещал:

– Возраст покойного двадцать восемь лет... правая рука согнута в локтевом суставе... голова слегка запрокинута назад... глаза полуоткрыты. – Федорчук настолько вошел в сценический образ, что не сразу заметил вошедшего полковника. – Справа у виска округлое отверстие...

Девушка напоминала примерную студентку старших курсов и быстро, опасаясь пропустить хотя бы слово, записывала сказанное. Когда она поднимала голову, в ее глазах было столько обожания, сколько можно встретить только у пятикурсницы, безнадежно влюбленной в сердцеда-профессора.

Не исключено, что между ней и наставником что-то уже завязалось. Во всяком случае, капитан явно не из тех людей, способных упустить такой лакомый кусочек.

Заметив наконец полковника, Федорчук смущенно умолк и незаметно стрельнул глазами в сторону застывшей в ожидании девушки. Похоже, он был не очень доволен, что охмурение молодой особы будет происходить в два приема.

– Так что тут у вас?

– Труп, товарищ полковник, – мелко отомстил Федорчук.

– А ты, я вижу, остряк, – хмыкнул Геннадий Васильевич.

Труп был распластан на полу: одна нога согнута, другая прямая, руки разбросаны. Такое впечатление, что покойник куда-то торопился, да вот на мгновение прервал свой бег. Еще секунда-другая, и он, собравшись с силами, вновь устремится в никуда.

Полковник обошел убитого. У головы натекла небольшая кровавая лужица. На самый краешек уже кто-то слегка наступил, оставив узенький след.

Выстрел в голову. В висок. Такое чувство, что оба вохровца специально подставляли головы под пули убийцы. А ведь это два молодых мужчины, физически хорошо развитые, с неплохой реакцией. И никаких следов сопротивления.

– Какие ваши соображения? – посмотрел полковник на Малышева.

Майор поднялся.

– Я думаю, что выстрел был произведен очень неожиданно для охранника. Убийца или был в комнате, или незаметно подкрался. Очевидно, покойный в это время смотрел какой-то фильм и был очень увлечен, – показал Малышев взглядом на старенький телевизор, стоящий в самом углу комнаты, – и просто не слышал шагов.

– Странно получается: два выстрела – и оба смертельны, и что любопытно, никаких следов борьбы. А ведь ребятки-то были не слабые, – покачал головой Геннадий Васильевич. – Я ведь о них уже справлялся. До этого оба они служили в

милиции и были не на самом плохом счету... Что-то здесь не вяжется.

Вот как бывает. Пошел человек на службу, чтобы отбарабанить самые заурядные двадцать четыре часа. Наверняка был полон планов, думал о том, как великолепно проведет следующие трое суток. И даже предположить не мог, что костлявая уже занесла над ним косу и приладилась поудобнее, чтобы опустить заточенную сталь со всего размаха на самое темечко.

– Что-нибудь обнаружили? – повернулся полковник к эксперту.

На лице Федорчука отразилось замешательство, он явно тяготился присутствием старшего по званию.

– Нашли гильзу. Стреляли из обрезка. Причем с очень близкого расстояния. С какого именно, сказать пока трудно, но, думаю, с метра... может быть, с полутора. Смерть наступила мгновенно. В коридоре следы от обуви, немного песка, но отпечатков пальцев нигде не обнаружено. Уверен, здесь побывал человек, который умеет держать оружие и замечать следы.

Полковник посмотрел на диван. Совсем старенький, сейчас таких и не делают. Наверняка крепко послужил не одной паре влюбленных. И вот, выработав положенный ресурс, отправился на покой к вохровцам. Не исключено, что охрана до сих пор использует его по назначению.

Геннадий Васильевич невольно задержал взгляд на туф-

лях девушки. Они были ярко-красного цвета. Он невольно поймал себя на мысли, что этот цвет очень подходил к ее вороным волосам. И вообще, девушка смотрелась на диване очень кстати.

— А где пострадавший-то?

— Он в соседней комнате, товарищ полковник, — выступил вперед Абрамов. И, уже сочувствуя пострадавшему, добавил: — Его всего колотит, такое пережить не дай бог кому! На валерьянку он крепко подсел, флакон за флаконом глушит.

— Ладно, пойдем к нему, — развернулся полковник и краем глаза заметил на лицах присутствующих явное облегчение. Что поделаешь, он и сам был таким и не очень-то жаловал собственное начальство.

Помещение, где обнаружился пострадавший, было совсем крохотным, но вполне достаточным для того, чтобы поставить шкаф для одежды, небольшой квадратный столик и табурет. У окна на затертой лавке, сколоченной на скорую руку, сидел мужчина лет шестидесяти. Полный, с отвислыми щеками, под глазами огромные синяки, на скулах и бровях запекшаяся кровь.

За столом, опершись локтями, сидел опер и привычно, безо всяких интонаций, учинял допрос:

— Значит, вы говорите, что не видели, как они вошли?

— Не видел, — мужчина болезненно поморщился, было видно, что каждое слово ему дается не без труда, — я в это

время зашел в каптерку.

– А что вы там хотели? – беспристрастно спросил опер. – Разве положено во время охраны расхаживать по комнатам?

Крылов знал опера. Он был из районного отдела. Уже немолодой, лет сорока пяти, тот был отменным профессионалом и так въедался в дело, что своей цепкостью напоминал клеща. Странно было другое – почему он до сих пор ходил в майорах.

Мужичонка был слегка смущен.

– Ну, как вам сказать... Ведомство-то у нас не совсем военное... А тут шутка сказать – снайперские винтовки... Здесь все гражданские и дисциплины-то особой нет. Вот я и пошел из каптерки кофейку взять. А то ночь-то длинная, ко сну клонит. А тут с этой отравой как-то повеселее будет.

– И что же это получается? Вы кофе гоняете, а в это время у вас оружие тащат.

– Ну это не совсем так. – Мужчина выглядел обиженным. – При оружии у нас всегда кто-то остается. И в этой комнате мы находимся по очереди. Попасть в нее тоже непросто, сначала нужно войти в здание, а оно всегда закрыто. В него мы никого не пускаем, разве только своих. Потом нужно пройти через весь первый этаж, подняться по лестнице на второй. Здесь и находится помещение для хранения оружия.

– Эта комната у вас всегда закрыта?

Дядька вытер со щеки запекшуюся кровь, после чего рас-

тер ее в ладонях.

— Конечно же, по инструкции положено держать ее закрытой, — сказал он виновато. — Но в помещении все свои, закрываться как будто бы и не от кого. Поэтому, если говорить откровенно, мы не всегда так поступаем. Мы же друг друга часто подменяем, это все время открывать-закрывать. Ну и просто заглянуть, как говорится, словом перемолвиться.

— Ну конечно, как же без этого, — сочувственно проговорил майор. В его голосе прозвучал едва различимый холодный сарказм. Если бы допрашиваемый знал его поближе, то наверняка от услышанной фразы его обуял бы самый настоящий ужас. — Все мы люди и должны как-то расслабляться.

Крылов был уверен, что опер заметил его сразу, едва полковник перешагнул порог кабинета, но старательно делал вид, что не замечает стоящих в дверях людей.

Дальнейшее ожидание выглядело бы просто глупо.

— Полковник Крылов, — сдержанно представился Геннадий Васильевич, — дело забирает МУР, позвольте, я поговорю с потерпевшим.

Крылов с интересом наблюдал за тем, как поведет себя опер-клещ. И не без уважения отметил, что майор действовал очень достойно, безо всякой суеты в движениях. Всем своим видом давал понять, что подчиняется установленному порядку: аккуратно сложил разложенные на столе бумаги в белую папочку, помеченную какими-то замысловатыми знаками, и, не сказав ни слова, поднялся из-за стола.

Прогибаться майор не умел, и характер торчал в нем нестигаемым стержнем. Кто знает, может, в этом заключался главный секрет того, что он никогда не нацепит себе на погоны очередную звезду.

Уже у самой двери майор развернулся, вспомнив, что забыл на столе шариковую ручку. Полковник даже уловил на его не улыбочивом лице некоторое замешательство – а стоит ли возвращаться? Но вера в предрассудки оказалась в нем не столь крепкой – смахнув двумя пальцами ручку с шероховатой поверхности, он, не глядя на Крылова, сунул ее во внутренний карман пиджака и вышел, неслышно прикрыв за собой дверь.

Крылов устроился на тот же самый стул. За спиной, в шаге от него, стоял начальник охраны. Неловкости Крылов не ощущал, пускай себе стоит, если нравится.

Геннадий Васильевич никогда не задавал вопросов сразу, и совершенно не важно, что за личность перед ним – подозреваемый или обычный свидетель. Собеседник должен созреть для предстоящего разговора. А потому для начала можно затеять обыкновенную игру в гляделки и минут пять не говорить вовсе. Подобный прием действует даже на человека с очень устойчивой психикой, а что говорить о тех, у кого вся душа состоит из темных пятен.

Не каждый способен выдержать подобное испытание.

А разглядывать собеседника Геннадий Васильевич за двадцать пять лет службы научился, как никто другой. Причем

он умело делал вид, что его совсем не интересует человек, сидящий напротив, а его ответы он вынужден выслушивать лишь в силу служебной необходимости. Но на самом деле все было не так; он подмечал многое, если не сказать – все. Жесты, мимику, прислушивался даже к дыханию, следил за руками, которые были лучше всякого барометра, и, конечно же, следил за цветом кожи – у наиболее чувствительных натур на протяжении короткого разговора она может принимать едва ли не все цвета радуги.

Полковник достал портсигар, старенький, мельхиоровый, еще дедовский, с едва различимой гравированной надписью на потемневшей поверхности. Бабка подарила, в канун помолвки. Открыл. Сигареты лежали рядком, аккуратненько, как карандаши в ученическом пенале. Закуривать не стал – закрыл со щелчком. После чего небрежно скинул в наружный карман пиджака.

Мужчина сидел спокойно, даже равнодушно. Такие отрешенные лица можно встретить только у людей, стоящих в очереди или где-нибудь в общественном транспорте, терпеливо дожидаящихся своей остановки.

Да и собственную жизнь такие воспринимают философски, как некую переходную субстанцию из одного состояния в другое.

Уже через минуту Крылов понял, что заработать психологического капитала не удалось.

– Значит, вы и есть тот самый пострадавший? – бодро и

одновременно с сочувствием спросил полковник.

– Он самый и есть, – безрадостно протянул мужчина.

– Как вас... по имени-отчеству?

– Иван Степанович... Федосеев, – сдержанно, но с каким-то скрытым достоинством отозвался охранник.

– Давно вы здесь работаете?

– Давно... Уже лет восемь будет.

– Значит, вы здесь старожил?

– Пожалуй, что так... Да и по возрасту я здесь самый старший, они мне все в сыновья годятся. Я их так и называю, не обижаются. Все-таки от души говорю, а не для того, чтобы обидеть.

– Иван Степанович, расскажите, пожалуйста, поподробнее, что произошло сегодняшней ночью?

На грубоватом лице Федосеева проступили новые морщины: похоже, что подобное воспоминание было не из самых приятных в его жизни.

– Ну... В этот день все было как обычно, ничто такого не предвещало, – начал уныло охранник. – Я тут у нас за смену отвечаю и слежу, чтобы у меня во всем порядок был. – Кончики пальцев правой руки нервно забарабанили по поверхности стола. – Проверили все замки, печати. Позвонили в центр, сообщили, что все нормально. Потом я пошел к себе.

– Так, продолжайте, что было дальше?

– Вот в этой комнате все и произошло. Слышу – дверь открылась. Я думал, что это Семен. Он со мной о чем-то пого-

ворить хотел. Я поворачиваюсь и вижу, что в каптерку два человека входят, а в руках у них обрезы...

— Лица их рассмотрели?

— Да какой там рассмотреть, — махнул рукой Федосеев. — У них на головах шапки были, ну такие, что лица закрывают... Маски, в общем, только дырки для глаз.

— И что же было потом?

— Чего греха таить, струхнул я, — честно и виновато признался Иван Степанович. — Спрашиваю: что вам надо? А один из них, тот, что был повыше, неожиданно рассмеялся и говорит: «То, что нужно, уже забрали». И оружием в меня целит. — Дядька всплеснул руками и произнес: — Ну, поймите меня правильно, ну не железный же я, в конце-то концов! Думал, под себя сейчас схожу. Ничего, обошлось. Не опозорился... Тут второй из-за спины выходит и так по-простому спрашивает: ну что, мочить, что ли, его будем, как тех двоих? Я хочу спросить, что там с ребятами случилось, а не могу, чувствую, язык к небу пристал и отковырнуть его никак не получается. Тот, что повыше, отвечает: погоди, дескать, успеется...

Полковник насторожился:

— Он обращался к нему как-нибудь? Ну, скажем, называл его по имени, может, прозвище какое употребил?

Федосеев всерьез задумался: губы его напряженно сжались, отчего по щекам в разные стороны пошел веер морщин.

– Что-то не припоминаю... Кажется, они как-то друг к другу без личностей обращались. А может быть, я просто подзабыл, да и не думалось в то время ни о чем больше, как о собственной шкуре, – честно признался Иван Степанович.

– Ладно, продолжайте. Что было потом?

По разбитому лицу Федосеева было видно, что воспоминания ему даются не без труда. Он растер пальцами виски и продолжал так же безрадостно:

– Спрашивает меня: драгоценности, деньги есть? Я взмолился, говорю: да откуда же, сынки, у меня деньги? А потом, даже если бы и были, разве стал бы я их на работу таскать? А он мне хрясь прикладом в голову. Я и повалился на пол, думаю, пробил черепушку-то. В мозгах все гудит. По щекам кровь, – совсем уныло сообщил Иван Степанович. – Спрашиваю: за что же ты меня так уделал? А он мне с ехидцей так сообщает: дескать, ты меня не рожал, чтобы сынком называть. А если еще раз услышит, то я пулю схлопочу. Ну, я и заткнулся. А тут он у меня дальше спрашивает: «Если у тебя денег нет, то, может быть, у твоих напарников имеется?» Я отвечаю: так у них и спрашивайте, я-то здесь при чем? А второй как расхохочется, у меня даже кровь в жилах застыла. Говорит, что и спрашивать уже более не у кого. Дескать, они с простреленными черепами валяются... Я тут поднялся, думаю, сейчас меня совсем затопчут. А высокий тычет мне «стволом» в лицо и говорит: что-то ты задерживаешься с ответом. Может быть, тебе по другому уху ударить? Я и

говорю: откуда у них деньги-то, молодые еще, чтобы их нажить. А он мне как ткнет «стволом» в щеку. Я уже и не интересуюсь, за что. А он уточняет, с каким-то мелким смешком: это тебе, говорит, за твою остроту. Тут третий заходит...

– Какой он был из себя?

– Лица-то не видно, – пожал плечами охранник, – так же, как и все, в маске был. А так ничего особенного. Среднего росточка, не выше. Но когда заговорил, сразу стало ясно, что он у них за главного.

– И о чем же они разговаривали?

– Третий-то вошел и говорит: «Ну, чего базар затеяли, сейчас менты появиться могут, а нам еще оружие нужно перетасщить». А потом спрашивает: ну что, мочить его будешь? А тот, что повыше, говорит: «Ладно, хватит на сегодня парочки трупов, пускай живет», потом как даст мне только рукоятку, я и отлетел во-он в тот угол, – показал Федосеев глазами на шкаф. – Потом уже ничего не помню. Сознание, наверное, потерял. Очнулся, чувствую, что не могу пошевелиться. А они, оказывается, суки, мне руки и ноги связали. А в рот кляп воткнули, даже и не пойму, как я не задохнулся. Голова болит, кожу на лице неприятно стянуло. Ну, подполз я к зеркалу, – показал он взглядом на старое трюмо, стоящее рядом. – Приподнялся кое-как. Мать моя! Меня и не узнать. Все лицо в крови. Опух весь, словно после запоя. А потом слышу, по коридору шаги, ну, думаю, добивать идут. Дверь открывается, а тут милиция.

– И сколько же вы пролежали без сознания, можете сказать?

Иван Степанович задумался. К допросу он вообще подошел очень основательно и, прежде чем что-то произнести, выбирал каждое слово – подобное у свидетелей редкость. Чаще всего они засыпают ненужной информацией, откуда по крупинке следует выискивать то, что действительно может пригодиться для дальнейшего расследования.

– Я так думаю, что, наверное, часов пять-шесть. Тогда мне не до того было как-то размышлять. Но когда милиция пришла, уже ведь утро было. А заявились они где-то глубокой ночью.

– А подозрительного в самом начале дежурства вы ничего не заметили?

Федосеев пожал плечами:

– Все было как обычно... Спокойно так, кто бы мог подумать, что подобное может произойти.

– А выстрелы вы не слышали?

– Ни выстрелов, ни шагов, ничего не слышал! – убежденно проговорил Иван Степанович. – У нас дом знаете какой постройки? Девятнадцатый век! Здесь усадьба была какого-то графа. Стены во-от такие толстенные, – развел он руками. – Говорят, здесь при Берии в подвалах расстреливали. Так что слышимость нулевая.

Место и впрямь было мрачноватое, сразу за забором росли крепкие липы, и корявые длиннющие ветки воровато све-

шивались во двор. По всей окрестности росла крапива – признак цивилизации и запустения одновременно. Очень легко было представить, что лет двести назад где-то здесь молодой барин куролесил вместе с дворовыми барышнями.

Сейчас от бывшего дремучего леса остался всего лишь небольшой островок. Реликт. Но даже этот осколок природы давал представление о буйстве прежнего многоцветия. И, как напоминание о сегодняшнем дне, лишь иной раз через густую крону деревьев прорывались гудки проезжавших по магистрали автомобилей.

Полковник Крылов невольно посмотрел на стены. Да, подобный особняк создан для настоящего душегубства. Интересно, а дежуривших здесь вохровцев не мучили кошмары или, скажем, по ночам не блуждали тени сгинувших?

Геннадий Васильевич с трудом удержался, чтобы не задать такой вопрос.

– Да, стены здесь крепкие, – задумчиво поддакнул он. – А кто у вас выдает оружие?

– Я разводящий, ключи всегда при мне. А когда очнулся, их уже не было.

– Понятно. А может быть, вы накануне что-нибудь подозрительное заметили?

– Что именно? – непонимающе заморгал Федосеев и посмотрел на начальника охраны, теперь уже сидящего немного позади полковника.

Похоже, что за сегодняшний день Абрамов изрядно по-

дустал от общения с органами правосудия и теперь, оседлав стул, наслаждался отдыхом. Правую ногу он закинул на левую, короткие пальцы сцепил на выпуклом животе и с заметным любопытством рассматривал на высоком потолке проступившие на штукатурке мелкие трещинки.

– Ну, скажем, не заметили ли случайно каких-то подозрительных людей, которые отирались около вашей территории? Может быть, видели машину, которая не стояла здесь прежде?

Подумав, Федосеев убежденно отвечал:

– Обычно у меня память на такие вещи цепкая, но в эти дни все было как всегда.

– А вы, случаем, Валерий Петрович, ничего такого настораживающего не обнаружили? – неожиданно повернулся полковник к начальнику охраны.

Абрамов, услышав собственное имя, как-то рассеянно встрепенулся, а его лицо вновь приняло виноватое выражение.

– Ничего не заметил... Признаюсь, я даже как-то и не особенно смотрю по сторонам. У меня сейчас одна жизнь – с работы домой, из дома на работу. И все время на служебной машине.

– Очень жаль, – мгновенно отреагировал полковник. – У вас оружие пропало, и вы даже толком рассказать ничего не можете. Сколько, кстати, пропало винтовок?

– Десять пирамид, – обреченным тоном протянул началь-

ник охраны, – и еще полсотни пистолетов «ТТ».

Геннадий Васильевич невольно присвистнул:

– Таким арсеналом можно целый полк вооружить. А, кстати, где находится оружейная комната?

– Вы уже были там, она смежная, – смущенно произнес Абрамов, – это здесь, на втором этаже... Там Василий лежит.

– Понятно, – качнул головой полковник, догадавшись, что речь идет о покойнике. – Больше у меня к вам нет вопросов. Поправляйтесь. Я думаю, вы не будете возражать, если мы с вами еще как-нибудь побеседуем? – поднялся Геннадий Васильевич.

– Рад буду помочь, – откликнулся охранник. – Я все, что угодно, готов сделать, чтобы этих подонков отыскать.

– Вот и договорились, – произнес полковник, ухватившись за ручку двери.

Заелозил по дощатому полу стул – это запоздало поднялся со своего места начальник охраны.

Вернувшись, полковник обнаружил, что труп уже убрали, а то место, где он лежал, аккуратно обвели мелком. Не было даже крови, ее тщательно вытерли. Вот, собственно, и все, что напоминало о недавней трагедии.

Лицо капитана Федорчука выглядело оживленным, заметно повеселела и вороная практикантка. Вот что значит вынести из помещения труп! Оно и понятно, лежит здесь, понимаешь, в самом центре комнаты, а к нему притянуты все взгляды присутствующих, словно он тут главное действующее

щее лицо.

Наверняка Федорчук уже рассказал парочку нескромных анекдотов. Он на такое способен, еще тот тип. Женщинам такие нравятся – немного раскрепощенные, немного нахальные, немного с куражом. А в совокупности получается такая гремучая смесь, против которой ни одна баба не устоит.

Веселье с появлением полковника обломилось мгновенно. Девушка старательно уткнулась глазами в блокнот, как будто бы решила выучить наизусть все то, что успела записать. Таким же озабоченным выглядел и Малышев – похоже, что он тоже был не прочь продолжить непринужденную беседу. Крылова всегда удивляла способность молодых офицеров заводить романы, причем место и время суток здесь совершенно не имели значения – это могло произойти в управлении, во время следственного эксперимента и даже при опознании в морге. Молодость! Черт бы ее побрал...

Шугануть бы их, да вот как-то при даме неудобно.

– Оружейную комнату осмотрели? – обратился полковник к криминалисту.

– Так точно, товарищ полковник. Пусто, как в норе у церковной мыши. – И, уже добавив в голос должную серьезность, произнес: – Пирамиды вынесли чисто, очень аккуратно. Даже косяков не ободрали, видно, не торопились. Я тут очень тщательно посмотрел на наличие волосков и всего такого, может быть, клочки тканей, отпечатки пальцев. Ничего! Грамотно сработали.

Оружейная комната была спрятана за небольшой металлической дверью, располагавшейся в самом углу помещения, не без умысла, чтобы оружие не попадалось на глаза случайному человеку. Такую крепость гранатой не разворотить. Здесь же ящик для ключей, из такого же толстого металла. Все толково, с большим знанием дела.

Сейчас стальная дверь была раскрыта, всего лишь чуть-чуть. Желтоватым пятном на косяке выделялась плomba, сорвана грубо, без затей, и тонкий шпагат некрасивым хвостом прилип на крашеную поверхность.

Геннадий Васильевич широко отворил дверь, включил свет. В комнате не просторно, но вполне удобно, чтобы, не обтирая стену спиной, выдавать оружие. Даже здесь чувствовался глаз профессионала.

– Что вы обо всем этом думаете? – посмотрел полковник на Малышева.

– Сразу сказать что-то сложно, – честно признался оперуполномоченный. – Но чувствуется, что эту точку пасли уже давно. Это видно даже по тому, как быстро они сработали. Мне так представляется, что они получили заказ именно на это оружие. Снайперские винтовки стоят на черном рынке недешево. Скажем, одна винтовка с хорошим оптическим прицелом, пристрелянная, до пяти тысяч долларов. В каждой пирамиде десять винтовок. А таких пирамид здесь тоже было десять. Умножаем общую цифру на пять тысяч долларов, получается уже полмиллиона. А винтовок в десяти пи-

рамидах набирается немало. А если к этому добавить еще пять десятков пистолетов «ТТ», то грабителей теперь можно смело отнести к состоятельным людям.

– Не буду спорить, – мрачно согласился полковник. – Представляю, что будет, если это оружие неожиданно заговорит... причем все сразу!

– Печальная получается картина.

– Такую большую партию продать не так-то просто. Хорошо, если заказчик – оптовик! А если нет? Тогда продажа может затянуться на многие месяцы. А ведь его же нужно где-то хранить, прятать ото всех. Не такая это простая задача, хочу я вам сказать. Со своей стороны они должны продавать очень оперативно, потому что мы тоже не будем сидеть сложа руки. Мы станем наступать им на «хвост», они будут нервничать... Ладно, – неожиданно оборвал разговор полковник, – продолжим нашу беседу завтра. В девять ноль-ноль в моем кабинете, – и, не прощаясь, вышел.

* * *

Майор Латышев пребывал в прекрасном настроении. Сегодня утром он подал рапорт на увольнение и чувствовал себя почти гражданским человеком. Начальник отдела кадров – хмурый, малоразговорчивый полковник – с удивлением посмотрел на сияющего майора и сдержанно заметил, что через полгода должен появиться приказ о присвоении ему

очередного звания. А это некоторые радости жизни, связанные с новым назначением, а также существенная надбавка к пенсии.

Майор Латышев сделал над собой изрядное усилие, чтобы не расхохотаться над значительным тоном полковника. Он уже чувствовал себя состоятельным человеком, а потому мог отказаться не только от возможного повышения, но даже от пенсии. Три дня назад ему вручили обещанный аванс в сумме десяти тысяч долларов, и теперь он рассчитывал получить еще сорок. Возможно, кому-то эти деньги покажутся и небольшими, но ему, прожившему всю жизнь на сравнительно небольшом жалованье, полсотни тысяч «зеленых» казались едва ли не пиратским кладом.

Еще месяц назад жизнь на гражданке представлялась ему весьма унылой. Самое большее, на что он мог рассчитывать, так это устроиться куда-нибудь в охрану или вахтером в загнивающее НИИ и, вкушая мелкие радости, протянуть до гробовой доски. Но разве он мог предположить, что под конец службы судьба подбросит ему щедрый подарок?

С Мишей он познакомился лет пятнадцать тому назад, когда служил в Уральском округе. Денег катастрофически не хватало, и значительной прибавкой к довольствию служили патроны, которые он регулярно приносил со стрельбищ и сбывал местной братве. Миша Хвост был одним из его клиентов.

Миша Хвост тогда не был тем, кем сделался впослед-

ствии, — всего лишь обыкновенный баклан, каких в городе толкалась не одна сотня. Может быть, единственное качество, что отличало его от многих, — это неумная жажда власти, которая выпирала из него даже при самом коротком знакомстве.

Их приятельские отношения не оборвались и после того, как Латышева перевели в Московский округ. Временами они перезванивались, а немного позже Хвост и сам перебрался в Первопрестольную.

Неожиданно он заявился к Латышеву недели две назад и, не вдаваясь в подробности, заявил, что ему нужна большая партия «стволов». В последний год Латышев входил в группу, отвечающую за поставки стрелкового оружия в московские гарнизоны. И Хвост знал об этом.

Заметив на лице майора колебания, Хвост мягко, как порой умел это делать, и в то же время очень настойчиво стал его дожимать:

— Ты же там работаешь не один месяц. Знаешь всю эту кухню. Знаком со многими людьми, кто занимается «стволами». В твоём распоряжении все бланки, печати. К начальству ты тоже вхож. Любую бумагу подпишут!.. А потом, нас ведь связывают общие дела, разве ты забыл об этом?

Майор почувствовал, как на его плечи навалился пресс, который вжимал его в землю с каждым произнесенным словом. Еще пара коротеньких фраз, и Миша Хвост расплющит его, как подошва тяжелого ботинка неосторожную гусеницу.

– Нет, не забыл... Только чего уж так напоминать-то, – всерьез обиделся Латышев.

Майор вспомнил, что через три дня из Челябинска должны были прибыть снайперские винтовки и пистолеты «ТТ», и если к этому делу подойти творчески, то пункт назначения можно изменить. Скажем, загнать оружие куда-нибудь на плохо охраняемый объект, откуда оно вскорости должно исчезнуть.

– Ну, так что? – напирал Миша Хвост.

– У меня есть такая возможность, – наконец произнес майор. – С Урала как раз скоро отправится большая партия снайперских «стволов». До места назначения они не дойдут, я сделаю так, что их сгрузят в каком-нибудь ВОХРе. Мне достаточно сделать всего лишь парочку звонков. Но я бы хотел заработать... Мне скоро уходить в отставку, и я бы хотел начать новую жизнь.

– Сколько ты хочешь? – по-деловому осведомился Миша Хвост.

Майор Латышев сделал вид, что задумался очень глубоко.

– Мне нужно пятьдесят тысяч баксов!

Пришла очередь задуматься Хвосту. Он долго разглядывал перед собой пространство, давая понять, как нелегко дается ему решение, а потом выдохнул разом.

– Хорошо. Будут тебе пятьдесят «тонн» «зеленых».

– Десять штук мне нужно сейчас, – мягко проговорил майор, стараясь смотреть прямо в глаза Мише.

Хвост всегда был при деньгах и предпочитал затариваться валютой по самое горло. Иначе нельзя – следовало демонстрировать свою платежеспособность на катранах. Кроме того, он имел еще одну привычку – ненавязчиво так светить пачками долларов где-нибудь в павильонах казино. Так что десять тысяч баксов в его понимании воспринимались почти как карманные деньги.

Он уверенно сунул руку в карман и вытащил пачку долларов. От глаз Латышева не укрылась небольшая заминка, когда он принялся отсчитывать деньги. С нажитым добром Хвост всегда расставался очень нелегко.

– Держи, здесь десять тысяч долларов, – улыбнулся Миша. – Может, пересчитаешь?

Майор уверенно взял деньги и сунул их в карман. Его настроение значительно улучшилось.

– А нужно ли? Мы ведь с тобой партнеры.

Все прошло даже лучше, чем предполагал Латышев. Оружие было разгружено без проблем. Довольными остались все, но больше всех радовался молоденький старший лейтенант, который, сбросив с плеч груз ответственности, укатил восвояси. Правда, Миша Хвост позже обмолвился, что парень так и не доехал до пункта назначения, напившись, он, бедный, выпал из тамбура во время движения поезда. И Миша холодным взглядом смерил майора.

Даже это сообщение не испортило Латышеву настроения. Он уже наполовину был в новой жизни и до более в голове

напрягал извилины, как бы удачнее потратить заработанные капиталы.

Договорились встретиться в девять часов вечера в Измайловском лесопарке. Более раннее время Миша Хвост отклонил сразу как неудачное. Латышеву оставалось только бодро согласиться и надеяться, что спать сегодня он ляжет обеспеченным человеком.

Латышев нервно посмотрел на часы – было пять минут одиннадцатого. Вечерело. Кроны деревьев потяжелели и густыми тенями легли на траву. Помаявшись, Латышев сел на скамью. Парк был безлюден, только из зарослей, вдали от тропинок, изредка раздавался девичий смех – это уединялась молодежь.

Вдруг на аллею на тихой скорости вырулила карета «Скорой помощи». Остановилась она как раз напротив скамейки Латышева. Дверь распахнулась, и к нему вышел молодой парень в длинном белом халате и огромных очках.

– Вы не подскажете, вот там не тот мужчина с сердечным приступом? – взволнованным голосом спросил он.

Врач на «Скорой помощи» был молод. Скорее всего старшекурсник мединститута, решивший подзаработать. Крупная мускулистая фигура выдавала в нем бывшего спортсмена. Латышев повернулся в ту сторону, куда показал врач, и тут же почувствовал, как что-то холодное проникло под самые ребра, причинив ему невероятную боль. Он хотел вскрикнуть, но с ужасом обнаружил, что у него пропал голос

и сил хватает лишь на то, чтобы открыть рот.

– Гражданин, что же с вами? – участливо спросил «доктор» и, подхватив его под руку, повел к машине.

Из салона выскочил санитар – такой же молодой и плотный. Он бережно ухватил Латышева за талию. Майор сделал всего лишь три коротеньких шага и отчетливо осознал, что большего ему не суждено. Глаза его закатились, а освободившаяся душа легко выпорхнула из маленькой ранки на груди.

Уложив мертвого Латышева на носилки, Квадрат вытащил мобильный телефон. Набрал номер, коротко произнес:

– Больного будем перевозить в стационар.

– Хорошо, – ответила трубка голосом Миши Хвоста, – и сделайте так, чтобы его не тревожили. Пусть себе отдыхает спокойно.

– Мы так и сделаем. Уже палату подготовили. Может быть, не очень просторная, но зато очень удобная.

– Я рад за него, – прозвучал насмешливый голос. – Лосю от меня привет, – и тотчас раздались короткие гудки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«КРОТ»

Глава 6

ДОМАШНЕЕ ПОРНО – ЭТО НЕЧТО!

С недавних пор Миша Хвост пристрастился к домашнему порно. Одно дело просматривать клубничку западной секс-индустрии, где в камеру таращатся телки с силиконовыми грудями, и совсем другое – барышни свои, родные, с которыми накануне вечером сидел в ресторане. Надо отдать должное – смотрятся они на экранах телевизоров куда более предпочтительно, чем все эти жеманные красотки с ягодицами, красными от усиленных щипков. Даже рычат куда натуральнее, чем все эти порнодивы, с их неизменным: «Дас ист фантастишь!»

Большинство женщин Миши Хвоста не догадывались о его тайном увлечении и вели себя очень естественно, стараясь не только получить удовольствие, но и доставить радость мужчине. А потому он не без интереса наблюдал за их лицами, которые неоднократно менялись всего лишь в течение нескольких минут.

Кроме искусной подсветки, здесь нужен был звук, способ-

ный донести до слушателя малейший стон и уловить даже едва заметное шевеление губ. Подобная аппаратура стоила недешево, но когда Миша Хвост вмонтировал динамики по всем углам комнаты, то не пожалел о своем приобретении. Слушать такую акустику было приятно, она обладала массой спецэффектов и умело оттеняла даже малейшие интонации голоса.

В минуты благодушного настроения он любил показывать приятелям наиболее полюбившиеся кассеты, и те, вкушая под водочку любительскую клубничку, грозились завести нечто похожее.

Сейчас Миша Хвост просматривал пленку, которую записал два дня назад. С этой девушкой он познакомился в «Поплавке». Внешне она выглядела лет на восемнадцать – эдакое домашнее растение, выпестованное любящими мамой и папой. Но на самом деле ей было двадцать два года, и она понимала толк не только в выпивке, но и в контрацептивах. Поначалу Миша решил, что это всего лишь одна из дорогих проституток, спешащих снять в ресторане фирмача, но потом выяснилось, что его предположение оказалось ошибочным. Девушка оказалась весьма самостоятельной особой и уже пять лет проживала в Штатах, работая в одном из крупных коммерческих банков. Уже полгода была замужем и в Москву приехала, чтобы навестить родителей.

Их сближение произошло быстро и совсем неожиданно для самого Миши. Ему достаточно было угостить ее двумя

бутылками французского шампанского, чтобы уговорить посетить его холостяцкую квартиру, здесь же, на набережной. И когда они остались вдвоем, Миша Хвост отомстил Америке (в лице ее мужа, наставив ему рога) за все те большие и малые обиды, что та нанесла России в последнее время.

Похоже, что девушка осталась удовлетворенной и стонала так, как будто намеревалась разродиться. Кто бы мог подумать, что в столь изящном и ухоженном тельце может скрываться такая нешуточная страсть.

Свою очередную победу Хвост отнес на счет собственного сексуального магнетизма, не поддаваясь которому могли разве что выжившие из ума старухи.

Кажется, эта поза называется «наездница». Девушка то замирала на нем, изогнув спину, а то вдруг принималась скакать, как будто бы и в самом деле объезжала необузданного племенного жеребчика.

Задребезжал телефон, заставив Мишу отвлечься от приятных воспоминаний.

– Слушаю, – поднял он трубку, продолжая наблюдать за экраном.

Странное дело, со стороны ситуация видится совершенно по-другому, да и чувства наблюдателя значительно отличаются от тех, что он испытал в действительности. Это совсем иная плоскость переживаний, и в личные ощущения смелые картинки добавляли немало свежих красок и полутонов.

– Все прошло отлично, – раздался звонкий голос, – как

ты и предполагал.

С экрана Миша Хвост смотрелся неплохо. Культуристом, конечно, не назовешь, но тело подтянутое, в тонусе. Его можно было запросто принять за тридцатилетнего ухаря, если бы не кустик седых волос на груди.

– Ты где?

– Я здесь, у твоего подъезда.

– По мобильному звонишь?

– Да. Мне зайти?

– Заходи. Расскажешь.

Подсветка, установленная у самого потолка, ровно падала на плечи и спину девушки, отчего ее фигура, и без того идеальная, приобретала еще большую утонченность и какой-то аристократизм. Такую натуру художники минувшего столетия любили изображать на фоне цветущего луга или в качестве амазонки, оседлавшей крутобокого буйвола, – сила и хрупкость всегда соседствуют.

Раздалась заливиистая трель звонка, гость был у порога. Миша Хвост нажал на кнопку пульта – изображение мгновенно пропало. Он никогда не открывал дверь сразу, а предпочитал рассматривать гостя изнутри – простое, но очень эффективное средство, чтобы не получить пулю в голову.

В окуляре видеоглазка предстала фигура Олега Гришина. Парень как будто стеснялся своего немалого роста и невероятно сутулился, отчего и получил погоняло Оглобля.

Хвост неспешно отомкнул замок и, отступив на шаг в сто-

рону, пропустил ночного гостя.

– Проходи.

Он цепко проследил за тем, как Оглобля скидывает туфли, как неловко идет по мягкому ковровину. Длинные и широкие стопы, очень напоминающие лапти, утопали в густом ворсе. В окружении роскоши Оглобля смотрелся так же неуместно, как пожарная каланча среди элитного жилья.

– Ну, что скажешь? – спросил Миша Хвост, плюхаясь в мягкое кресло.

Он обратил внимание на то, что Оглобля сел только после того, как сам Хвост удобно устроил свою задницу в европейской роскоши, непринужденно откинувшись на широкую спинку. Уважает.

– Все в ажуре! Оружие прибыло и уже на месте. Можно будет и забирать. Чуток оглядимся.

– Некогда нам оглядываться. Дело не ждет.

– Ну, как скажешь...

– Ладно, завтра покажешь мне, где оно лежит, и еще раз предупредишь этого фирмача, к которому мы его определим на склад. Да смотри за ним в оба. Ничего-ничего, – погасил Хвост поднятием руки писк Оглобли. – Лучше перебдить, чем недобдить. В общем, скажешь ему, если не хочет остаться без башки, пусть не вякает. Сколько там?

– Как ты и говорил, вроде сотня. Еще пять десятков «ТТ».

– Я же говорил, «волыны» брать не будем! – стукнул ладонью о подлокотник Миша Хвост.

– Это ты напрасно, Миша, – обиделся Оглобля. – Тоже ведь деньги, их с ходу можно по пятьсот баксов за штуку сплавить. А если с умом подойти, так и за полторы тысячи вальнуть можно будет.

– Я тебе говорю, что все эти «стволы» меченые, а через них и на нас могут выйти. Тут такие деньги на кон поставлены, а ты мне о каких-то копейках говоришь, – всерьез разнервничался Хвост.

Миша редко волновался. Он был из той породы людей, которых вообще трудно вывести из равновесия. Эдакая скала, стоящая на берегу моря. Оно себе бушует, волнуется, разбивается о каменную твердь, брызжет во все стороны соленой водой, а скала хоть бы что, по-прежнему, как и многие тысячи лет назад, подпирает базальтовой макушкой тяжелые небесные своды.

Смотрящий раскипятился не случайно, значит, за этой операцией стоят куда большие дела, чем он предполагал. Миша Хвост – птица большого полета и просто так взвинчиваться не станет.

– Поостынь, ничего страшного еще не произошло...

Миша Хвост неожиданно вновь стал прежним. Минуту назад Оглобле показалось, что скала дала трещину, но вот она возвышается, как и раньше.

– Если по твоей вине дело запалится, – очень спокойно произнес Хвост, – я тебя самолично задавлю. Ты меня понял?

Гришин невольно проглотил спазм, сдавивший горло. В его кругу избегают угроз, но уж если угроза все же озвучена, то приобретает почти материальное воплощение. Оглобля не сомневался, что так оно и будет.

– Понял, – не без труда выдавил он. И уже с некоторой улыбкой, стараясь смягчить ситуацию, добавил: – Я тебе сам веревку принесу.

Хвост взял трубку телефона, набрал номер и, когда раздалось короткое «да», негромко произнес:

– Все идет по плану, – и, дождавшись ответа, положил трубку.

Глава 7

ВЕРСИЯ ПРОСТАЯ – ОГРАБЛЕНИЕ С ЦЕЛЬЮ НАЖИВЫ

Ровно в девять полковник Крылов начал совещание. Кроме него, в кабинете сидели еще трое: майор Усольцев, который считался специалистом по раскрытию убийств, старший опер Малышев и капитан Шибанов, недавно переведенный из районного отделения. Группа собралась сильная, и Геннадий Васильевич вправе был рассчитывать на успех.

Полковник Крылов сидел в жестком кожаном кресле, опершись локтями о стол. К сегодняшнему утру каждый из присутствующих должен был подготовить свою версию случившегося.

– Давайте начнем с вас, майор, – посмотрел полковник в сторону Виктора Малышева.

Старший оперуполномоченный охотно кивнул. Он открыл папку, лежавшую перед ним, и, перевернув бумагу, заговорил:

– Версия у меня простая: ограбление произошло с целью наживы. Все-таки сотня снайперских винтовок. По нынешним ценам, это очень немаленькие деньги. Меня даже немного удивляет, почему это место не ограбили раньше. Во-первых, оно находится в отдалении от основных маги-

стралей, во-вторых, не так уж надежно защищено. Здесь требовалось всего лишь несколько дерзких хлопчиков. А они, как это часто случается, отыскиались. У меня даже есть предположение, кто это мог сделать, – смело посмотрел он на полковника.

– Так, любопытно, – ненавязчиво подбодрил полковник, – продолжайте.

– В этом районе работает группировка некоего Карася. – Геннадий Васильевич понимающе качнул головой. – Полгода назад он вышел из мест заключения, и сейчас его группировка стремительно набирает вес.

– За что он сидел?

– За незаконное ношение оружия, – мгновенно доложил Малышев. – Появился на стрелке с «вальтером», вот мы его и сцапали. Просидел три года. Но за то время, пока он находился на зоне, его бригада почти распалась: часть людей перешла под солнцевских, другая – ушла под казанских, а те немногие, что остались, уже не могли удержать прежние точки. Например, у них отняли три крупных автостоянки, десятка два коммерческих киосков. Под его «крышей» было два ресторана и один автосервис. И вот сейчас они пытаются вернуть себе старое. Надо отдать ему должное, его группа значительно увеличилась, часть рекрутов он набрал из Ярославля, откуда сам родом, а другие доморощенные. Рестораны и автосервис ему удалось отвоевать. Остались киоски... С финансовой точки зрения, это не так уж и много, но здесь

дело принципа: если они этого не сделают, то их просто перестанут уважать.

– А под чьей «крышей» находятся эти киоски? – заинтересовался полковник. Версия была неплохая и вполне имела право на жизнь.

– Киоски отжала орехово-зуюевская бригада. Совсем не исключено, что Карась надумал с ними разобраться.

Полковник грузно откинулся на спинку кресла.

– Сто винтовок, не считая пистолетов... А не слишком ли это много, даже для самых активных действий? Ладно, майор, у вас есть еще что-нибудь добавить?

Малышев слегка пожал плечами:

– В общих чертах как будто бы все, – и аккуратно закрыл папочку.

С минуту полковник Крылов молчал, думая о чем-то своем. Его паузу с трудом переносили не только подследственные, но и те, кто постоянно находился рядом. Однако ничего не сделаешь, приходилось терпеть.

– Теперь давайте вы, Усольцев. Какие-нибудь свежие соображения имеются?

– У меня версия другого плана... Я не думаю, что на подобное мог рискнуть кто-то из своих. Есть такая пословица, что волк не режет овец вблизи своей норы... Скорее всего здесь тот же самый случай. Я тут поговорил со своим источником, так он высказался, что ограбление произошло, чтобы навести нас на банду Карася, чтобы мы, так сказать, завер-

шили его разгром.

– Идея понятна. И кто, по-вашему, способен на такую дерзость?

– Под это дело больше подходят таганские ребята, – оживился Усольцев. – По моим оперативным данным, у Караса с ними наблюдаются кое-какие трения. Я знаю, что обе эти группировки контролируют рестораны «Волга» и «Юность».

– Под их «крышей» находится еще и ювелирный магазин «Сапфир», – между прочим заметил полковник.

Присутствующие уже давно не удивлялись осведомленности Крылова. Его память напоминала копилку, куда складывались все уголовные дела, что прошли через его руки. При чем эта копилка в любую минуту могла выдать сочный пример из, казалось бы, уже запылившегося прошлого.

– Верно, – невольно согласился Усольцев. – Так вот, когда мы заинтересуемся Карасем, таганские сумеют подмять под себя его группировку и станут единолично контролировать прибыльные места. – На столе перед майором лежало несколько листочков, он вытащил один из них и, подняв голову, продолжал так же сдержанно: – Я тут примерно прикинул, сколько они будут иметь только с трех точек... Цифра оказалась внушительной, около одного миллиона.

– Да, не мало, – согласился полковник, нервно забарабанив карандашом по столу. – Ну, а вы что можете предложить? – остановил Крылов взгляд на капитане Шибанове.

В отличие от присутствующих капитан ощущал нелов-

кость. Сидел на самом краешке стула, как девушка на смотринах, и очень завидовал старшему оперу Малышеву, который, как видно, успел пообтереться в начальственных стенах и даже покачивал ногой в такт какой-то мелодии.

– Мне думается, что это ограбление не обошлось без участия вохровцев. Я тут поговорил с этим стариком, мне показалось, что он чего-то недоговаривает. Не исключено, что в ограблении были замешаны убитые охранники... Возможно, с ними не захотели делиться и поэтому решили убрать, – доложил капитан.

– Так, ясно. Все высказанные версии вполне могут быть реальными. Что я думаю по этому поводу... Ситуация очень непростая и довольно запутанная, – произнес полковник Крылов. – Сразу в ней не разобраться. Но чем больше я думаю об этом деле, тем более странным нахожу его. Во-первых, как им удалось проникнуть в охраняемое помещение? Лично я напрочь отвергаю возможность, что преступники стояли под дверьми и терпеливо подбирали отмычки. Хотя бы потому, что каждая дверь имеет по три крепких замка. Какой бы квалификации ни был домушник, ему потребуется на это немало времени. Не говоря уже о том, что их просто могли засечь видеокамеры... Во-вторых, кроме обыкновенных замков, имелись запоры, которыми дверь была заперта изнутри... Следовательно, логичнее предположить, что двери были открыты очень быстро. Настолько быстро, что охрана не успела переполошиться и хоть как-то отреагировать

на вторжение... Не правда ли, странно? – добавил Геннадий Васильевич после некоторой паузы. Нужно было отдать ему должное, все эти его интервалы в диалоге только усиливали сказанное. Собравшимся ничего не оставалось, как сдержанно согласиться. – Если вникнуть во все это поглубже, то покажется странной такая вещь: ограбление произошло между двумя и тремя часами ночи. Как раз после того, как охрана связалась с милицией и сообщила, что у них все в порядке. В запасе у них оставался ровно час, чтобы погрузить пирамиды, и они использовали его сполна. Милиция, как мы знаем, забеспокоилась только после того, как вохровцы не вышли на связь в установленное время. Впрочем, их тоже можно понять, они думали, что была нарушена связь, в наше время это дело обыкновенное. Поломку на линии можно было бы списать на случайность, но, как мы знаем из собственного опыта, такое происходит крайне редко. Все это наводит на мысль, что среди охраны у преступников был сообщник. Не исключаю, что их было даже двое. – Геннадий Васильевич посмотрел на капитана, который продолжал сидеть на самом краешке стула. – Мне легко предположить, что сообщниками были даже оба убитых охранника... подобные случаи встречались в нашей практике... Грабители просто не желали делиться возможным наваром. А третьего им было убивать просто ни к чему. Он не видел их лиц, не мог опознать их, не влезал к ним в долю и вел себя, по их мнению, очень благоразумно – не сопротивлялся, отдал ключи. Так что все

это очень походит на правду. Я тут начертил кое-какие схемы. – Полковник вытащил несколько листочков. – Судя по следам в коридоре, которые удалось обнаружить криминалистам, – указал он заточенным карандашом на стрелочки, – преступники шли точно к комнате с оружием, не тратя время на поиски. Следовательно, их кто-то вел... Снаружи, очевидно, их ожидала машина, они погрузили в нее оружие и скрылись. Опять-таки никем не замеченные.

– Но здесь может быть и другой вариант, товарищ полковник: не исключено, что информацию об оружии преступники получили от какого-нибудь родственника из охраны. Соответственно, тот мог передать им и план здания. Его также могли впустить в помещение как своего, а он, в свою очередь, мог принимать участие в ограблении, – сдержанно высказался Шибанов.

– Как бы там ни было, но круг подозреваемых очень широк. И ясно одно: что ограбление не было случайным и произошло оно не без ведома людей, которые работали в охране. Какой там штат? – посмотрел Геннадий Васильевич на капитана.

– Восемнадцать человек.

– Немало! – согласился полковник, и карандаш вновь забарабанил по столу. – К этой цифре нужно прибавить еще и тех, кто работал там не так давно, и еще присовокупить их родственников. Кстати, вы считали, сколько человек уволилось за последние полгода?

– Шестеро, – уверенно отвечал Малышев. – Двое из них остались в Москве, а остальные перебрались в пригороды. Можно будет допросить.

– Сделайте это, – настоял полковник, – но так, чтобы все было проделано очень мягко. Безо всяких там кавалерийских наскоков, – строго посмотрел Крылов на Усольцева. – А то надоело мне жалобы читать.

– Все будет в порядке, Геннадий Васильевич, – пряча улыбку, пообещал майор. Он прекрасно знал, о чем идет речь. Неделью назад под видом братка он с двумя оперативниками выезжал на стрелку. А когда им воткнули в бок «стволы», пришлось тряхнуть служебным удостоверением и последующие полчаса в глухом дворике учить наглецов светским манерам.

После профилактических бесед братва обычно не строчит заявление в суд, предпочитая не связываться с милицией, что означает «жить по понятиям». Но в этот раз действие пошло вопреки привычному сценарию. Усольцев со своей стороны тоже предпринял контраргумент, сбросив информацию о том, что быки решили уладить дело законопослушным путем, что вряд ли послужит укреплению их авторитета.

– Сделаю, – энергично кивнул Усольцев.

– Следует отработать еще один вопрос. Каким это образом настоящее боевое оружие оказалось не в воинской части, а в самом обыкновенном отделении ВОХРа? Причем в таком, где его не сложно грабануть. Вы установили, кто до-

ставил оружие?

– Так точно, товарищ полковник, – отозвался Шибанов. И мысленно поблагодарил себя за интуицию. Вчера вечером он связался со штабом Уральского военного округа и узнал, что предписание отвезти оружие в Балашиху было у старшего лейтенанта Блюме. По телефону Блюме доложил в округ, что целую неделю ждал на запасных путях, потом появился какой-то майор, показал соответствующие документы и сказал, что теперь он отвечает за оружие и что его нужно переправить в какое-то отделение ВОХРа. С тех пор известий о старшем лейтенанте Блюме в штабе округа не было.

– Ну и что, ни лейтенанта, ни майора не нашли?

– Ищем, товарищ полковник, моя группа как раз занимается этим. Но думается, что отыскать их будет не так-то просто... Я тут посмотрел документы и обнаружил, что все они являются искусной фальшивкой. А подписи подделаны тоже очень грамотно. Очевидно, человек, составлявший бумаги, был хорошо знаком с такого рода документами и имел доступ к бланкам.

– Что-то уж очень закручено, – сдержанно высказался полковник.

– Так ты говоришь, что этот неизвестный майор из Московского военного округа? – обратился Малышев к капитану Шибанову.

– Именно так.

– Тут такое дело получилось, – продолжил майор дальше,

обращаясь к Крылову. – Позавчера поступило заявление от некой гражданки Латышевой. Она утверждает, что ее муж три дня назад ушел на службу и до сих пор домой не явился. Мы не стали поднимать тревогу, пытались ее убедить, что, может быть, загулял где-нибудь, намекали, что, может, у подруги. Но она стоит на своем и уверена, что если бы он где-то задержался или неожиданно уехал бы в командировку, то обязательно поставил бы ее в известность, потому что так поступал всегда. А тут ушел и как в воду канул!

– Может быть, так оно в действительности и есть, – задумчиво протянул полковник. – А как фамилия того майора, что оприходовал оружие?

Григорий открыл папку.

– Я тут на всякий случай снял копии, там должна быть его фамилия, – пролистал две бумаги и произнес: – Ага, нашел... Майор Латышев. Все сходится, товарищ полковник!

– Думаю, что больше этого майора, да и лейтенанта тоже, мы никогда не увидим. Во всяком случае, живыми, – поправился полковник. – Нужно обладать немалым влиянием, чтобы отправить оружие туда, где оно не должно быть. Следовательно, нам противостоят очень серьезные люди, прошу не забывать этого, – мягко предупредил Крылов. – Итак, к чему мы пришли? Версий много, а результатов пока никаких. И думается мне, что майор не последний покойник в этом деле.

– Товарищ полковник, а что, если нам в ВОХР устроить

своего человека? – осмелел капитан. – Мы разрабатывали бы свои версии, как бы извне, а он бы присматривался ко всем, кто там работает.

Полковник Крылов задумался. Со временем из Шибанова вырастет очень серьезный профессионал. Любую идею парень буквально схватывает на лету. Крылову нравилось и то, как держался капитан в его присутствии – слегка раскрепощенно и одновременно с подчеркнутым уважением. С каждой минутой, проведенной в кабинете начальника, он все больше осваивался и теперь сидел в кресле так, как будто провел в нем половину жизни. Так, глядишь, лет через десять и на его место переберется.

У них никогда не заходил разговор по поводу прежнего места службы Шибанова, но он видел, что парень не жалел о переводе, потому что буквально жил работой. А потом, на Петровке все-таки перспективы, льстящие мужскому честолюбию. К примеру, кем бы Шибанов стал в своем районе? Самое большее, на что он мог рассчитывать, так это перед самой пенсией получить должность начальника отдела.

– Идея красивая. Не скрою. Она мне по душе. Не мешало бы прощупать это гнездышко. Не такая уж там тишь да благодать, как кажется на первый взгляд. Но кого можно туда внедрить? Человек для такого дела должен иметь авантюрный характер. А у нас... К сожалению, люди в основном серьезные, даже очень. А у вас, капитан, случайно не отыщется такой человек... с куражом?

Григорий невольно улыбнулся:

– Отыщется, товарищ полковник. Лучшей кандидатуры, чем он, и не сыскать.

– Где он работает в нашей системе? – взял полковник карандаш. – Давайте его координаты.

– Он работает в МУРе, был переведен из Воркуты около года назад.

– Вот как. – Крылов отодвинул лист чистой бумаги. – Как его фамилия?

– Старший лейтенант Маркелов.

– Хм... Наслышан о нем. Ведь у него грешок есть. И не один, кажется. – Геннадий Васильевич выглядел озабоченным.

Задумчивость Крылова капитан расценил по-своему.

– Я знаю его очень давно... Можно сказать, с детства. Ведь я сам из Воркуты. Защищал его от всякой шпаны, он меня немного младше... В общем, я могу за него поручиться. – Капитан смело посмотрел в глаза полковнику.

– Да не в этом дело, Гриша, – отмахнулся Крылов. – Просто сейчас его нет в Москве. Неделю назад я ему подписал заявление на отпуск. Может быть, есть какие-то другие кандидаты?

– Товарищ полковник, он лучший! – неожиданно запротестовал капитан. – Он как никто подходит для этого дела. Я бы даже сказал, что он артист!

– А артист-то откуда? – хмыкнул полковник.

Продолжение разговора он воспринял как веселую передышку, когда можно расслабиться.

— Дело в том, что он поступал в Щукинское училище и с блеском прошел оба тура. Остался последний, но он с друзьями на радостях отметил свою победу и заключительный экзамен просто проспал.

Полковник расхохотался:

— Чего только не узнаешь о своих подчиненных. Ладно, придется вызывать его из отпуска. Но вы-то хоть примерно знаете, где он может быть?

Капитан на минуту задумался.

— Примерно знаю. Я его попытаюсь разыскать через...

— У нас совершенно нет времени. Завтра, в крайнем случае послезавтра он должен быть в моем кабинете и сидеть вот на этом стуле. — Геннадий Васильевич старался говорить спокойно, но голос неожиданно поглубел, и к нему добавились властные нотки. — Хочу сказать, что это дело находится под контролем самого министра. Знаете, какой вопрос он мне задал, когда я доложил ему о похищении оружия? — Присутствующие молчали. Никто не смотрел полковнику в глаза. — Так вот. На кого могут быть направлены эти снайперские винтовки? На тех людей, которых вблизи не достанешь. Вы понимаете мой намек? И чем раньше мы отыщем эти винтовки, тем меньше будет неприятностей у нас с вами. Все свободны, господа офицеры.

Сыщики поднялись и один за другим вышли из кабинета.

Оставшись в одиночестве, полковник еще раз просмотрел чертежи здания ВОХРа. На плане стрелками было отмечено движение группы. Он мысленно проследил их путь, воскрешая в памяти коридоры. У лестницы преступники ненадолго остановились, здесь эксперты обнаружили значительное количество песка, во всяком случае, его было больше, чем в других помещениях. Возможно, они даже о чем-то спорили и на ходу вырабатывали дальнейший план действий. Крылов даже вспомнил шероховатость стен, окрашенных в светло-зеленый цвет. Взошли на второй этаж и вошли в комнату.

Крылов воспроизвел в памяти простреленный висок второго охранника. Странно все это – преступники находятся в здании уже не менее пяти минут, а охрана продолжает пребывать в полном неведении и смотрит по телевизору какую-то мелодраму.

Полковник уложил в папку чертежи и нажал на кнопку селектора.

– Майор Гаврилов?

– Да, товарищ полковник, – раздался в ответ глуховатый голос.

– Принесите мне дело старшего лейтенанта Маркелова.

– Слушаюсь, товарищ полковник.

Глава 8

ЖЕНЩИНЫ ЛЮБЯТ ГУСАРОВ

– Знаешь, Захар, у меня есть мечта. Проехаться по всем ресторанам Москвы и отведать всюду фирменное блюдо. Представляешь, какое это будет ощущение! – восторженно щебетала Инна.

Захар проехал «Балчуг» и свернул на Раушскую набережную, откуда, не доезжая до Устьинского моста, юркнул в крохотный переулок, заставленный дорогими иномарками. Приходилось быть настоящим виртуозом, чтобы отыскать место среди этого парада роскоши.

В этот ресторан он навещался нечасто. И совсем не потому, что терпеть не мог кожаных кресел, живой музыки и ненавязчивого стриптиза, а оттого, что даже самый легкий обед обходился в половину его месячного жалованья. Но сегодня случай особый: во-первых, он уже несколько дней в отпуске, а во-вторых, он был не один, и последний довод был весьма решающим. Следовало показать себя с наилучшей стороны – эдаким романтическим кутилой, способным выстлать ковер из стодолларовых купюр под ноги любимой женщины.

Женщины любят гусаров, особенно таких, что способны ради бахвальства вымыть шампанским собственных лошадей, и Захар старался соответствовать. Деньгами он распо-

ряжался так, как будто бы не знал им счета, и за скромный ужин в ресторане мог запросто отблагодарить угодливого официанта пятидесятидолларовой бумажкой.

Подобная роль транжиры и любимца фортуны ему нравилась все больше. Захар чувствовал, что еще несколько дней куража, и роль засосет его так же крепко, как трясина кабана, неожиданно выскочившего на самую топь.

Боулинг, стриптизы, ночные клубы – это не его игровое поле. Его – это дешевая пельменная с бокалом пенящегося пива. Но он старался держаться так, как будто бы родился богачом и кутилой.

И, что самое удивительное, Захару верили все: швейцары, что стояли в дверях и думали, будто бы он имеет глубокие карманы, до самого дна набитые всякой «безделицей», начиная от изумрудов и заканчивая шлиховым золотом; официанты, знавшие, что он не даст на чай меньше десяти долларов; и, конечно же, проститутки, предполагающие, что, кроме сказочной ночи, он способен подарить им и норковое манто.

Можно представить, как все они будут разочарованы, если узнают, что, кроме гонора и манеры пренахально вести себя, в кармане у него побрякивают последние пятаки, оставшиеся от недавно полученных отпускных. Швейцары не стали бы распахивать перед ним двери столь широко, а «ночные бабочки» не навязывали бы целый комплекс услуг, от которых у простого смертного голова идет кругом.

– Ощущение будет незабываемое, – охотно согласился Захар, отворяя дверцу «Мицубиси Галант». Машина не самая рядовая, на кожаных сиденьях такого автомобиля не стыдно разложить понравившуюся телку. Несложно представить, как она запищит от удовольствия и восторга, когда ее придавит породистый самец. – Обещаю тебе.

– Очень надеюсь, – выпорхнула из машины Инна.

Секретов у Захара было неимоверное количество, и один из них – происхождение тачки. Своих приятелей он уверял в том, что новенький автомобиль ему достался по случаю и практически бесплатно. Он и сам уже почти уверовал в собственную легенду. Но действительность выглядела намного прозаичнее – его двоюродный брат на год уехал на стажировку в Штаты и попросил Захара присматривать за машиной. Вряд ли он отважился бы на подобный поступок, если бы знал, что родственник примется эксплуатировать машину нещадно, а по субботам и воскресеньям станет выезжать на ней в заповедные кущи, чтобы дивить дам своей неистощимой потенцией.

Главное для Захара было не попасть в аварию и не ободрать дверцы на ночных стоянках, что, в свою очередь, может увеличить непредвиденные расходы. И, несмотря на свою раскрепощенную манеру езды, с машиной он все-таки обращался бережно.

В таком автомобиле не стыдно подъехать к любому ресторану. Возможно, среднее сословие, где-нибудь в Запад-

ной Европе, воспринимает машину такого класса как ширпотреб, но для неизбалованного россиянина она выглядит очень цивильно.

Звонко сработала сигнализация, застопорив четыре замка. Инна, взяв Захара под руку, уверенно направилась на свет ресторанных огней.

Высокий парень в черном костюме с алой бабочкой на шее радушно распахнул перед гостями дверь, заученно добавив:
– Добро пожаловать в наш ресторан!

Мышцы его лица привычно напряглись в дежурной улыбке. Охотно верилось, что гостям он несказанно рад.

– Выбирай все, что хочешь. – Захар протянул Инне меню.

Маркелов старался не вертеть головой, разглядывая разодетую публику, не пялиться на дорогой интерьер и вообще делал все, чтобы доказать девушке, что последние полгода провел за ресторанными столиками. Хотя, если подумать, удивляться было чему. Он не был здесь всего лишь неделю, а обстановка в ресторане изменилась до неузнаваемости. Похоже, что в этом заведении своеобразный стиль – менять интерьер хотя бы раз в десять дней. Что ж, очень неплохо задумано. Разумеется, занятие недешевое, но, видно, окупается с лихвой.

– Я буду есть все, что ты закажешь, – радостно воскликнула Инна.

– Сегодня здесь французская кухня. Мне бы не хотелось навязывать свои пристрастия.

Инна взяла меню и принялась пристально вчитываться.

– Ой, какие незнакомые названия. А если мне это не понравится и я не смогу съесть? – капризно поморщила она носик. – Я бы хотела что-нибудь знакомое.

Захар невольно улыбнулся:

– Французская кухня считается одной из лучших в мире... Пожалуй, еще китайская. Ладно, давай я попробую. Значит, говоришь, из того, что уже пробовала?

Инна неопределенно повела плечом:

– Ну, разве что для начала.

Подошел официант, слегка наклонившись над столом, он сдержанно поинтересовался:

– Что будете заказывать?

– Мяса какого-нибудь повкуснее... салатиков экзотических... – Официант лихо записывал.

– А что будете пить?

– Мне минералки. А даме какого-нибудь красного вина.

– На десерт?

– Мороженое... Какое у вас там фирменное?..

– Я вас понял, – вновь черкнул официант в небольшом блокноте.

Выучка у него была великолепная, достаточно было пообщаться с ним минуту, чтобы убедиться в этом. Официант слушал посетителя с таким вниманием, как будто это был лучший собеседник в его жизни, и на любой, даже самый нелепый, заказ он поощрительно улыбался. По его гла-

зам невозможно было прочесть, что он думает о клиентах. Но скорее всего он принял Захара за одного из завсегдатаев значных мест, которому уже не нужно доказывать знание национальных кухонь, и он полностью полагался на опыт профессионала.

Захар не без удовольствия отметил, что на Инну смотрят. Это были совсем не жадные взгляды со слюной на губах, которые можно увидеть у юнцов, готовых к немедленному совокуплению. А взгляды настоящих мужчин, прекрасно знавших свое место в этом мире и не желавших уступать его кому бы то ни было другому. Они смотрели на Инну не с восхищением, а несколько иначе. Примерно так, как это делают богачи в ювелирной лавке, разглядывая красивую вещь. У них хватит денег не только на золотую брошь, но и на весь ювелирный магазин, включая продавца с директором. Только следует задаться вопросом: а нужно ли все это?

Каждый из них мысленно оценивал, сколько же может стоить эта красивая куколка. Весь вопрос в цене. Ее внешность отдает атласными страницами «Космо» и «Плейбоя», а следовательно, подкатывать к ней нужно на белом «Мерседесе».

Довольно-таки откровенно Инну рассматривал лишь один из парней, сидящих за соседним столиком. Откинувшись на спинку кресла, он курил, выпуская ровную струйку дыма под самый потолок, настроение у него было благодушное. Судя по его взгляду, он хотел бы посмотреть, что у нее находится

выше колен, но мешало платью, аккуратно облегающее бедра. Вдоволь налюбовавшись узорами на подоле, он поднял взор на ее спутника. Взгляд был тяжеловат и слегка затуманен немереным количеством поглощенного коктейля. В глазах отразилось нечто вроде пренебрежения и брезгливости. а достоин ли ты, парень, того, чтобы пялить такую соску? Взгляды их встретились всего лишь на секунду, но даже этого мгновения оказалось достаточно, чтобы понять – в черных зрачках мелькнул вызов.

Стараясь ничем не выдать пробудившегося беспокойства, Захар о чем-то непринужденно спросил Инну и услышал ее восторженный ответ. Было видно, что заведение ей понравилось. Девушка упорно не хотела замечать взглядов матерых самцов, а возможно, ей даже где-то льстило столь повышенное внимание.

Этого и следовало ожидать!

Краешком глаза Захар увидел, как парень, сидящий неподалеку, что-то сказал своим собеседникам, а те в ответ захохотали, он же, лишь слегка улыбнувшись, направился напрямик к их столику.

С крохотной сцены, на которую все-таки сумели втиснуться двое гитаристов и ударник, зазвучала музыка. Она плавно растекалась по огромному залу, невольно завораживая всех присутствующих. Один из гитаристов, с длинной неприбранной прической и кудлатой рыжеватой бородкой, хрипловато затянул грустную песню.

– Можно пригласить вашу даму на танец? – безо всякого выражения посмотрел парень на Захара.

По неброской внешности Захара он успел определить, что тот явно недотягивает до своей избранницы, и решил показать, чего стоят настоящие мужчины.

Захар с показной ленцой перевел взгляд на Инну. Выражение ее лица как будто бы не изменилось совсем, но, приглядевшись повнимательнее, он обнаружил в глазах неистребимое женское любопытство.

– Девушка не танцует... Мы пришли немного отдохнуть.

Словно бы невзначай Захар посмотрел на соседний столик. Приятели этого белобрысого парня с интересом наблюдали за разворачивающейся сценой. Похоже, что они неплохо знали характер своего сотоварища и ждали нешуточного веселья.

– А может, спросим об этом девушку? – мягко настаивал парень. Улыбка у него была не злой, скорее задорной. Похоже, он ни на секунду не сомневался в собственной неотразимости и искренне верил, что при желании может совратить даже английскую королеву.

– Послушай, тебе же сказали, что девушка не желает танцевать.

Захар откинулся на спинку кресла и, соорудив самую доброжелательную улыбку, на которую был способен, немигающим взглядом принялся рассматривать лицо соперника. Устоящего всегда психологический перевес, что ж, тем инте-

реснее ситуация.

В зрачках нахала что-то мелькнуло. Похоже, он уже осознал, что ошибся в расчетах, но кураж, который бередит душу каждого половозрелого самца, не позволил ему пойти на попятную.

– Я спрашиваю девушку, пускай она решит, – мягко, но одновременно с некоторым вызовом проговорил он.

За соседним столом откровенно захихикали.

Из служебного помещения выпорхнул лощеный официант с подносом в руках и, заметив подошедшего, так же стремительно заскочил обратно. По напряженным лицам гитаристов читалось, что парень здесь был за своего и пользовался не самой лучшей репутацией.

Захар закинул локти за спинку стула.

– Ты меня начинаешь утомлять, – несколько разочарованно произнес он, не спеша избавляться от доброжелательной улыбки.

Певец, хрипло срываясь на высокой ноте, продолжал тянуть мелодию. Получалось у него неплохо, но за соседними столиками его слушали вяло, а взгляды большинства были обращены в их сторону.

– Послушайте, давайте не будем ругаться, – поднялась со своего места Инна. – Я непременно потанцую с вами. Мы ведь пришли сюда отдохнуть, так ведь, Захар?

– Вот и давай отдохнем, детка. – Захар с силой дернул девушку за руку, и она поломанной куклой плюхнулась обрат-

но в кресло. — Кажется, нам есть о чем поговорить. — С его лица не исчезла улыбка, но сейчас, еще более натянувшись, она напоминала звериный оскал.

— Вот как, это будет весьма занятно. — На лице белобрысого изобразился интерес. — Пойдем поговорим.

Вокалист умолк, дважды ударив по струнам. На низеньком столике, чуть позади него, стояла откупоренная бутылка пива. Не оборачиваясь, он ловко ухватился за длинное горлышко и, блаженно прикрыв глаза, опустошил содержимое в четыре глотка.

— Эту песню я посвящаю милым дамам, — с приятной хрипотцой проговорил он. Глаза его при этом призывно искрились, как будто с каждой из присутствующих женщин он состоял в интимных отношениях.

Длинные пальцы, поросшие тонкими рыжеватыми волосами, несильно ударили по струнам, вырвав из глубины гитары нежный вибрирующий звук.

Захар шел первым, зная, что блондин следует за ним. Через минуту-полторы с деланной ленцой выйдут в холл его дружки, и в этом случае расклад сил будет не в его пользу, а потому в запасе у него всего лишь тридцать секунд.

Звякнула разбитая тарелка, и тотчас послышалась торопливая дробь женских каблучков. «Инна!» — догадался Захар. Вздуродраженная женщина не доставит ничего, кроме дополнительных проблем, а следовательно, запас отведенного времени уменьшается еще на треть.

Стоявший в дверях вышибала, вскинув брови, удивленно посмотрел на выходящего Захара:

– Вы что, не будете ждать ужина?

– Он у вас очень пресный, пойду поищу чего-нибудь остренького, – сквозь зубы сообщил Захар.

Просторный холл был почти безлюден, только в самом углу, вдали от посторонних глаз, самозабвенно обнималась парочка влюбленных.

Под мышкой у Захара, с левой стороны, в открытой плетеной кобуре торчал «макаров». С оружием Маркелов почти не расставался, и если все-таки оставлял его дома по рассеянности, то чувствовал себя так же скверно, как гусеница в присутствии расторопного воробья.

Неожиданно он резко развернулся, выудил пистолет и с силой ткнул стволом в живот наскочившему на него белобрысому. Парень невольно согнулся.

– Глубже дыши. Вот так... Ровнее. Еще ровнее. Давай отойдем в сторонку, и не рыпайся, если не хочешь, чтобы в твоём теле на одну дырку стало больше.

– Ты кто? – выдохнул белобрысый.

– Конь в пальто... Ты песни уважаешь? По глазам вижу, что поешь. Тогда исполни мне «Красные кавалеристы». Ну!.. Мне терять нечего... На мне парочка мокрух висит. Одним «жмуриком» больше, одним меньше, только-то и всего. Считаю до трех... Раз... Два...

– Мы кра-асны-ы-е ка-ва-ле-ри-сты...

– Громче! – сурово потребовал Захар. – У меня контузия с войны.

– ...и-и про-о-о на-а-ас были-ни-ки ре-чи-и-и-с-тые ведут ра-а-ас-сказ!..

Голос блондина оказался необыкновенно сильным. Не то от страха, не то от желания показать свои вокальные возможности он почти перекричал хрипатого барда. Эхо, усиленное множеством выступов и замысловатыми углами, выскочило из холла, ставшего вдруг необыкновенно тесным, и проникло в зал. Недоуменно застыли официанты с подносами в руках, заулыбались посетители, сидящие невдалеке от дверей. Влюбленная парочка расцепилась и с интересом взирала на певца, воспринимая его сольный номер как продолжение развлекательной программы. В дверях с непонимающими физиономиями застыли два приятеля блондина.

– ...А-а-а том, ка-а-к в но-о-о-чи я-я-сные, о том, как в дни нена-а-астные...

Инна отступила к двери.

Теперь его не достать. Наклонившись к самому уху, Захар жестко проговорил:

– Рыпнешься, пристрелю, сучара!

И незаметным профессиональным движением сунул «макаров» в кобуру.

Повернувшись спиной, Захар слегка разболтанной походкой направился к выходу.

Раздался негромкий и сдержанный смешок. Песня увяла

на полуслове, и в спину, словно ругательство, прозвучало:

– Я тебя запомню!

Дверь с шумом закрылась, обрубив последние слова белобрысого.

– Скорее! – ухватил Захар Инну за руку и потащил к машине. – Отведали, значит, французской кухни! Уж больно остренькая она оказалась!

Дважды пискнула машина, снятая с сигнализации, и Захар юркнул в салон. Рядом, на пассажирское кресло, устроилась Инна, громко хлопнув дверцей. В иные минуты Захар непременно сделал бы ей замечание, заметив, что она имеет дело не с самосвалом, но сейчас промолчал.

Двигатель завелся мгновенно. Через стекло заднего вида он увидел трех парней, направляющихся в его сторону. Среди них выделялся белобрысый, в вечерних сумерках он выглядел седым и смотрелся значительно старше своих лет. Рядом, в широком пиджаке, шел крепыш, и Захару показалось, что за поясом у него торчит рукоять пистолета.

Потребовалось всего лишь несколько секунд, чтобы разогнать автомобиль до ста километров в час. Вот когда возрадуешься, что сжимаешь руль настоящей японской машины.

Захар невольно улыбнулся. Неприятности оставались где-то позади.

– Что ты намерен делать?.. Ой, господи! – зажмурилась Инна. – Ты же чуть-чуть не врезался в самосвал!

– А ты как думаешь, чем я намерен заниматься? – крута-

нул рулем Захар, избегая лобового столкновения с несущейся навстречу «Нексией». – У меня стресс, и я намерен снять его во что бы то ни стало. Сейчас я поеду на Тверскую, сниму там знатную кобылку вот с такими титьками и буду иметь ее целую ночь во всех положениях.

– Ты это серьезно? – Похоже, что Инна была слегка обижена.

– А ты как думала! – гнал машину по набережной Захар. – Конечно, серьезно. Я кручусь вокруг тебя, плетусь как выюн, а ты мне даже не даешь себя за ляжку подержать!

– Захар, ну ты напрасно, ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

– Только не надо мне про твое отношение. Бога ради, не надо! Ты мне должна доказать это. А доказательств я никаких пока не вижу. Стоит мне только ладонь к тебе в трусы запустить, как ты тут же ноги сжимаешь! Ты что, со всеми так или это только мне такая радость?

– Я не могу.

– Почему же ты не можешь?

– Не могу... У меня ведь опыта никакого нет.

Захар выглядел обескураженным. Моргнув правым поворотником, он прижался к тротуару.

– Не ожидал... Ты что, девочка, что ли? У тебя и мужиков, что ли, никогда не было?

Инна выглядела расстроенной:

– Теперь ты меня бросишь? Ты во мне разочаровался?

– Ты меня удивила. – Он повернул ключ зажигания, и двигатель затих. – И ты девочка?! Иметь такую физиономию и такую задницу и при этом остаться целкой! У меня просто нет слов... Неужели тебе никто не понравился за это время?

– Ну как тебе сказать... конечно же, нравились, но как-то до этого не доходило. Я считаю, что нужно очень сильное чувство, чтобы отважиться на такое.

Захар всплеснул ладонями:

– Ну ты, право, святая. Не сочти меня за циника, но в наше время девушки расстаются с невинностью за полкило колбасы. И не где-нибудь на королевских кроватях и атласных простынях, а в самых что ни на есть заплеванных подъездах. Вот так-то!

– Откуда тебе все это известно?

Неожиданно Захар расхохотался и, отсмеявшись всласть, произнес:

– На собственном опыте.

– Фи, какой ты противный, – отвернулась девушка.

– Ладно, ладно, не обижайся, – примирительно проговорил Захар, – пошутил я. Вот повезло, так повезло! – хмыкнул он. – Ну кто бы мог подумать, что девочка достанется!

– Еще не досталась, – фыркнула Инна.

– Ладно, куда мы теперь едем?

Девушка неожиданно сжалась. Куда девалась прежняя раскрепощенная девчонка, какой он видел ее всего лишь полчаса назад.

– Куда скажешь, – негромко произнесла она.

В ее голосе чувствовалась какая-то обреченность.

Захар мягко отпустил сцепление и сдержанно ответил:

– Что-то у меня отпало всякое желание топтаться по злым местам. Давай поедem в какое-нибудь тихое и уютное местечко, где можно будет обо всем поговорить.

Захар выехал на Варшавское шоссе: между кронами разросшихся кленов показались золотые маковки Свято-Данилова монастыря и тут же пропали, спрятавшись за крыши высотных зданий. В салоне установилось молчание, и, чтобы хоть как-то загладить возникшую неловкость, Захар негромко включил радио. Из динамиков полился сочный женский голос.

– А зачем у тебя пистолет? – неожиданно спросила Инна.

– А чтобы пугать бедных и невинных девочек! – соорудил он страшную физиономию.

Инна поморщилась:

– Не паясничай!

– И не думаю.

– А может быть, ты бандит? И везешь меня в какой-нибудь укромный притон, чтобы поглумиться над моей чистотой? – очень серьезно спросила Инна.

– У тебя есть шикарная возможность убедиться в моих серьезных намерениях, – с улыбкой отвечал Захар.

В принципе у Инны было немало оснований беспокоиться. Они познакомились всего лишь две недели назад в ка-

ком-то захудалом баре на окраине Москвы. В него забежали не для того, чтобы прекрасно провести время с понравившейся дамой, а лишь затем, чтобы хлопнуть впопыхах стакан красного вина и бежать дальше. Даже интерьер не способствовал серьезным знакомствам: грубо струганные столы, с такими же занозистыми табуретами, на стенах красочно нарисованы сцены из русской бани – целомудрием здесь и не пахло. Но посетители поглядывали на рисунки спокойно, так же беспристрастно, как лицезреют народные художества в общественном туалете.

Единственное, что притягивало клиентов в эту дыру, так это красота звучащей музыки. Некогда здесь была церквушка – здание старинное, многовековое, с толстенными стенами, псковские мастера возвели его в полном соответствии со всеми законами акустики. И колонки, размещенные по углам, давали такой неожиданный эффект, какого не встретишь даже в самых современных концертных залах.

В винном баре Захар оказался со своим другом совершенно случайно, чтобы купить по пачке сигарет. Но хиты двадцатипятилетней давности сначала заставили их помедлить, а потом и вовсе усадили за стол.

Рядом, у стойки, стояли две девушки и через соломинки потягивали апельсиновый сок. Высокие, длинноногие, с утонченными узкими лицами, они как будто бы шагнули в бар прямо с парижского подиума. Даже бармен, стареющий ловелас с рыжими усами, взирал на красоток обалдело и как-

то пришибленно. Нечто подобное испытывает рыбак, решивший скоротать времечко с удочкой в руках у тихой речной заводи. Одно дело, когда рассчитываешь на парочку ленивых пескарей, сдуру клюнувших на отдавшего концы червя, и совсем другое, когда неожиданно вытягиваешь на сушу сома в полтора пуда весом. Девушки старались не замечать выразительных взглядов, и, судя по оживленной беседе, которую они вели, это им удавалось.

Приятель Захара, маленький и толстый чудака, больше из любви к куражу, чем из желания прикоснуться к чему-то возвышенному, предложил пригласить девушек на медленный танец. Взгляд, брошенный дамами в их сторону, больше напоминал пощечину. Так могли смотреть только породистые суки, выросшие в барских хоромаш и привыкшие писать на персидские ковры. Но, к удивлению обеих парней, девушки дали согласие на танец. Скорее всего здесь сыграла свою роль хмельная мелодия прошлых лет.

И лишь потом Захар сумел убедиться, что Инна далека от той заносчивой девушки, какой она представлялась в баре. Захар же, в свою очередь, не мог позабыть надменного взгляда и неделю тиранил Инну показным невниманием.

Несмотря на внешнее великолепие, Инна выглядела вполне земной: любила подолгу стоять в темных подъездах и задыхалась от жарких поцелуев и, что самое интересное, считала свое лицо далеким от идеала. Она искренне расстраивалась, рассматривая свои руки, и всерьез полагала, что они

непомерно длинные. Про ноги она говорила то же самое, но здесь, вероятно, тайлось обыкновенное девичье кокетство.

Захар сделал слабую попытку затащить Инну в постель в первый же день знакомства и, получив вежливый отказ, отступил, но лишь для того, чтобы дать плоду дозреть – вот тогда он сам свалится в подставленные ладони.

Все это время он считал, что его спутница не знает недостатка в ухажерах, а он всего лишь один из тех, кто замыкает их длинную череду. Но сейчас, услышав ее сокровенное признание, он совершенно не представлял, как ему следует реагировать на подобное откровение.

Музыка воскресила утраченное настроение, и Захар не без восторга подумал о том, что кроме престижной иномарки кузен оставил ему в пользование еще и двухкомнатную квартиру в Черемушках, где всегда можно очень мило провести остаток ночи с понравившейся красоткой.

Захар свернул с шоссе и устремился по узкой улице. По обочинам стояли машины, тесно, как лошади в загоне. К одной из них Захар подъехал совсем близко, и та протестующе запаниковала, отбрасывая красное мерцание в окружающее пространство.

– Далеко еще? – глухо поинтересовалась Инна и зябко поежилась.

– Уже приехали, – вырулил он в полутемный двор. Распахнул дверцу и выпрыгнул из салона. Следом робко вышла Инна.

Полумрак сделал девушку еще более загадочной. Захар невольно задержал на ней взгляд. Хороша! Набрось ей на плечи мешок, она выглядела бы так же изящно.

Лампы у подъезда светили тускло, но в ночи они казались пожарами. Неровный свет падал на лицо девушки.

Захар поставил машину на сигнализацию, и она, моргнув фарами, затаилась в тени.

– Сюда, – потянул он девушку в подъезд.

– Какой этаж? – Инну выдало дыхание, оно было чуть сбившимся. Такое впечатление, что она вошла в холодный омут.

– Третий... Уже пришли. Ну где он у меня? – рылся в карманах Захар.

Полы куртки колыхнулись, и из-под мышки невинно высунулась кобура пистолета. От Захара не укрылся сдержанный восторг в женских глазах, где без труда читалось: а вы очаровательны, господин бандит!

Ключи наконец отыскились: как это часто бывает, они лежали в самом последнем кармане.

– Проходи, – легонько подтолкнул он ладонью девушку, приглашая войти.

Как бы невзначай задержался у входа, разглядывая девушку со спины. В груди приятно ворохнулось: и все это мое!

Негромко захлопнулась дверь, и помещение погрузилось в абсолютную темень.

– Ой!.. Мне страшно, – тонко проговорила Инна где-то

рядом.

— Где тут у него свет? — раздосадованно шарил Захар по шероховатой стене обеими руками. — Черт бы его побрал! — Неожиданно он почувствовал прикосновение, очень быстрое и одновременно легкое, как дуновение ветра. Похоже, что испуг девушки не был наигранным. — Ага, нашел, — обрадованно произнес он и потянул за тонкий шнур. Негромким щелчком сработал выключатель, и комната обрела реальность. — У всех людей, как и положено, выключатель находится у самой двери, а он его залепил куда-то на середину коридора.

— Это бра, для подсветки, — неожиданно улыбнулась Инна. — А выключатель — вот он, около двери.

— Да где тут разглядишь в потемках, — махнул рукой Захар. Коридор был обставлен со вкусом, хоть и не богато: ковер с высоким ворсом, весьма недурная прихожая под орех, в тон обои. Единственное, что казалось не к месту, так это огромная белая маска с оскаленной пастью. Такое впечатление, что ее скопировали с бога войны.

Следом за Захаром в комнату прошла Инна, почему-то на цыпочках, как будто опасалась разбудить спящего.

— Здесь никого нет, — громко напомнил Захар. — Где у него тут холодильник?

— Наверное, на кухне, — подсказала Инна, чуть пожав плечами.

Захар прошел на кухню, маленькую, но очень уютную, с

крохотным столиком у самого окна. В углу белым исполином возвышался холодильник.

– Да у него здесь шампанское! – восторженно произнес он, распахивая дверцу. – Французское! Буженина тоже имеется. Очень кстати.

– А ваш брат не будет обижаться, если мы его выпьем? – робко поинтересовалась девушка.

– Обижаться? – воскликнул Захар. – Ты совсем не знаешь моего кузена, – победно, словно самым дорогим трофеем, размахивал он бутылкой. – Он будет просто счастлив оттого, что его братан выпил шампанского с любимой девушкой. Так... где тут у него фужеры? – открыл шкаф Захар. – Возьмем высокие... вот эти. Самое то! Нравятся?

– Красивые, – покорно согласилась Инна, вновь поежившись, словно в комнате стояла промозглая сырость.

– Нарезь пока буженинку. К шампанскому мяско как раз будет!

Инна достала из шкафа плоское блюдо и тонкими ломтиками порезала мясо.

– А ты мастерица, – похвалил Захар, открывая шампанское. Раздался негромкий хлопок, и пенящаяся жидкость залила белую скатерть. – Не рассчитал. Но ничего, нам хватит, – уверил он, разливая шампанское в бокалы.

– За что пьем? – подняла Инна фужер за тонкую хрустальную ножку, в глазах ее мелькнуло кокетство.

Она сидела прямо, лишь слегка наклонив голову.

– За тебя. Но только чтобы до дна, – предупредил Захар. – Да посмелее же ты, не яд ведь! – настаивал он.

Девушка пила шампанское мелкими глотками, чуть приоткрыв тоненькие губки, и, отпив половину, изящным движением поставила бокал.

– У меня закружилась голова, – не то пожаловалась, не то обрадовалась Инна.

– То ли еще будет, – многозначительно пообещал Захар. – Ты бы мяса отведала, оно очень кстати здесь. Вот так, смелее, не стесняйся, здесь все твое.

Захар невольно любовался ее грацией. С такими манерами не стыдно ужинать и в Букингемском дворце.

– Как вкусно! – искренне восхитилась она.

– А ты как думала! Человек, который живет здесь, ерунды не покупает. Допила?.. Теперь давай еще по одной.

– Ты меня хочешь напоить? – В ее глазах веселые огоньки, очень напоминающие вызов.

Видно, правду говорят, что шампанское действует на женщину куда эффективнее любого возбуждающего средства. Не воспользоваться таким случаем было бы просто глупо.

– Давай выпьем. – Захар тихонечко тоненькой струйкой наполнил фужер до самых краев. – За твою красоту мы ведь уже пили?.. – И, поймав легкий кивок, продолжил: – Теперь давай другой тост. Потому что, сама знаешь, выпивка без тостов – сплошное пьянство. А мы ведь не просто какие-нибудь забулдыги. Так ведь? Уже несколько дней я в отпуске,

так что давай выпьем за мое безделье.

Инна тонко хихикнула, веселящий напиток давал о себе знать:

– А разве у бандитов бывают отпуска?

Захар почти обиделся:

– Ты в этом сомневаешься? Ведь у нас на работе такой напруг. За целый год знаешь как стресс накапливается! На всех этих стрелках, разборках... Вот и охота его снять. А после трудовых будней мы выезжаем на море, к солнцу, теплему песку, к красивым девушкам.

– К красивым девушкам тоже? – капризно надула губы Инна.

– Это я оговорился... Ну так что, пьем за отпускников?

– За тебя, – улыбнулась Инна и протянула бокал.

Тонко и торжественно звякнул хрусталь.

– За нас, – добавил Захар и несколькими большими глотками выпил.

Он почувствовал, как холодный напиток стал распространяться по всему телу, наполняя конечности приятной слабостью.

– Ой, я, кажется, стала совсем пьяненькая, – пожаловалась Инна.

– Давай немного потанцуем, надеюсь, ты мне не откажешь? – Захар подошел к магнитофону. – Что там у него?.. Ага, вот это подходит, – и нажал кнопку.

Зазвучала плавная мелодия. Захар взял девушку за обе

руки и потянул ее к себе.

– Меня не держат ноги, – пожаловалась она, обхватив руками его шею.

– Давай я тебе помогу, у меня есть очень хорошее средство, которое способно поднять на ноги любого.

Захар взял девушку на руки и положил на диван. Она не отпускала сцепленных рук, и он стоял над ней, наклонившись.

– Я тебе помогу, – проговорил он, чувствуя, как от волнения пересыхает горло. – Подними руки.

Инна подчинилась, и Захар, справляясь с возбуждением, стал осторожно приподнимать ее платье. Он задержал взгляд на бедрах, разглядывая треугольник черных трусиков. Ничто так возбуждающе не действует на мужчину, как ажурное женское белье. И уже с силой рванул платье, освобождая роскошную фигуру от тесного плена.

– Все будет хорошо, не волнуйся, – поспешил успокоить девушку Захар, коснувшись губами ее шеи. Он давно обратил внимание на то, что Инна предпочитает ходить без лифчика, а следовательно, они стали ближе друг к другу еще на одну деталь туалета.

Медленно, не лишая себя удовольствия, Захар принялся стаскивать трусики. Колени девушки слегка сомкнулись.

– Ты только скажи, что нужно сделать. Я не умею.

– Это нехитрая наука, – успокоил ее Захар.

– Может, выключим свет? – несмело предложила Инна.

Захар чуть покачал головой:

– Нет... Я хочу видеть тебя всю, какая ты есть. На свете нет более прекрасного зрелища, чем возбужденная женщина.

– Господи, никогда не думала, что потеряю свою невинность в незнакомой квартире и на чужих простынях. Мне представлялось, что это будет куда более романтично.

– Тебе не нужно ни в чем раскаиваться. Доверься мне. Расслабься... Вот так... Ноги расслабь, – поглаживал Захар живот девушки. Движения неторопливые, круговые, а потом, как бы невзначай, он продвинул ладонь к ее паху и нежно погладил бедра с внутренней стороны.

Инна застонала, негромко и одновременно сладко, и ноги ее слегка раздвинулись.

– Не останавливайся, – неожиданно попросила девушка, – мне так хорошо.

Захар понимающе улыбнулся:

– Не переживай. Это только самое начало. А теперь подними ноги, – и, заметив нерешительность подруги, добавил: – Пожалуйста.

Инна согнула ноги в коленях. В глазах больше любопытства, чем страха. Захар навис над ее хрупким телом, как скала, которая готова раздавить ее в любое мгновение. Но опустил он очень мягко и, коснувшись животом ее тела, спросил:

– Ты готова?

– Да, – глухо произнесла Инна.

Он вошел в нее не сразу, сначала поласкал губами ее набухшие соски и, убедившись, что она действительно ждет, скользнул в нее осторожно и неторопливо, ощущая нешуточное сопротивление девичьей плоти.

– Захар, мне больно, – негромко застонала Инна, прикусив губу.

– Потерпи.

Неожиданно Инна вскрикнула и вцепилась пальцами в его плечи, больно расцарапав кожу, а Захар, не желая останавливаться, прижимал ее все крепче.

Инна вскрикивала, стонала, царапала ногтями его спину и шею, а он, ничего не замечая, содрогался на ее нежном теле, как молодой взбесившийся дьявол. И вот, наконец, устав, он скатился в сторону, глубоко и удовлетворенно вздохнув.

Некоторое время они молчали, слушая музыку, доносившуюся из динамиков. А потом Захар спросил, повернув голову:

– О чем ты думаешь?

– Так... О разном.

– И все же?

Инна невесело улыбнулась:

– Тебе интересно знать, что думают в эту знаменательную минуту бедные девушки? – В ее словах сквозил неприкрытый сарказм. – Поверь, ни о чем особенном. А вот ты, наверное, чувствуешь себя героем?

– Вовсе нет, – ответил Захар, – сейчас я чувствую себя как минимум волшебником. И знаешь почему?

– Интересно узнать.

– А потому что из девушки я сделал женщину, – почти торжественно заявил Захар.

– Ты тщеславен, – отметила Инна. В ее голосе не было никаких оттенков, простая констатация факта.

– Не без того. Ведь наш мир движут честолюбивые люди, остальные идут в прицепе, – сдержанно заметил Захар. – Просто люблю быть всюду первым. Ладно, что мы говорим о каких-то глупостях. Может, ты хочешь шампанского?

– Не откажусь, – согласилась девушка.

Она села на диван и укрылась легким покрывалом. Получилось что-то похожее на греческую тунику. Захар поднялся и, не стесняясь собственной наготы, подошел к столу и разлил шампанское в бокалы. От его внимания не укрылось, какими глазами оценила его фигуру Инна – быстро и одновременно очень цепко. Так смотреть может только опытная женщина, искушенная прелестями разврата, и только небольшое красное пятно на покрывале свидетельствовало, что это не так.

Захар сел рядом, слегка приобняв Инну. Все слова казались излишними, а потому следовало помолчать. Даже выпили без тоста, лишь слегка соприкоснувшись бокалами.

Пустые бокалы поставили рядом, на пол.

Захар предпринял попытку прижать к себе Инну покреп-

че и продолжить начатое, но неожиданно натолкнулся на уверенное и крепкое сопротивление девушки.

– Не надо, – виновато произнесла она, – у меня там все болит.

– Понимаю. – Голос Захара звучал почти виновато.

– Я сейчас приду, мне надо в душ, – тихо произнесла Инна и, прижав к груди покрывало, заторопилась в ванную.

Раздался плеск воды. Совсем неожиданно он подействовал на Захара убаюкивающе. Сон навалился на него тяжелой плитой. Теперь у него не оставалось сил, чтобы даже пошевелиться. Не сопротивляясь более желанию, он сомкнул веки, успев подумать о том, что так бездарно прошел сегодняшний день и вместо долгожданной ночи любви пришлось уснуть на краешке дивана.

...Захар проснулся оттого, что в его глаза ударил свет. Некоторое время он пытался противостоять его бесцеремонному вторжению, но солнечный поток навязчиво проникал даже через крепко сомкнутые веки.

Открыв глаза, он увидел сидящего в кресле Шибанова. Гриша неторопливо и с большим изяществом пережевывал куски буженины.

Неприкрытый, Захар чувствовал себя в присутствии Шибанова необычайно глупо. Поднявшись, опрокинул бокалы на пол (ладно, не разбил!), Гриша как будто не замечал его пробуждения, даже не глядел на него, а с аппетитом продолжал свою трапезу. Создавалось впечатление, что он явился в

эту квартиру лишь для того, чтобы покушать.

– Очухался? – наконец спросил Григорий, проглотив последний кусок.

– Как ты сюда попал? – хмуро поинтересовался Захар, застегивая брюки.

Шибанов повертел в руках ключ:

– Как и положено, через дверь. Или ты думаешь, я, как домушник, должен через форточки врываться?

– Я думал, что ключ только у меня, – не то пожаловался, не то обиделся Захар.

– Хочу тебе сказать, лейтенант Маркелов, что трахаться не только ты один любишь. В этом отношении у меня тоже все в порядке. А когда Степан укатил за океан, то ключи оставил нам обоим. Он любит проделывать такие фокусы. Я сначала удивлялся. Думаю, откуда в мусорном ведре презервативы валяются? И решил посмотреть, кто сюда приходит. Сначала думал, что кто-нибудь из местных ребятишек балует, узнали, что квартира пустая, вот и развлекаются втихомолку. Грабить не грабят, чтобы осложнений с законом не возникло, а вот девочек приводят регулярно, оттянуться на полную катушку. И, признаюсь, очень удивился, когда здесь нарисовался ты. Кстати, буженина и шампанское были мои, – посмотрел капитан на Захара, уже одевшегося и присевшего напротив. – Мясо, так и быть, я тебе прощаю, тем более я сам доел остатки, а вот шампанское, будь добр, верни! Тем более оно не простое, а фирменное. Я как раз завтра с де-

вочкой хотел сюда завалиться.

– Ладно, принесу, – невесело буркнул Захар.

– Ба! А это что такое? – показал Шибанов на бурое пятно в самом центре покрывала. – Да никак кровь! Я вижу, ты не брезгливый, молодец, – уважительно протянул капитан.

– Здесь не совсем то, – хмуро пробасил Захар. – Девочка попалась. Измучился, думал, не одолею, но вот, видишь, – махнул он рукой в сторону постели, – справился.

– Что я могу сказать? Герой! Пробил, так сказать, дорогу для остальных. А вот только диван ты испачкал, – покачал головой Шибанов. – Степан не простит тебе такого кощунства над своей мебелью, ткань менять заставит.

– Что ж делать, поменяю, – примирительно согласился Захар. – Только когда это еще будет, он ведь не раньше чем через полгода объявится.

– А где твоя подружка-то? Что-то я ее не видел.

– Сам не знаю, – пожал плечами Захар. – Я вчера очень устал... Навалилось всякого разного. Как дело свое сделал, прилег на диван, проснулся – ты здесь, а ее уже нет.

– Ладно, не переживай, отыщется, – успокоил его Григорий. – Если была девочка, то никуда от тебя теперь не денется, они очень прилипчивые. Поверь мне! Была у меня одна такая, как-нибудь расскажу. Но я к тебе не просто так пожаловал.

– Дело, что ли, какое? – безрадостно поинтересовался Маркелов.

– Угадал. И знаешь, кто тобой заинтересовался?

– Кто же?

– Полковник Крылов!

– А ему-то я зачем? – едва не поперхнулся Захар. – Ведь я же в отпуске!

– Тут такое дело, Захар... Ты уж меня извини, но я обещал ему срочно тебя разыскать.

– Но хоть пару дней ты мне дашь покуражиться? Только-только мои сердечные дела настраиваться начали, – искренне посетовал Захар. Он взял бутылку шампанского, с интересом заглянул внутрь и вылил на язык несколько капель. – Кисло, зараза! Удивляюсь, как это я вчера полбутылки выдул. Сейчас бы пивка! – мечтательно протянул Захар.

– Не советую, – отрицательно покачал головой Григорий. – Господин полковник не любит, когда ему дышат в лицо перегаром. Ты не смотри, что он снаружи рыхлый и производит впечатление добрячка. На самом деле у него внутри сталь, я на собственной холке уже успел в этом убедиться.

– Не знаю, что на меня вчера нашло, но я от полбутылки шампанского вырубился. Лежал пластом, будто бы водяры нахлебался, – удивился Захар.

– Может, твоя девочка чего-нибудь недозволенного в бокальчик подсыпала? – прищурился капитан. – Давай пробьём, что за особа. В два счета на чистую воду выведем.

– Девочка здесь ни при чем, – махнул рукой лейтенант. – Она чиста, как ангел, это я вчера немного подустал. Ну что,

едем к полковнику? – посмотрел Захар на Шибанова. – Твоим ключом дверь закроем или мне свой достать?

Капитан невольно хмыкнул:

– Вижу, что ты созрел. Ладно, я сам достану. Давай на выход.

Глава 9

ЧТЕНИЕ ЛИЧНЫХ ДЕЛ – ЗАНЯТИЕ УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ

Полковник не проронил ни слова, лишь только хмурился, что – то хмыкал себе под нос, иногда невесело улыбался, будто читал не личное дело лейтенанта Маркелова, а интересное криминальное чтиво. Обнаружив очередное взыскание, Геннадий Васильевич вздохнул и поднял грустные глаза на своего собеседника, вконец искрутившегося на жестком стуле. Похоже, что стул был для него мал, еще совсем немного – и тощий зад лейтенанта скатится на дубовый паркет.

Но неожиданно полковник бодро поинтересовался:

– Это все про вас?

– Что именно, товарищ полковник?

– Ну, все то, что написано в вашем личном деле.

Лейтенант неопределенно пожал плечами (этот толстяк умел дать под самый дых, как заправский боксер) и ответил, покрываясь краской смущения:

– Мне не доводилось читать своего личного дела, но, наверное, там много неприятного.

– Признаюсь, очень увлекательное чтение. Я бы с удовольствием дал вам почитать, но... инструкции не позволяют. Так что попробуем обойтись без этого. Для нашего дела вы

подходите идеально. То, что мы хотим поручить вам, еще полнее раскроет ваши артистические способности... Что же вы молчите-то, не желаете спросить, чем именно вам предстоит заниматься? – хитро посмотрел полковник Крылов на Маркелова, который будто бы вмерз в стул.

– Как-то не положено спрашивать у начальства, – дипломатично изрек Захар.

– Это ты верно заметил. Не положено. Но в твоем деле написано... – Полковник полистал страницы, выразительно хмыкнул и, плутовато посмотрев на Маркелова, продолжал: – Что ты более наглый. Так верить этому или нет?

Захар только повел плечами, как бы утверждая: бумага все стерпит, на ней еще и не такое можно нацарапать.

– Ничего не могу добавить, товарищ полковник.

– И правильно, – назидательно произнес Крылов. – Вижу, что ты еще и умом не обделен. А в наше время это очень большая редкость. Да не ерзай ты, наконец! Штаны до дыр протрешь! А они казенные, потом за свой счет покупать будешь. Опять же, финансовые траты, в долги залезешь, а тебе это ни к чему, с твоим-то окладом. А этот прокольчик на нервной системе может отразиться. Например, пригласишь какую-нибудь девушку в ресторан, а потом посуду начнешь сгоряча бить, официанту шею намылишь за то, что он к твоей девице пристает.

– Про это в деле тоже написано? – приуныл Захар.

– А ты что думал? Мы, брат, милиция, а она не только за

порядком на улице смотрит, но еще за чистотой собственных рядов. Есть такое понятие «оперативные источники», не мне тебе объяснять, что это такое. Они и сообщили, что ты любишь устраивать дебоши в общественных местах. Странно, что тебя до сих пор еще из уголовки не поперли.

– Значит, настучали все-таки.

Полковник, подняв палец вверх, поправил:

– Не настучали, а поставили в известность. Всякую вещь нужно называть своими именами. Я тоже, бывает, хожу в рестораны. Но хочу сказать тебе откровенно, – полковник Крылов прижал пухлую ладонь к груди, – я не бью по роже всех тех мужчин, что смотрят на мою жену. А она, поверь мне, старому дураку, очень даже хороша! Я ведь второй раз женат и женушку выбрал на двадцать пять лет моложе себя. Так что она при роскошной заднице и с красивой физией. Мужики заглядываются! А я ведь не в пример круче тебя, мог бы звездануть чересчур нахальных по роже. Но ничего, терплю. И знаешь почему? – простецки поинтересовался полковник.

– И отчего же, товарищ полковник? – Разговор принимал интересный оборот.

– А потому что законность должен соблюдать, вот так-то!

– Но я ведь в тот день одного уркача задержал со «стволом». А он в федеральном розыске целый год числился.

– Знаю, – отмахнулся полковник. – Здесь этот подвиг тоже отображен. Поэтому ты до сих пор и разговариваешь со мной. Правда, что ты специалист по рукопашному бою?

– Правда, – слегка смущенно отозвался Захар, – так вы же мне сами подписывали разрешение на командировку для участия в соревнованиях.

– Давно это было?

– Полгода назад.

Полковник выглядел обескураженным:

– Хм... Ничего не помню. Да здесь и немудрено, столько приходится разных дел за день решать, что просто голова идет кругом. Ну и как ты выступил? – с любопытством посмотрел полковник на лейтенанта.

– Вторым стал.

– Что ж не первым-то? – разочарованно хмыкнул Геннадий Васильевич.

– Можно было бы и первым, просто не повезло. Состав был очень сильный. А проиграл я призеру чемпионата мира по самбо. Да и то по очкам.

– Не думал, что ты такой... способный.

Захар пожал плечами:

– Старался.

– Так ты еще и скромный! – удивился полковник. – Хвалю. Из твоего дела видно, что ты еще и неплохо стреляешь.

Маркелов улыбнулся. Оказывается, полковник был способен на шутку.

– Здесь произошла другая история. Когда я в армии в учебку попал, то в первую же неделю у нас стрельбы были. Так получилось, что я отстрелялся в пятерке лучших. А по-

том несколько месяцев мы автоматы пристреливали. Вот и научился малость.

– А в твоём деле отмечено, что по стрельбе из «АКМ» ты лучший в округе, – будто бы засомневался полковник, испытующе сверля его глазами.

– Отстрелялся я действительно лучше всех, – как бы нехотя признался Маркелов, – но ребята не хуже. Просто в этот день в отличие от многих я не нервничал, да и поспал неплохо.

– Ладно, – пятерня полковника решительно легла на картонную обложку, – теперь давай поговорим о деле. Не возражаешь?

– Разве я бы посмел?

– А ты, я замечу, большой дипломат. А дело вот в чем... Про налет на отделение ВОХРа слышал?

– Конечно, – кивнул лейтенант. – Двое убитых. А ещё бандиты унесли несколько ящиков с оружием.

– Верно, вот в нём-то все и дело, – согласился Геннадий Васильевич. – А если говорить конкретно, то было вынесено несколько ящиков со снайперскими винтовками и пятьдесят пистолетов «ТТ».

– Нехило, – призадумался Захар.

– Вот именно. Оружие было взято под какую-то конкретную акцию. Какую именно, мы пока не знаем. По этому вопросу есть только предположения, но никаких фактов или оперативных данных. А нужно немедленно установить, кто

это сделал, чтобы изъять украденное. Теперь ты понимаешь важность работы?

– Кажется, да. – В голосе Маркелова не было уверенности, он так и не смог понять, в какую сторону клонит полковник.

– Мы подозреваем, что в этом деле замешан кто-то из воровцев. Возможно, кто-то из их родственников. Они могли пользоваться доверием остальных и иметь доступ в здание. – Задумавшись, полковник добавил: – Но скорее всего здесь вероятнее первое. Так вот, мы хотим внедрить в охрану своего человека – способного, умного, причем важно, чтобы он обладал какой-то жилкой авантюризма и изнутри посмотрел за тем, что там происходит. И конечно же, чтобы он вывел нас на людей, которые совершили ограбление. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Очень верное решение, товарищ полковник, – быстро согласился Маркелов.

– Так вот, этим человеком должен быть ты.

– Я?! – невольно вырвалось у Захара.

Крылов, немного помолчав, продолжал размеренным тоном, как бы не замечая недоуменного восклицания:

– Твоя кандидатура уже утверждена. Мы тебе сделаем документы – паспорт, водительское удостоверение, всевозможные выписки, характеристику с твоей прежней работы. Словом, все то, что тебе может пригодиться для твоей второй жизни. Придумаем легенду. Здесь нам придется поработать на совесть, – пальцы полковника нервно застучали по сто-

лу, – проколов быть не должно, и нужно продумать каждую мелочь. Помнится, ты откуда-то с севера.

– Из Воркуты.

– Хм... Знаменательный город – лагеря, колючая проволока. Ну-ну... Так что тебе не придется чего-нибудь особенного выдумывать. А кто твои родители?

– Из детдома я. Есть только брат, двоюродный.

– Ах, да! Извини... Дело еще более упрощается, по многим вещам тебя и вовсе не нужно будет инструктировать. Ты будешь играть этакого разбитного, бесшабашного парня. Скажем, рубаху-парня. Если будут спрашивать, зачем устроился на такую малоденежную работу, отвечай, что хочешь иметь свободное время. Сутки работаешь, трое отдыхаешь, это мечта каждого работника. Не скупись! Деньги мы тебе выделим. Если будут спрашивать, откуда копейка, глубокомысленно помалкивай. Веди себя, как шалопай. Задирать никого не надо, и в стороне стоять тоже ни к чему. Как выдадут оружие, обмолвись, что вот с таким бы оружием – да на большую дорогу. И последи за реакцией остальных. Это важно!.. Может быть, что-нибудь и проявится. Тебе все ясно?

– Как будто бы все, – попытался придать уверенности своему голосу старший лейтенант Маркелов.

– Хм, рановато ты успокоился, – укорил его полковник Крылов. – Что же ты не спрашиваешь, как будешь связываться с нами?

– Думал, сами скажете.

– Так вот, никаких хождений в уголовку. Звонков тоже не должно быть. У меня такое ощущение, что здесь не все так просто, как кажется на первый взгляд. Не исключено, что тебя могут элементарно подслушать, а значит, категорически никаких звонков!

– Понял, товарищ полковник.

– Связываться будешь через нашего человека. – Крылов порылся в карманах, выудил оттуда горсть мелочи, клочки бумаг и, не сдерживая досады, произнес: – Все хочу произвести ревизию в своем кармане, больно уж мусора много накопилось, да вот как-то руки не доходят. Ага, подходит!.. Запомни вот этот значок. – Захар всмотрелся. Обыкновенный металлический кругляш с изображением какого-то здания. – Человеку, который покажет тебе этот значок, ты должен будешь подчиняться во всем. Он и будет твоим связным. Понятно?

– Так точно, товарищ полковник!

– Чего улыбаешься-то?

– Да все как в детективе. – Губы старшего лейтенанта расплзлись еще шире.

– Ах вот оно что... Хм, если ты не знаешь, так хочу тебе заметить, что наша жизнь и есть сплошной детектив. Ну да хватит лирики. Ладно, иди, дел у тебя будет много, так что готовься. И еще вот что... с бабами поосторожнее, – строго наказал полковник, – никаких откровений. Ты меня хорошо понял?

– Так точно, товарищ полковник! Разрешите идти?

– Ступай, – и, отпустив старшего лейтенанта, не без интереса возобновил дальнейшее изучение личного дела Маркелова.

Глава 10

ТРУДОВОЙ ДЕНЬ

НАЧАЛСЯ – ПОЛАГАЕТСЯ

ЗАЛИТЬ ПОД ЖАБРЫ

Начальник ВОХРа Абрамов Валерий Петрович аккуратно перелистывал трудовую книжку Захара.

– Однако, я посмотрю, по России вы поколесили немало. И что, больше года нигде проработать не сумели?

– Не получалось, – озорно улыбался Захар, демонстрируя безупречные зубы.

– Почему же не получалось: работа не нравилась или, может быть, люди не подходили?

Он намеренно не предлагал новичку присесть – некий тест на нахальство – и не без удовольствия следил за его дальнейшей реакцией. Однако ждать пришлось недолго. Выждав положенную пару минут, тот сел в свободное кресло и устался на него непроницаемым взглядом. Валерий Петрович старательно делал вид, что не замечает самостоятельности новичка, и углубился в записи трудовой книжки.

Подождав еще минуту, новичок скрестил ладони на затылке, всем своим видом демонстрируя безразличие и скуку. А уж это было через край! Привыкший к армейской собранности, Абрамов не допускал разболтанности в подчиненных

и сейчас быстро соображал, как правильное следует реагировать на подобное действие.

Будь на месте этого парня кто-то другой, так он мгновенно выставил бы его за дверь, но перед ним был родственник его армейского приятеля. А Абрамов, в свою очередь, был обязан тому не только новым назначением, но и разного рода приработками, а поэтому старался услужить. Так, например, три дня назад приятель почему-то попросил его джип «Ниссан». Уважил. А сегодня в мягкой форме попросил о приеме в штат его родственника.

И попробуй откажи!

Похоже, молодой нахал осознавал собственную силу и вел себя в его кабинете, как в борделе низкого пошиба. Единственное, что остается делать, так это не заметить его наглости.

– А кем вы приходитесь Валентину Викторовичу?

– Это мой дядя.

– Ладно, вижу, что вы переменили множество мест, но очень надеюсь, что у нас вы останетесь надолго. Коллектив у нас неплохой, ребята все молодые, озорные, думаю, что вы с ними подружитесь. – Абрамов делал вид, что ничего не произошло. – К работе можете приступать завтра же. Инструктаж получите на месте. Начальником твоей смены будет Иван Степанович Федосеев. Работник он опытный. Можно сказать, уже старик, но дело свое знает куда лучше молодых и разгильдяйства на работе не потерпит.

– Понятно, – привстал Захар. – К порядку я тоже привык. В тягость не будет. А что там у вас случилось? Будто кто-то на охрану наехал?

– А разве дядя не рассказывал? – удивился начальник охраны.

– Так, упомянул что-то, – признался новый сотрудник.

– Ну, ничего, выйдете на работу, вам все расскажут в деталях.

* * *

Рабочий день Маркелова на новом месте сюрпризов не принес. Все выглядело до обыкновенного просто. Начальник смены – Иван Степанович Федосеев – дружески хлопнул его по плечу и весело поинтересовался:

– В армии служил?

– Было дело, – сдержанно заметил Захар, не решаясь вдаваться в подробности.

– Вот и отлично, – неожиданно возрадовался старик. – Будешь стоять на воротах, в «глазок» смотреть, кто подъехал. Спросишь пропуск, все как положено, а если возникнут хотя бы сомнения, связывайся со мной. Я распоряжусь!

– Понял, – задорно отозвался Захар. – А стульчик к воротам можно припереть, чтобы ноги не уставали?

Федосеев с интересом уставился на новенького:

– А ты, я вижу, комфорт любишь.

– А кто ж его не любит, – дерзко, не соблюдая дистанции, отозвался Захар.

– За комфорт платить нужно, – очень серьезно заметил Иван Степанович. – А потом, ведь начало твоей трудовой деятельности отметить нужно. Без этого здесь никак. Традиция такова! Не я начинал ее, и не мне забывать, – как-то торжественно подчеркнул старик. Судя по его отвислым щекам, на которых отчетливо обозначились крохотные ручейки лопнувших сосудов, он понимал толк в крепких напитках. – Иначе работа не заладится.

– За этим делом не станет! – объявил бодро Захар. – Как смена закончится, так и вспрыснем под жабры.

Кроме старика, в его смене было еще два человека. Первого все звали Гарик. Это был крупный мужчина лет тридцати, с сонливым выражением лица, как будто он только что отошел от многомесячной спячки. Его движения были заметно заторможены и ленивы, словно он делал снисхождение всем присутствующим. Второй – немного постарше Захара, сухощавый и выцветший, как мартовский кот. Он ходил пружинистой, легкой походкой и напоминал бывшего гимнаста. Звали его Егор.

Оба оказались москвичами и жили в пределах Садового кольца. К Захару они отнеслись покровительственно, как это случается со столичными жителями при встрече с дремучей провинцией. И лишь однажды Маркелов уловил неприязненный взгляд Гарика, который смотрел на нового сотруд-

ника, как на дешевую лимиту, решившую в скором порядке изгадить все московские подъезды.

Маркелов решил присмотреться к Гарику.

День протекал обыкновенно. Даже где-то скучновато. Похоже, что такой же тоской маются и все остальные. Но скоро он убедился, что это не совсем так: Федосеев баловался кроссвордами, а Гарик листал красивые и толстые журналы с грудастыми тетками на цветных вкладышах. А кроме того, все нещадно эксплуатировали телефон, и казалось, что в интимных отношениях с охраной состояла половина гражданок столицы.

Однако увлечения сотрудников не отражались на работе – дело свое они знали неплохо. Были недоверчивы и придирчивы одновременно. Впрочем, когда отвечаешь за выдачу оружия, другого отношения быть не должно. В этот день Захар стал невольным свидетелем того, как они отказали в выдаче пистолета вохровцу, проработавшему в охране пятнадцать лет, лишь только потому, что тот позабыл служебное удостоверение.

Ночь прошла спокойно. Дважды подъезжал наряд патрульно-постовой службы и, выпив на дармовщинку кофейку с бутербродами, уезжал в ночь.

Невольно Захар стал присматриваться к подъехавшему наряду, ожидая, что кто-нибудь из них покажет ему условленный знак. Но через минуту общения с ними понимал, что сержантов милиции ничего не интересует, кроме получения

мзды с частного предпринимателя. Впрочем, судя по их намекам, у них имелась еще одна страстишка – девочки с Тверского бульвара. Похоже, что за свой покой барышни расплачивались с неунывающими сержантами собственными телами.

Часа за два до конца смены к Захару подошел Егор.

– Ты грозился отметить с нами начало трудовой деятельности, – и, задержав холодные, чуть пытливые глаза на лице Захара, уточнил: – Или все-таки пошутил?

– Базара нет! – охотно откликнулся Маркелов. – Что я, не понимаю, что ли? – И, как бы спохватившись, добавил, посмотрев на часы: – Но ведь смена!

– Через пятнадцать минут подойдут двое наших. Они вместо нас подежурят. А мы с тобой за водярой смотаемся. Идет?

– Заметано! – с воодушевлением ответил Маркелов, словно бы предвкушая нешуточное веселье.

Так и случилось. Не прошло и получаса, как раздался хозяйский звонок, и следом, опережая возможный вопрос, слышался развязный окрик:

– Степаныч! Ты что, уснул, что ли, там? Свои это!

На мониторе Захар рассмотрел двух людей в камуфляжной форме. Похоже, те самые, о которых говорил Егор.

Открывать он не спешил, приучая гостей к дисциплине, и, потомив несколько минут, спросил:

– К кому?

– Ты чего, охренел, что ли? – завозмущался один из пришедших, с рыжеватой коротенькой шевелюрой. – Своих не узнаешь?

Лицо второго показалось Захару знакомым. Он невольно вздрогнул, подумав о том, что встреча могла состояться в одном из кабинетов на Петровке.

– Похоже, что парень из новеньких. Он нас еще не знает. Эй, как там тебя, позови Степаныча, скажи, что свои пришли.

Знакомым был даже голос, чуть шепелявый, с претензией на значимость.

Маркелов включил селекторную связь и проговорил:

– Здесь пришли двое. Говорят, к Степанычу.

– Пусти, – раздался добродушный голос Федосеева. – Это свои ребята, тебе с ними работать.

– Понял, – отозвался Маркелов и, предчувствуя самое недоброе, открыл дверь.

Захар вспомнил его мгновенно, едва тот перешагнул порог. Это был тот самый тип, с которым он сцепился в последний раз в ресторане. С минуту гость рассматривал Маркелова, вспоминая его, а потом, обнажив в усмешке фиксу, произнес просто, как будто пришел лишь затем, чтобы навестить его:

– Я же сказал, что найду тебя, падла! Вот и нашел. Сколько же мы с тобой не виделись? Дней десять? Хороший срок. Счетчик-то – он тикает, денежки идут, – неторопливо насту-

пал он на Маркелова. Парень с рыжеватым бобриком с интересом смотрел на Захара, ожидая его реакции. – Теперь ты от меня никуда не денешься, козел. Знаешь, сколько моя обида стоит?

Захар не отступал, понимая, что от того, как он сейчас себя поведет, зависит судьба всей операции. Неплохо было бы обратить все в шутку, постучать белобрысому по плечу и пообещать немереное количество баксов. Но всякий его шаг в сторону будет воспринят окружающими как обыкновенная трусость.

– Послушай, о чем ты? – попытался изобразить он удивление.

Захар сразу почувствовал, что получилось на редкость скверно, – выдали губы, неожиданно потерявшие гибкость.

– Ты что ваньку валяешь? Ты меня что, за фраера малахольного, что ли, держишь? Ты с телкой был, а потом «стволом» у меня под носом размахивал! Я твою рожу и в аду помнить буду. Если не хочешь, чтобы тебя здесь уделали, завтра мне десять тысяч баксов пригонишь. Ты меня понял? Кузя, – повернулся он к рыжему, который стоял здесь же и со зловещей улыбкой посматривал на Захара, – это тот самый пидор, про которого я тебе рассказывал.

Адреналин, прорвав все запруды, забурился и ударил кровью в лицо:

– Ты мне за базар ответишь, тварь! Не посмотрю, что при свидетелях, уделаю, как падаль!

– Ну, чего ты раздухарился, Ворона, – услышал Захар за спиной голос Федосеева. Похоже, что старикан был здесь в авторитете. Ворона как-то заметно скис и неловко отступил назад. – Если работать не желаешь, так я тебя быстро рассчитаю, желающих на твоё место предостаточно найдется. Хватит с меня приключений! – рубанул он ребром ладони себе по горлу. – Мне такие духаристые работнички без надобности! Это наш новый сотрудник, звать Дмитрий Петров. Прошу любить и жаловать. Он подо мной! Хороших людей я сразу вижу. А если он перед тобой чем-то виноват... так две бутылки водяры сверху поставит. Вот на этом инцидент считаю исчерпанным. Понятно? – строго посмотрел он на Ворону. – Чего молчишь, я с тобой разговариваю, – грубовато поторопил Федосеев.

– Да.

– А теперь пожмите друг другу руки. Повторять не буду. Ворона неохотно протянул руку, продолжая сверлить взглядом Захара. Рукопожатие у него оказалось вялым.

– Вот так-то. И чтобы не заводились. Теперь вы вместе работаете. Ясно? А ты марш за водярой, да чтобы не скупился! – шутя подтолкнул в спину Маркелова Иван Степанович. – А чтобы тебе скучно не было, провожатого возьми. Егор, сходи с новичком в магазин.

– Вопросов нет, – засветился надраенным самоваром напарник. – Ну что, пойдём, – весело посмотрел он на Захара и шагнул за территорию.

У самых ворот Захар несильно попридержал за рукав Ворона.

– Ты думаешь, что «фуксом» прошелся? – процедил он сквозь стиснутые зубы. – У нас с тобой еще будет времечко перетереть тему.

Захар зло выдернул рукав и, не ответив, заторопился следом за Егором, пружинисто удаляющимся по аллее.

– А что за человек этот Иван Степанович? – спросил Захар, догнав Егора.

– Батя-то? Мировой мужик, – протянул Егор, даже не взглянув на Маркелова. – Он у нас в авторитете, – уважительно добавил он. – Во-первых, дольше всех работает, и начальство его ценит, а во-вторых, денег у него всегда можно занять, и никогда не откажет, а в-третьих, не любит, когда молодые залупаются. Здесь же у нас коллектив маленький, все на виду, причем при оружии. Если что не так, тут такая стрельба может начаться, что не приведи господи!

– Что-то он староватый для охраны, – сдержанно заметил Захар.

Егор упорно избегал его взгляда и смотрел прямо перед собой.

– Это как раз тот случай, когда мастерство не пропьешь.

– А что там у вас за заварушка случилась? Я слышал, что двоих убили и оружие унесли.

Егор замедлил шаг и внимательно посмотрел на Маркелова:

– Ты случайно не в милиции работаешь?

– А что, похоже, что ли? – хмыкнул Захар.

– По роже-то не скажешь, – честно заметил Егор. – Может быть, и на «путевого» бы потянул, если бы вопросов глупых не задавал.

– А я вот что подумал: сколько бабок срубили те, что оружие взяли? На черном рынке одна винтовка под пять тысяч «зеленых» будет стоить!

– Ты особенно язык-то не распускай, – строго наказал Егор. – Ладно, ты мне сказал, никто не услышал. А если Степаныч узнает о таком базаре, так он голову оторвет.

– Спасибо за совет.

– Пользуйся. Денег за совет не беру, – отозвался Егор, скривив губы. Получилось очень невесело. – Вот и магазин, – показал он рукой на четырехэтажное здание. – С торца нужно заходить. Возьми «Столичную». Наш батя исключительно ее предпочитает.

– Хорошо. – Захар быстрым шагом заторопился к зданию.

Вход в магазин загораживал грузовик, крытый брезентовым тентом. Задний борт был открыт, а в глубине стояло десятка два ящиков с водкой. Здесь же суровым стражем стояла баба лет пятидесяти в белом халате. Она строго ловила завистливые взгляды мужиков и чувствовала себя в их присутствии по меньшей мере Царевной-лягушкой на смотрах у царя-батюшки.

У машины трудился грузчик лет сорока пяти. Лицо у него

было покрыто густой темной щетиной, от оплывших глаз оставались одни щелочки, из которых недобрым огнем светились черные зрачки.

Подхватив ящик, он брел в магазин, тяжело ступая по высокому крыльцу. Вид у него был безмятежный и усталый, и, судя по физиономии, его уже давно не волновало неровное позвякивание бутылок. Перед глазами стояла постель, на которую можно было бы плюхнуться, даже не снимая стоптанных ботинок, и проспать беспробудно до рассвета следующего дня.

– Ну что ты опять застрял? – громко покрикивала женщина на мужика, которому, судя по обильному поту, выступившему на лбу, и без того было несладко, каждая ступенька лестницы давалась ему с трудом. – Набрала алкашей на свою голову! Плетешься, как беременная вошь по потной заднице.

– Это ты напрасно, хозяйюшка. – Грузчик был настроен миролюбиво. – Спалось мне плохо, вот сегодня как-то и тяжело на душе.

– Еще бы не было тяжело, – задиристо кричала вдогонку баба, – жрать зараз по две бутылки водки, да еще на ночь!

Мужик исчез в магазине, но через несколько секунд появился вновь и с безучастным видом, шаркающей походкой, направился за очередным ящиком. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: он был из того немногочисленного племени мужиков, что посматривают на окружающий мир с невозмутимостью сытого зверя. И философски относятся не

только к замечаниям тещи, но и к наставлениям собственной жены. Захар обратил внимание на то, что женщина мудро не переступала рубежа, за которым в сонливом мужике мог проклюнуться настоящий хищник.

– Да ладно тебе, – лениво огрызнулся грузчик, – ну чего разлаялась. Выпить, что ли, нельзя?.. Сама же знаешь, работу я свою делаю...

– А кто пять минут назад чуть ящик не расколотил? – сетовала баба, размахивая руками. – Если бы хоть одна бутылка треснула, так я бы с тебя в тройном размере высчитала, – угрожающе заколотила она кулаком по кузову.

Мужик взял следующий ящик грубовато, бесцеремонно, и тут же протестующим хором забренчали бутылки, а он, не обращая внимания на мелодичный звон, продолжал нести его к двери.

– Уволюсь, так сама, что ли, таскать будешь? – вяло отреагировал мужик. – Хотя если посмотреть на тебя, то сумеешь. Сколько же в тебе пудов будет, матушка?

– А твое какое дело?

Захар пропустил вперед мужика и пошел следом.

– Ильинична, а ты баба-то мягкая, допустила бы до себя, я бы показал, что значит настоящий мужик.

Женщина неожиданно тонко прыснула. Похоже, что похвала пришлась ей по душе. Махнув ладошкой, она произнесла:

– Ладно тебе! Ты с перепоя еще и не такое наговоришь.

– А у настоящего мужика сила с перепоя только удваивается. Может, убедиться хочешь? – Он поставил ящик и игриво подступил к женщине. И та, предвидя нешуточную атаку на свою честь, поспешно отстранилась.

– На жену бы осталось, а ты на других баб заглядываешься.

Отношения между ними были нескучные, и Захар не удивился бы, если бы узнал, что увалень-грузчик прижимает сочную бабенку где-нибудь в глубине склада, заставленного коробками с вином.

За прилавком стояла покрашенная желтоволосая девица лет тридцати. Густые пряди падали на плечи. Захар невольно задержал взгляд на златовласке.

Наверняка прибыла откуда-нибудь из дремучей провинции завоевывать хлебосольную Москву. Мечтала сверкать на подиуме длинными ногами и подставлять под сверкающие юпитеры смазливое личико. Но жизнь оказалась куда более циничной, чем это представлялось в бабушкиных рассказах. Отвергнутая и, возможно, неоднократно растоптанная, она поняла, что заоблачная жизнь не для нее и самое большее, на что она может рассчитывать, так это на водочный прилавок и на приставаания подвыпивших кавалеров.

На лице девушки запечатлелась житейская мудрость, как если бы она прожила втрое больше своих лет. Похоже, она сознавала, что ей досталась не самая печальная участь. Ее менее удачливые подружки давно стали собственностью су-

тенеров и терпеливо отработывали не только ритуальные субботники на пикничках разудалой братвы, но и едва ли не каждый день платили дань милиции где-нибудь в тесном «луноходе», явно не приспособленном для любви.

Златовласка понимающе улыбнулась Захару, застывшему у прилавка, и негромко поинтересовалась:

– Вам что, водочку?

Чаще всего голоса у продавщиц винных магазинов звонкие, нахрапистые, закаленные в многочисленных перепалках с клиентами. Такими голосами не стыдно вести мужиков в штыковую атаку, а утихомирить разбушевавшихся завсегдаев и вовсе пустяшное дело. Здесь же голос прозвучал тихо, с бархатными интонациями, как будто женщина пыталась ублажать раскапризничавшегося ребенка.

Захар ответить не успел – грубоватый голос поторопил его:

– Ну, чего встал, не видишь, что ли, люди делом занимаются. Дорогу давай!

Захар обернулся – перед ним стоял грузчик с пустым ящиком в руках.

– А ты что, не пройдешь, что ли? Во-он сколько места.

– Мне что, тебя ящиком зацепить? – В голосе грузчика послышались угрожающие нотки. – Это я мигом могу тебе устроить.

– Ты бы свою удалую силушку на баб оставил, – миролюбиво заметил Захар, – тогда хоть польза какая-то будет: тебе

в радость, да и женщине удовольствие доставишь.

– А ну пойдем, поговорим, – загорелся не на шутку грузчик, – а то при барышне неудобно...

– Кузьмич, ну чего ты к парню пристал? – все тем же бархатным голоском начала увещевать его блондинка. Как будто речь шла не о назревавшем мордобое, а о шоколадной конфете, стянутой без спроса со стола.

– Я к нему пристану тогда, когда рожу разобью, – не на шутку злился грузчик, – а сейчас только вежливости учу.

– Послушай... старый хрыч, – без затей обратился к нему Захар, – ты действительно ищешь на свою задницу неприятностей, мне так тебя понимать? – Захар невесело улыбнулся. Рабочий день на новом месте заканчивался бурно. Две ссоры за день не такой уж плохой показатель даже для подростка переходного возраста. – У меня не входило сегодня в планы бить тебе морду, но уж если ты так решительно настроен, то я не могу отказать тебе в этой любезности, – не повышая голоса, продолжал Захар, чувствуя, что адреналин в его крови начинает понемногу закипать. Точно так же бурлит кислород в жилах у подводника, быстро поднимающегося с большой глубины. – Только дай мне купить то, для чего я сюда пришел. Договорились?

– Я тебя на улице обожду, – угрожающе пообещал грузчик.

– Смотри, не убеги раньше времени, – хмыкнул Захар, – чтобы мне тебя искать не пришлось, – и, любезно улыбнув-

шись продавщице, сказал: – Мне, девушка, пивка для рывка... пару коробок. Водочки «Столичной», шесть бутылок. – Продавщица быстро набирала на калькуляторе цифры, лукаво поглядывая на Захара. Ему подумалось, что если немного постараться, то это знакомство может вылиться в очень милый и многообещающий роман. Девушка наверняка одинока, успела устать от случайных связей, и ей хочется стабильности и покоя. – Так... Ага! Копченой колбаски с килограммчик, крабовых палочек... на любителя. Да, вот этих... Хлебушка. И сала копченого.

– Пировать собрались? – улыбнулась блондинка.

– Что-то вроде этого. Будет мальчишник. Не желаете разбавить своим присутствием наше убогое общество? – закинул удочку Захар, пристально всматриваясь в ее лицо. А брови-то дрогнули, вот даже искорки какие-то в глазах блеснули.

– Как-нибудь в следующий раз, – многозначительно пообещала девушка.

Ее голос прозвучал мягко и одновременно очень сочно, так может говорить только любящая женщина, которая уже успела расправить постель и теперь терпеливо, и в то же время настойчиво, потирает плечо возлюбленного к более активным действиям.

– Это не последняя наша встреча, – взял Захар потяжелевшую сумку.

– Надеюсь, – тонкие холеные пальчики изобразили знак

прощания, – если вас грузчик не пристукнет.

Егор стоял немного поодаль и неторопливо курил, не без сладкого кома в горле провожая взглядом всякую интересную девушку. Он был из тех мужчин, которые считают, что некрасивых женщин не бывает.

Грузчик стоял около машины и о чем-то разговаривал с шофером.

– Ты бы не убегал, у нас будет о чем с тобой поговорить, – угрожающе напомнил он, сделав шаг навстречу.

– Егор! – крикнул Захар. – Сумку со жраниной поохраняй, а то сопрут ненароком.

– А ты куда? – На лице Егора отобразилось удивление.

– Не напрягайся. Земляка встретил, перетереть кое-что надо, – беспечно соврал Захар, – ты подожди здесь, я сейчас приду.

– Ну, смотри, только недолго, а то у народа трубы горят.

– Отойдем в сторонку, – глухо произнес грузчик, красноречиво сунув руку в карман. – Ты думаешь, я тебя на людях, что ли, убивать стану?

Захар внимательно следил за его руками. Карман не выпирает, не похоже, чтобы там прятался «ствол», скорее всего нож. Нужно действовать на опережение. Как только он вытащит из кармана руку, следует ударить ногой по запястью, выбить у него «перышко» и двумя пальчиками правой руки ткнуть в гортань. А когда он отключится, укрыть его голову пустым ящиком, чтобы дневной свет не мешал смотреть

цветные сны, и неторопливо вернуться в охрану.

Захар спокойно произнес:

– Ну, давай отойдем... если тебе не терпится получить свое.

Развернувшись, грузчик пошел в самый угол двора, где возвышалась тара из-под водки. Захар видел его крепкую, слегка оплывшую спину. Неожиданно он развернулся, выставив ладонь вперед. Среагировать Захар не успел, и если бы у грузчика в руке оказался нож, то он наверняка напоролся бы на него всем телом. Неплохая реакция для сорокапятилетнего мужика.

Грузчик разжал пальцы, и Захар увидел в его ладони значок, тот самый, что недавно показывал ему полковник.

– Узнаешь? – доброжелательно произнес грузчик.

– Узнаю, – сквозь зубы выдавил Захар, – а без этих театральных трюков никак нельзя было обойтись?

– Нельзя, – очень серьезно отвечал грузчик, выпятив подбородок, – мне сначала нужно было тебя проверить, что ты за птица такая. Нутро твое посмотреть, не стушуешься ли.

– И что? – хмуро спросил Маркелов, еще продолжая сердиться. – Каков вывод?

– Молодец, не сдрейфил, – уважительно проговорил грузчик, улыбнувшись.

Перевоплощение выглядело очень разительным – из грубого мужика в потертом грязном халате тот превратился в обаятельного человека, но что самое удивительное, он был

свой!

– Спасибо, утешил.

– Насчет меня ты инструкции получил?

– Исчерпывающие, – ответил Маркелов, окончательно остывая.

– Меня зовут Ефим Кузьмич, фамилия моя Трошин. Если тебя интересует звание, то я майор. – Неожиданно он сделался серьезным, приняв едва ли не официальный облик. – Хочу сказать, что я не люблю никаких фамильярностей и похлопываний по плечу, а также «тыкания». Обращаться ко мне по уставу не обязательно, но по имени-отчеству, с соответствующим обращением на «вы», нужно. Все-таки я тебя старше не только по возрасту, но и по званию. Тебе все ясно?

Трудно было понять – шутил он или говорил всерьез.

– Да, – процедил сквозь зубы Захар.

Ефим Кузьмич наверняка был из седьмого управления, или, по-другому, из милицейской разведки. В этом ведомстве служили настоящие профессионалы, люди с железной психикой. Для них самое обыкновенное дело, если капитан милиции работает приемщиком стеклотары, а майор рядовым грузчиком. Как правило, такие люди имеют множество масок и тройное дно, и никогда не знаешь, какие они на самом деле.

Ефим Кузьмич вдруг расхохотался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.